

**РАЦИОНАЛЬНОСТЬ
НАУКИ И ПРАКТИКИ:
ЗАКОНОМЕРНОСТИ
СБЛИЖЕНИЯ**

СВЕРДЛОВСК

1989

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. М. ГОРЬКОГО

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ НАУКИ И ПРАКТИКИ ЗАКОНОМЕРНОСТИ СБЛИЖЕНИЯ

Сборник научных трудов

СВЕРДЛОВСК 1989

А 512. 89
Р 277

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета Уральского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. А. М. Горького

Рациональность науки и практики: Закономерности сближения. Сб. науч. тр. Свердловск: УрГУ, 1989. 132 с.

В сборнике предпринята попытка решить вопрос, объясняется ли рациональность культурно-исторических и социальных форм деятельности влиянием науки или, напротив, научная рациональность сама производна от каких-то особенностей человеческой деятельности вообще? В этой связи осуществляется философско-методологический анализ категории рационального, исследуется рациональное содержание в развитии форм и уровней общественного сознания, раскрываются рациональные моменты в практике совершенствования общественных отношений (и в плане истории, и в плане современности).

Редакционная коллегия: В. В. Ким (Уральский ун-т) — отв. редактор, Н. В. Бряник (Уральский ун-т), Ю. И. Мирошников (Свердловский медицинский ин-т)

Раздел I. ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛЬНОСТИ НАУКИ И ПРАКТИКИ: ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ

В. В. КИМ,
Уральский университет
С. Ю. МИЛЯЕВА
Оренбургский сельскохозяйственный институт

Наука и вненаучные формы рациональности (к проблеме генезиса рациональности)

Особенности развития науки и практики породили целый ряд специфических интерпретаций понятия «рациональность». Традиционно в истории философии взаимодействовали два направления, по-разному объяснявшие природу познания, — сенсуализм и рационализм. Позднее рационализм установил точку зрения, согласно которой рациональность полностью выражается в науке, — классическое понимание рациональности (Р. Декарт, Г. Лейбниц). Данный вариант понимания рациональности достаточно широко распространен в настоящее время как в советской, так и зарубежной философской литературе (И. С. Алексеев, Б. С. Грязнов, В. И. Кураев, Н. С. Мудрагей, А. А. Никифоров, Б. И. Пружинин, Т. Кун, И. Лакатос, К. Поппер, П. Фейерабенд и др.).

Вместе с тем существует и неклассическое истолкование рациональности, которое разрабатывается в нескольких вариантах в современной философской литературе: а) рациональность следует выводить из практики (А. С. Богомолов, П. В. Коппин, Т. И. Ойзерман и др.); б) рациональное выявляется в культуре как то, что соответствует или тождественно системе норм и правил, принятых в данном обществе для достижения определенных целей (В. В. Кизима, А. И. Ракитов и др.); в) рациональное включает в себя познавательный и социальный моменты в их единстве (И. Т. Касавин, А. В. Смирнов и др.). Правда, все названные варианты объединяет одно — признание важности социального аспекта в проблеме рациональности.

Однако философская традиция часто связывает особенности научной деятельности с рациональностью. Более того, научную деятельность противопоставляют всем остальным по признаку рациональности, сводя при этом критерии научности к рациональности. Поэтому не случайно данная проблема разработана преимущественно в историко-философском аспекте как оппозиция **рационализм — эмпиризм**. При самых широких социально-культурных выходах из этой дилеммы мы все-таки не выходим за пределы лишь

одной разновидности рациональности — научности. При этом сама рациональность чаще всего ограничивается как свойство знаково-понятийных систем либо их логической структуры. (Кстати, эта традиция идет еще от Р. Декарта, связывающего рациональность с логико-дедуктивной упорядоченностью мышления). Недостаточно учитывается существование рациональности в качестве характеристики предметных форм и отношений социальной сферы.

Таким образом, проникновение науки во все сферы социальной деятельности, ее экспансию, оценивают как процесс рационализации человеческой жизнедеятельности. Вместе с тем очевидно, что ни одна сфера приложения человеческих сил не лишена элементов рациональности. Имеются исследования, подтверждающие рациональность мифа, искусства, даже религии, не говоря уже о трудовой деятельности и практике в целом. Объясняется ли рациональность всех этих культурно-исторических и социальных форм деятельности влиянием науки или, напротив, научная рациональность сама производна от каких-то особенностей человеческой деятельности вообще? С этим вопросом связана центральная проблема — проблема критериев рациональности вообще и научной рациональности в частности. И это вновь возвращает нас к проблеме генезиса рациональности в свете возможностей деятельностного подхода.

В контексте общей проблемы рациональности вопрос о ее генезисе обладает сложной смысловой нагруженностью. Это — и одна из попыток экспликации самого термина «рациональность» через выяснение культурно-исторических форм существования последней, и возможность апробирования предложенного подхода к проблеме на конкретном материале. Многозначность и неопределенность данного понятия не могут не диктовать вопрос об инварианте, присутствующем на всех уровнях и во всех сферах существования рационального. Поиск этого общего критерия рациональности обусловлен и необходимостью решения более частных вопросов, связанных с выяснением модификаций данного понятия в различных мыслительных эпохах и оснований для выделения иных (отличных от научной) видов рациональности.

Поливалентность термина «рациональность» при первом приближении находит свое объяснение в разведении предметных областей его использования.

В логическом плане рациональность — характеристика различных сфер общественного сознания. Именно здесь существует традиционная проблема выведения критериев рациональности, возникает сама возможность зафиксировать специфику философской, художественной и научной рациональности; в историческом срезе представляет несомненный интерес смена оснований для выявления рационального характера одной из сфер общественного сознания на протяжении нескольких мыслительных эпох. Однако наиболее крупная дифференциация предметной области, охватываемой данным понятием, порождающая немалые трудности в экспликации самого термина — процесс мышления и практически-предмет-

ная деятельность, в равной степени претендующих на предикат рациональности. Градация трех названных сфер — лишь распространение тезиса о теоретической нагруженности понятия рациональности, объяснение же — в структуре самого процесса продуцирования соответствующих сфер сознания, типов общественных отношений, видов действий.

Акцент ставится на целесообразности постижения действительности, т. е. перевода безразличности изначальной данности мира человеку в значимый для него объект. Действительность, подверженная преобразованию, выступает как социальная действительность — продукт и условие активности человека. Деятельность в широком смысле есть «процесс создания общественным субъектом условий для своего существования и развития, в результате которого происходит изменение системы общественных отношений, социальных институтов, ... т. е. процесс постоянного обновления всего социального организма»¹. Поэтому глубинные основания рациональности тех или иных явлений не просто «заложены» в этом процессе: они суть элементы структуры деятельности, внутренний срез структуры которой может быть представлен как **цель — средство — результат** (сам термин — рациональность — кроме общепринятого значения «разумности» имеет и смысл «целесообразности», причем в качестве основного).

Цель, идеальная модель будущего результата, в завершении процесса деятельности как бы оборачивается на себя. Осуществление процесса целевоплощения в результате адекватно проектируемому — необходимому условию рациональности данной деятельности. Но недостаточное! Рассмотрим подробнее функциональный аспект процесса деятельности, исходя из идеи обращения к последней как к объяснительному принципу и взяв в качестве наиболее общего критерия рациональности структурный инвариант деятельности — **связку цель — средства — результат**. Для того, чтобы этот критерий действительно работал, необходимо выявить акт самодвижения, самоосуществления деятельности из ее внутреннего источника.

В логическом плане он представляет собой процесс опредмечивания — распредемечивания, который в своей конкретной оформленности трансформируется в противоречие формы и содержания (деятельность — общественные отношения), репрезентируемое в свою очередь собственно преобразовательным фактором — противоречием внутри самого человека. Во все предшествующие эпохи человек — не только субъект деятельности, но и объект системы общественных отношений. Отсюда и иррационализм целесообразного действия, когда «забыт» субъект как таковой, отсюда и незавершенная рациональность классической эпохи (псевдорациональность по большому счету, ибо эталонность научной рациональности, ее внечеловеческая нормативность допускает и даже продуцирует извращение

¹ Буева Л. П. Человек, деятельность, общение. М., 1978. С. 57.

формы сознания). Рационализм заверченный, действительный возможен лишь на этапе гармонизации двух «Я» в человеке.

В чем, собственно, сущность гуманизма?

Человек относится к себе подобному как к субъекту во всех сферах жизнедеятельности. А гуманизм — не что иное как нравственная характеристика коммунизма. Поэтому и наиболее полным образом сформулированный критерий рациональности представляется как достижение результата деятельности адекватными цели средствами при условии подчинения этой цели (прямо или через ряд опосредований) — высшей цели — развитию сущностных сил человека. Причем проведенная выше дифференциация сфер использования термина «рациональность» при подобном подходе не устраняется.

Функционирование рациональности в рамках различных видов общественного сознания предполагает свои внутренние признаки. Но именно свойство быть предикатом человеческой деятельности позволяет оценить те или иные ее проявления на основе иерархии целей и их подчинение в конечном счете формированию целостного, гармоничного субъекта этой деятельности.

С появлением рациональной практической деятельности, т. е. с возникновением принципиальной возможности гарантированного совпадения цели и результата, одновременно (процесс взаимозависимый) зарождается потребность в выявлении закономерностей, в проецировании будущей деятельности и, наконец, в необходимости работать с собственно моделью, с продуктом мыслительной деятельности.

Первые формы мышления, возникающие из определенных потребностей практики, изоморфны ее структуре. В связи с этим возникает задача выявить те социально-практические структуры, отражением которых явилось мифологическое освоение действительности и изменения в которых привели в конечном счете к торжеству рациональности. И последнее замечание, носящее пока гипотетический характер. Внутренний механизм возникновения рациональности (а речь идет о рациональности мыслительного процесса) есть процесс трансформации мифологического образа — смысловой единицы данного типа мышления — в понятие, мыслительную единицу следующей духовной эпохи. Понятие и обладает критериальной функцией индикации типа рациональности на этапе ее возникновения.

Социальные структуры первобытных обществ основаны прежде всего на половозрастном характере разделения труда. Но в рамках совместной деятельности существует и другой тип дифференциации труда, проявляющейся в форме оппозиции индивидуального и коллективного. В плане социальных отношений этот процесс отражен в противоречии рода и семьи: «Коллективный труд — дело рода, и прежде всего, группы мужчин, живущих в доме. Инди-

видуальный труд — труд семьи»². Возникает необходимость различения совместного труда и взаимной помощи, где большую роль (по Ю. И. Семенову — решающую) играл моральный фактор мотивации деятельности.

Необходимое регулирование распределения в общине, которое было именно равнообеспечивающим, а не уравнительным, — один из стимулов развития положительных знаний. На основе индивидуального (группового) опыта возможность установления причинно-следственных связей оказывается реальной. При этом причина вещи, ее сущность суть то, из чего и как она произошла. Но не существует еще адекватной системы хранения и передачи информации, ибо процесс осуществляется посредством индивидуальной памяти и реального общения — научения. Отсюда и неизбежность эмоционально-волевого компонента такого рода информации: действительные обобщения возможны там, где коллективный опыт способен зафиксировать причинные отношения. Но есть ли в арсенале первобытного мышления средства сохранения информации?

Значимость предмета, обусловленная не его собственной природой, а той функцией, которую он выполняет, представлена в мыслительных структурах свойством предмета, его родовым именем. Позже в этом имени стала концентрироваться целая совокупность общественно-значимых свойств. (Боги в античной мифологии — отчужденная в **знаковой форме** социальная память, обеспечивающая сохранение и воспроизводство необходимых для общества знаний и навыков³). Роль медиатора в процессе трансформации знаковых систем принадлежит внутренней форме деятельности — общественным отношениям, которые специфицируются в виде системы отношений родства. Эта система, сохраняя в себе уровень собственно практической деятельности, содержит уже более вариативную модель, способную влиять даже на форму отражения. Это положение можно проиллюстрировать следующим примером: у бушменов основной продукт, полученный на охоте, перераспределяется среди членов рода (даче-дележные отношения, по терминологии Ю. И. Семенова). Но наряду с ними существовала и форма дарообмена. Причем их функции не были идентичны: даче-дележ — необходимое распределение продуктов внутри каждой конкретной общины, цель которого обеспечение условий существования коллектива; дарообмен — номинальная функция, действующая, как правило, между общинами. Предоставлен дар — человек налагает на другого обязанность отдаривания, причем эквивалентного. Дареная вещь свидетельствовала о хорошем отношении, так дарообмен принял общезначимую форму, следовательно, его отражение должно носить соответствующий характер. Сте-

² Бутинов Н. А. О специфике производственных отношений общинно-родовой формации // Сов. этнография. 1977. № 3. С. 51.

³ См.: Вольская Н. С. Семиотика древнегреческого мифа // Вопр. философии. 1971. № 7.

пень абстрагированности достаточно высока: если раньше фиксация определенных знаний и навыков основывалась на моменте подобия отражаемых систем, то в данном случае это проводится на языке чистой символики. Именно эта особенность хранения информации и не позволила сделать «прорыв» к преобразованию действительности на основании ее моделирования, ибо необходима была предварительная деятельность по раскодированию. (Отсюда и отмечающаяся в литературе неэвристичность мифологического мышления, принципиальная невозможность в его рамках качественных изменений. Поэтому и следующий этап в развитии человеческой мысли начинается с обработки уже имеющегося материала, попытки рационализировать миф, вырваться из дурной бесконечности вариаций на один сюжет). Закрепленные в общезначимых формах знаки обмена родства не являются еще аналогами возникших впоследствии знаков стоимости. Но их способ существования в качестве промежуточного уровня между системой общественной деятельности и ее отражением, несомненно, оказал соответствующее воздействие на содержание и формы мыслительных структур.

Мифологический способ освоения действительности (и мифологический образ как его смысловая единица) прекращает свое монопольное функционирование уже на уровне развития дарообмена, т. е. перехода к соседской общине: его «живучесть» объясняется в большей степени сосуществованием в течение длительного времени нескольких форм обмена деятельностью. Развитие товарно-денежных отношений не оставляет больше места в сознании отождествлению функции (свойства) и самого предмета, ибо речь идет о поглощении реального бытия предметов их функциональным бытием.

Дальше начинается процесс манипулирования сознанием с превращенными формами. Отражение этих форм возможно только в опосредованном обобщенном виде — в понятии. Но последнее выражает специфику логического освоения действительности, не имманентную индивиду. Поэтому кроме внешних факторов воздействия должны существовать и внутренние детерминанты трансформации мифологического образа в понятие. О. М. Фрейденберг⁴, исследуя процесс возникновения античного фольклора, в качестве противоречия внутреннего плана, разрешившегося в понятие, рассматривает противоречие между формальной и содержательной стороной образа. Функцию медиатора выполняет особая разновидность образа — **метафора**, в которой, благодаря появившемуся переносному смыслу, предмет не находит уже свое полное воплощение. В этом случае научный образ (понятие) как бы снимает в себе условность художественного образа и принципиальную переводимость мифологического в другие системы языка, ибо ценность мифа не в лингвистической стороне, а в содержании⁵.

⁴ См.: Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 24.

⁵ См.: Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983. С. 183–207.

Формирование рационального шло именно по пути освобождения от личностного компонента, накладываемого особой формой передачи мифа, требующей совпадения планов выражения и понимания, т. е. миф оперировал смыслами, заключенными в образе, которые тем не менее были понятны всем. Следовательно, должно существовать некоторое ассоциативное поле для соотношения с ним образов рассказа (а миф всегда пересказ чего-то уже существующего), которое, вероятно, и есть наиболее консервативный элемент системы, поддерживаемый определенным образом. Иначе как объяснить наличие одних и тех же сюжетов в повествованиях различных регионов и в то же время абсолютное отсутствие тождества между ними? То есть эта вариативность выразительных средств, основанная на обязательном «переживании» сюжета, обязательной вере в него и создает соответствующий план восприятия через ценностные его моменты.

Что произошло дальше?

Смысл внутри образа трансформировался в значение раньше, чем сам образ — в понятие, ибо у последней оппозиции существовал посредник в виде образа-понятия. Эта переходная форма уже имела свой денотат, вернее, поле значений (прямое, переносное, метонимическое). Таким образом, сама возможность соотношения знака и значения появляется при разложении мифологического образа, который на протяжении всего времени функционирования находил для себя адекватный способ выражения в символе. Последний тоже может рассматриваться как знак, но знак особого рода. Гегель указывал на небезразличность его, т. е. этот образ уже в своем собственном существовании обладает тем значением, для выражения и обозначения которого он употребляется, уже в своей внешней форме заключает в себе содержание выявляемого им представления, поэтому мифологию необходимо понимать символически⁶. Но символ не замещает собой другого содержания, не указывает даже на него (на том уровне развития мыслительных средств), а выражает собой императивность ценностного отношения к нему⁷.

И в этом плане любой миф может быть представлен как символ, в котором субстанцируется идейная образность вещи. Для перехода же к понятийному способу отражения необходимо заменить цепочку символов (самодостаточности представленных образов) двумя новыми плоскостями — содержанием и выражение. Именно на этапе переходной формы возникает проблема соотношения знака и значения. Если принять образ как генеалогическую категорию, то знак является средством его перевода в коммуникативный план⁸. На уровне восприятия знак обладает реконструиру-

⁶ См.: Гегель. Эстетика. М., 1969. Т. 2. С. 15—20.

⁷ Скоробогаткий В. В. Роль знаков в становлении понятий // Семиотические аспекты научного познания. Свердловск, 1981. С. 66.

⁸ Подробнее см.: Ким В. В. Семиотические аспекты системы научного познания. Красноярск, 1987. С. 125—127.

ющей функцией, т. е. субъект «восстанавливает» закодированный образ. Этот процесс, как и ему противоположный, зависит от абстрагирующей способности субъекта, так как именно она служит основой разведения знака иконического и условного; эта же способность является, вероятно, и причиной их исторической последовательности.

Основываясь на вещественных археологических свидетельствах деятельности людей в начале позднего палеолита, Б. А. Фролов указывает на характерные особенности изображения в наскальных рисунках: например, вода передается одной волнистой линией (знак, еще сохранивший подобие с предметом); встречаются изображения животных в вакууме, т. е. происходит не «схватывание» ситуации в целом, а определенная направленность восприятия и передачи его⁹. Интерес представляют также композиции с реальными компонентами, но условной связью между ними: бык с женщиной, бык с лошастью, — не является ли это переходом к большей степени абстрагирования? В данных примерах еще сохраняется подобие знака и вещи, что является, по М. Фуко, первоначальным необходимым условием их связи («Знак значим лишь по мере сходства с предметом»¹⁰). В связи с тематикой данной работы это положение проливает некоторый свет и на мифологический образ как элемент произведения.

Но прежде чем проиллюстрировать это положение примером из собственно мифологического произведения, т. е. мифа, выраженного в слове, следует, вероятно, сделать оговорку. Указывая на принадлежность мифа к области поэзии в широком смысле слова, А. А. Потебня считал, что «словесное произведение во времени всегда предшествует живописному или пластическому изображению мифического образа»¹¹. Не располагая пока соответствующим эмпирическим материалом, можно высказать лишь общее соображение, исходя из отмеченной выше классификации знаков, — слово есть знак второго порядка, т. е. условный. Поэтому, обладая изначально функцией обобщения, оно не могло в качестве знака мифологического образа появиться раньше, чем, например, пластическое изображение. Но данное суждение очень поверхностно и нуждается в эмпирической интерпретации.

Что касается примера об изменении соотношения знака и значения в словесном воплощении мифологического образа, то он достаточно полно проинтерпретирован в работе О. М. Фрейденберг.

«Вино есть моя кровь» — на начальных стадиях мифологического мышления происходит полное их отождествление в семантическом аспекте (т. е. знак и значение выступают в мифе как равнозначные и взаимозаменяемые) — отсюда вытекает и объяснение

⁹ См.: Фролов Б. А. Биологические знания в палеолите // Природа. 1980. № 6. С. 63.

¹⁰ Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. М., 1977. С. 98.

¹¹ Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 432.

тезиса О. М. Фрейденберг о том, что мифический образ не выражает ничего, кроме себя самого¹².

На первом этапе связь цепочек знака и значения носит жестко закреплённый характер, и системы интерпретации (а они всегда возникают, если имеются эти две структурные цепочки) варьируются в узких рамках. Но для развития же всегда требуется выход за их пределы.

Знак — элемент формы плана выражения — в силу имманентной консервативности ограничен в своих выразительных возможностях. М. Фуко в этой связи указывает на первичность во времени круга подобия по отношению к кругу примет, или, можно сказать, что вторичным является условный знак, способный выполнять моделирующую функцию по отношению к образу. Параллельно появляется и проблема кодирования и соответственно декодирования сообщения. Связь знака и значения уже утрачивает свой однозначный характер, и формальная сторона, наконец, приобретает свойственную ей и в дальнейшем активность: возникает возможность игры прямого и переносного смыслов. Образ, положенный в своем различии — элементе материала, заключающем в себе возможность его воссоздания, — становится уже «образом-для-себя». А это свидетельствует о появлении в рамках самого образа иллюзорного тождества смыслов. То же предложение: «Вино есть кровь моя» — больше не означает буквального сходства; здесь уже можно говорить об отдаленности предмета и того, что указывает на его образность — вино и кровь. Иначе говоря, в данном случае один из этих предметов (кровь) должен сохранить свой конкретный смысл, а другой (вино) выступает как его скрытое подобие.

Появление переносного смысла свидетельствует о раздвоенности значения слова на основное и производное, причем производным может быть не только переносное значение (например, «льняные волосы» — словосочетание, возможное на основе наличия общего признака — цвета), но и замещающее значение (метонимическое)¹³. Например, употребление в речи слова «ліца» вместо «люди» основано на необходимой органической принадлежности части целому.

Таким образом, можно проследить путь экспликации значения: существование единственного значения слова, затем появление полисемантизма и, наконец, на его основе возникает возможность выделения существенного смысла, обобщенного отражения действительности — понятия. Но если отвлечься от схем, в более содержательном плане такая трансформация образа в понятие возможна через метафору. А. Ф. Лосев в своей работе «Проблема символа и реалистическое искусство» приводит следующий пример (по поводу различия символа и метафоры): «Море смеялось» — метафора, которую нельзя разделить на 1) море и 2) улыбку, ибо

¹² См.: Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. С. 49.

¹³ Резников А. О. Понятие и слово. Л., 1958. С. 88.

она — самодовлеющий предмет, в котором растворен реальный. Но способности и возможности перенесения ограничены пределами абстрагирующих возможностей. В основе метафор (до рациональных) лежит еще конкретное мифологическое тождество. Сказать: «бездна горя» — античный поэт мог, но «бездна света» — нет! Ибо в основании первого лежит былое олицетворение: бездна представлялась преисподней — страданием¹⁴.

Итак, прежний мифологический образ обладает уже одновременно двумя возможными тождествами знака и значения: конкретным (реальным) и иллюзорным. Появляющееся «иное» значение в понимании образа свидетельствует о том, что он наделяется функцией иносказания. Образ, как метафора, имеет прямой образный смысл и не прямой, уже понятийный.

Оставаясь по форме мифологической, метафора представляет собой условный знак образа (метафора — тоже образ, но в тексте выступает как его языковое выражение), а условность — характеристика образа художественного. Причем если раньше миф был и действием и словом (М. М. Бахтин его определяет как «разновидность интуитивно-эстетического единства познания и поступка, который вследствие преобладания этического момента называется познавательным»¹⁵), то с возникновением художественной метафоры — это рассказ, покоящийся на мифических основаниях.

Прежний образ благодаря игре прямого и переносного смыслов обладает одновременно двумя возможными тождествами знака и значения — реальным и иллюзорным. И на том этапе, который можно непосредственно связать с появлением рационального из единого комплекса человеческой деятельности, на первый план выдвигается процесс (очень длительный в силу богатства материала, поставленного первым уровнем и оставленным в «наследство» предшествующим этапом) работы человеческого духа в пределах предмета познания.

Попытка проследить трансформацию мифологического образа в понятие вызвана более глубокой задачей — поиском истоков рациональности. Появление понятийно-образной формы мышления метафоры — свидетельство начавшегося выхода первобытного сознания к рациональным структурам. Элементы рационального освоения действительности заложены:

- а) в самой деятельности общины по обеспечению ее существования;
- б) в возникшей на ее основе системе родства и распределения;
- в) в знаковой форме мыслительных структур, в их внутренних детерминантах.

Действие данного совокупного фактора и обусловило появление такой мыслительной формы, которая оперировала уже сущностным значением предмета, позволяла фиксировать причинно-следствен-

¹⁴ Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. С. 23.

¹⁵ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 31.

ные связи и констатировать их в общезначимых единицах мышления — понятиях. Позже с появлением специфического субъекта выработки и сохранения социальной информации возникают и первые системы мира из него самого. В силу синкретичности духовной деятельности ее родовая характеристика идентична: рациональность рождается в единстве своих научных, философских, художественных типов, и рождается она как понятийность.

Весь следующий период развития духовной формации порождает иные формы, разновидность рациональности, но границы поисков критерия очерчены границами собственно мыслительных структур. Способы «прорыва» этой оболочки, выхода на уровень моделирования действительности и ее преобразования, т. е. способы достижения полной, завершенной рациональности, как ни парадоксально, совершались внутри философских систем в русле общего иррационализма (экзистенциализм, вся философская антропология). Но что в итоге?! Цель, высшая, конечная цель любой деятельности, оказалась абстрактной; человек как высшая ценность, как субъект всех отношений — не возможен. Причем, несмотря на гуманистическую в целом направленность, нет основания считать эти системы потенциально рациональными, ибо изначально ясна принципиальная невозможность совпадения цели и результата деятельности, не выходя за их пределы, за границы созерцательности, не формируя адекватных средств целевоплощения.

Итак, анализ проблемы генезиса рациональности, проведенный в свете возможностей деятельностного подхода, ставит вопрос о более углубленном изучении самого понятия рациональности и его социально-практических корней. Необходимость разработки проблемы рациональности как критерия правильности совершенствования деятельности и обусловлена потребностью осознания духовных и материальных ценностей, регулирующих и направляющих человеческую деятельность в сторону соответствия ее результатов общечеловеческим требованиям. Необходимо обосновать немаловажную значимость понимания рационального как сложного познавательного и социально-экономического феномена, овладение которым позволит управлять деятельностью человека и влиять на ее результативность в границах разумных ценностей.

В. Н. САГАТОВСКИЙ
Симферопольский университет

Рациональное и иррациональное в деятельности

До недавнего времени в нашей литературе проблема рационального обсуждалась в основном в рамках оппозиции «чувственное — рациональное (логическое)». История философии, однако, с давних пор знала и другой категориальный контекст: «рациональное —

иррациональное». В разные эпохи представители различных философских школ делали преимущественный акцент на первой или второй категориальной оппозиции. В ситуациях, когда успехи преобразовательной и познавательной деятельности порождают не ведающий сомнений оптимизм, рациональное рассматривается наряду с чувственным как одно из средств познания. В условиях, когда чисто рациональные (рационально-просветительские, рационально-технологические) программы демонстрируют свою недостаточность, на первый план выходит проблема рационального — иррационального.

Результаты разработки этой проблемы могут быть самыми различными — от абсолютизации иррационального в мире и человеке, ухода в мистику до позитивных уточнений и более широких и адекватных трактовок как рационального, так и иррационального. Естественно, нас интересует это последнее направление поисков.

В качестве положительных достижений современной трактовки рационального можно отметить два тесно связанных момента: отказ от идеала абсолютно формализованного знания (что с непреложностью следует уже из философского осмысления теоремы Геделя) и осознание того, что рациональное не сводится к логическому. Так, Ст. Тулмин, показывая, что не все в науке можно свести к логике, отмечает: «Гораздо типичнее ситуация, когда наука включает в себя многочисленные сосуществующие, но логически независимые теории или концептуальные системы, и тем не менее это будет вполне научно»¹. Можно ли такую научность считать рациональной? По мнению Тулмина — да, поскольку для него содержание рационального это, скорее, «интеллектуальная инициатива, порождающая новые семейства понятий и убеждений»²; «рационально» — отмечает автор — «... т. е. по достаточным или недостаточным основаниям»³.

Иными словами, рациональное — это не только логически оформленный результат, но и процесс, имеющий основания, достаточность или недостаточность которых может быть определена. С таким подходом следует согласиться, но вряд ли он достаточен для определения специфики рационального. Остаются неясными, во-первых, природа рационального обоснования и, во-вторых, его границы. Конкретизируем эти вопросы. Новая семантика может порождаться не только на уровне логического мышления, но и в «живом созерцании» и, в конечном счете, — практике (новые смыслы создаются новой деятельностью). Означает ли это, что «интеллектуальная инициатива» и процедура обоснования должны простирались столь же широко? Можем ли мы, стало быть, говорить не только о рациональности теоретического познания, но и гораздо шире: научного познания в целом, вообще любого позна-

¹ Тулмин Ст. Человеческое понимание. М., 1984. С. 138.

² Там же. С. 97—98.

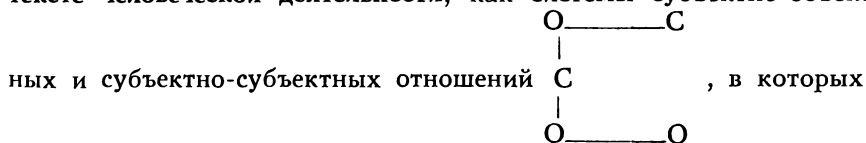
³ Там же. С. 97.

ния, вообще человеческой деятельности? Имеет ли рациональное обоснование — если оно так концептуально и исторически изменчиво — объективную основу или же оно конвенционально? («Мне нравится этот отход от истины к рациональности. Чьей рациональности? Я чувствую конвенционалистскую инфильтрацию»⁴).

Далее. Существует ли некая **позитивная** альтернатива рационального, есть ли объективный интервал познания и деятельности в целом, за пределами которого рациональность становится нерациональной? Или же иррациональное есть просто отсутствие рационального, как зло есть отсутствие добра в теодицее Августина?

Традиционно в нашей литературе иррациональное имеет только отрицательные характеристики, по сути дела, отождествляется с той его трактовкой, которая дается иррационализмом. Утверждается, что «в теории познания диалектического материализма иррациональное рассматривается как нечто еще непознанное, но принципиально познаваемое»⁵. При этом молчаливо предполагается, что всякое допущение чего-либо непознаваемого есть агностицизм и мистика, а познание — единственно возможный способ духовного освоения реальности. Так ли это?

Нет смысла рассматривать все эти вопросы порознь, бессистемно. Попробуем применить к анализу проблемы **системный и деятельностный** подходы. Это означает, что мы намерены не просто высказать некоторые более или менее правдоподобные частные суждения, но, определяя природу рационального и иррационального, удовлетворить основному требованию системного подхода — **принципу необходимости и достаточности**⁶. Какие характеристики этих феноменов оказываются необходимыми и достаточными для выполнения своих функций в рамках определенной целостности, где они сформировались, функционируют и развиваются? Но что это за целостность? На этот вопрос поможет ответить деятельностный подход: рациональное и иррациональное следует рассматривать не в рамках научного познания или даже познания вообще, но в **контексте человеческой деятельности**, как системы субъектно-объек-

выражаются жизненные смыслы или ключевые ценности сущностных сил человека⁷. При этом познание — лишь один из аспектов

⁴ Лакатос И. Доказательства и опровержения. М., 1967. С. 144.

⁵ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 221.

⁶ См.: Каган М. С. Человеческая деятельность. М., 1974. С. 22—23; Сагатовский В. Н. Системная деятельность и ее философское осмысление // Системные исследования: Ежегодник, 1980. М., 1981. С. 64—66.

⁷ См.: Сагатовский В. Н. Понятие деятельности и ее структура // Вopr. философии. 1985. № 2.

целостной деятельности⁸.

Таким образом, если мы хотим понять рациональное и иррациональное как определенные характеристики деятельности, требуется осуществить такую последовательность действий: 1) определить смыслы этих феноменов (**во имя чего** возникают и используются они в деятельности субъекта⁹?); 2) выяснить, какими необходимыми и достаточными характеристиками они должны обладать для реализации этих смыслов; 3) рассмотреть возможные типы их соотношения и взаимодействия в различных условиях деятельности и типах культуры.

По мере развития человеческой деятельности нарастают такие характеристики, как **сложность** ее объектов, **массовость** ее участников (субъектов), **дифференциация** (вплоть до противоположности) интересов, что находит совокупное выражение в возрастании **опосредованности** всей системы С — О — С отношений: для освоения сложных объектов требуются сложные системы средств; для организации множества участников деятельности необходимы опосредствующие управленческие звенья; различие интересов приводит к усложнению необходимых средств общения. В таких условиях формируется ценностная ориентация на то, чтобы оставаться **хозяином положения** в усложняющейся ситуации, **контролировать положение дел** (управлять в соответствии с поставленными целями).

Но чтобы успешно контролировать ход природных процессов, массовые социальные действия, столкновение интересов, надо, во-первых, **знать** их объективные закономерности и технологию их преобразования и, во-вторых, **знать**, что **субъект деятельности действительно это знает**. Иными словами, **контролируемые действия требуют проверяемых знаний**. Процедура проверки может осуществляться самыми различными способами: посредством физического или мысленного эксперимента, теоретического доказательства, моделирования, статистической обработки наблюдений, практики в самом широком смысле этого слова; важно лишь, что контролируемые действия могут быть так или иначе воспроизведены в определенном объективном интервале, контексте деятельности и взаимодействия и не поддаваться воспроизведению в другом (соответственно управляющая ими программа в первом случае верифицируется, а во втором — фальсифицируется).

В свою очередь, проверке может поддаваться лишь информация, имеющая общезначимую, интерсубъективную форму выражения, удовлетворяющая требованию **общезначимости**: способная быть однозначно истолкованной (с точностью до исполнения действия) каждым, кто владеет соответствующим языком (национальным, профессиональным, ритуальным, существующим в виде звуковой речи, формул, знаков, жестов и т. д. и т. п.).

⁸ См.: Сагатовский В. Н. Структуры деятельности // Закономерности научного познания. Томск, 1982.

⁹ Во избежание недоразумений подчеркнем, что «субъект» и «человек» для нас не сводятся к индивиду, но предполагают три уровня: общество, группа, личность.

Такова предельно краткая характеристика **рациональной деятельности**. Ее смысл заключается в обеспечении надежного контроля усложняющейся, нетрадиционной ситуации: рост нужды в рациональности пропорционален росту опосредованности в системе деятельности. Ее диагностические признаки — это проверяемость и общезначимость знаний, образующих программу деятельности, которая способна реализовать указанный смысл.

Но любая ли информация может быть проверена и общезначимо выражена (повторяем, что речь идет не об абсолютной проверяемости и общезначимости, но лишь с **точностью до исполнения действия**)? Нетрудно показать, что не любая.

Бытие в целом, человеческая деятельность и познание как ее аспект в том числе представляют собой единство **прерывного-непрерывного, замкнутого — открытого, конечного — бесконечного**. Первые противоположности в этих категориальных рядах образуют онтологическую основу и возможность появления рационального в человеческой деятельности.

В самом деле, надежно контролировать можно лишь некоторую дискретную, замкнутую и конечную систему; соответственно проверяемой (относительно управления действиями в рамках такой системы) и общезначимо выраженной может быть лишь программа, обладающая аналогичными характеристиками. Непрерывность, открытость, бесконечность, напротив, предполагают нарастание **неопределенности**, рациональность приобретает сначала вероятностную форму, а затем постепенно исчезает в лабиринтах размытых, «пушистых» множеств: сначала мы уверенно предсказываем неизбежность, потом возможность, потом все становится одинаково возможным и невозможным и бытие неожиданно открывает свой непредикативный уровень. Попытки рационального схватывания Абсолютного всегда вели либо к парадоксам Зенона, либо к компромиссам Фомы Аквината, либо к иллюзиям Гегеля. Идея «ученого незнания» Николая Кузанского была здесь куда последовательнее (нет нужды говорить о необязательности теологической формы фиксации этого факта; речь идет о том, что в точке, равной вселенной — где совпадают максимум и минимум, в бесконечности и непрерывности *natura naturans*, где совпадают прошлое, настоящее и будущее и т. п. — все одинаково есть и все ничто, противоположности совпадают, и попробуйте здесь выразить рационально что-либо, кроме факта антиномичности...).

Не ведут ли такие рассуждения к допущению какой-то иррациональной мистики (пусть Шеллинга, например)? Этот вопрос мы обсудим чуть позже. А пока в виде некоторого итога перечислим **ключевые** понятия рациональности: сложность, массовость, дифференциация, опосредованность (порождающая ситуация), управление и контроль (смысл), проверяемость, общезначимость (характер знаний), прерывность, замкнутость, конечность (условия осуществимости или онтологические основы).

Можно, конечно, представить связь этих понятий в виде кибернетической схемы или в виде развернутой дефиниции. Но мы ограничимся здесь кратким определением, схватывающим функциональную суть дела: деятельность является **рациональной**, если она поддается управлению и контролю на основе проверяемых и общезначимых знаний.

Теперь достаточно ясно, что так понимаемая рациональность характеризует не только науку, но и рецепты здравого смысла, нормативы обыденного сознания и вообще любой аспект деятельности (познание, преобразование, коммуникацию, технологию эстетического освоения, «этикетную» сторону морально-нравственного общения и т. д.), поддающийся управлению и контролю на основе проверяемой и общезначимо выраженной программы. В современной науке (и прежде всего в ее естественно-научной модели) рациональность достигает лишь своего апогея¹⁰, а ее абсолютизация не случайно приобретает форму сциентизма.

В человеческой деятельности, однако, возможны и ситуации принципиально иного типа, когда идеал **проверяемости** теряет смысл. Во-первых, существуют случаи, когда управление деятельностью на основе проверяемой и общезначимо выраженной ситуации **невозможно**, во-вторых — когда оно **не является необходимым**, и, в-третьих, — когда оно вообще **нежелательно**. Рассмотрим эти случаи.

Невозможность рационального управления имеет два варианта: оно невозможно данными средствами по отношению к данной предметной области; оно невозможно в принципе. Первый вариант вытекает из философского осмысления теоремы Геделя: для любой семантики, адекватность которой проверяема и общезначимость выражения практически эффективна (не ведет к парадоксам и взаимному непониманию) по отношению к определенной системе деятельности и объективному интервалу взаимодействия, всегда можно найти такие контексты деятельности и взаимодействия, по отношению к которым она оказывается **несоизмеримой** и задача проверки вообще теряет смысл. Так, в приборной ситуации, адекватной для выявления корпускулярных свойств элементарных частиц, невозможно проверить утверждения об их волновых свойствах; естественноисторический подход теряет свою строгую рациональность, когда исследователь полагает его достаточным для объяснения свободы выбора, и то же самое происходит с деятельностью по подходу, если считать его достаточным для объяснения генетических оснований выбора. Любое знание наталкивается на «порог фальсифицируемости» и попытки его применения «ко все-

¹⁰ Ранее автор этой статьи считал проверяемость и общезначимость (воспроизводимость и отчетливость) характерными признаками научности (см.: Сагатовский В. Н. Философия как теория всеобщего и ее роль в медицинском познании. Томск. 1968. С. 377—379). Но это неточно: данные признаки необходимы для характеристики научности, но, с одной стороны, недостаточны для выявления ее специфики, а с другой, характеризуют не только научную деятельность.

му» делают его неприменимым ни к чему. Однако нахождение адекватных средств, интервализация применения знания решает парадоксы такого рода¹¹.

Второй вариант имеет место при переходе к освоению такого уровня бытия, который в принципе не поддается отражению дискурсивными средствами, ибо речь идет о схватывании бесконечности, открытости и непрерывности не с помощью однозначно алгоритмизируемых конечных шагов, не о познании, но о других способах освоения мира: творчестве и переживании. Для иллюстрации этой мысли совсем не обязательно говорить о медитации или плотиновском экстазе. Достаточно разобрать пример с пониманием любого поэтического образа или вспомнить проблему адекватности перевода художественного текста. Можно бесконечно уточнять смысл поэтической метафоры, разсвертывать ее в ряд однозначно понимаемых дискурсивных предложений; также бесконечно можно уточнять перевод. Но при этом, во-первых, всегда остается некий «нерастворимый остаток», который и делает данный художественный образ **неповторимым**: его бесконечность, континуальность **несоизмерима** с любым конечным множеством рациональных высказываний, «... ибо как логическое мышление опирается на принцип **относительности** всех вещей, людей, явлений мира, так художественное сознание опирается на принцип их **абсолютной ценности**, ибо качество их неповторимо и не поддается измерению критерием «больше — меньше»¹². Во-вторых, каждый художественный образ не задан однозначно своим автором, но имеет соавтора в лице воспринимающего и потому — в отличие от дискурсивного знания, стремящегося к идеалу общезначимости, — в принципе полиинтерпретируем. Бессмысленно спорить, чья интерпретация, чье поле ассоциаций, вызываемых тем или иным музыкальным произведением или поэтической строкой, **истиннее** — здесь имеет место деятельность другого рода — по законам красоты.

Разумеется, речь не идет о том, что эстетическое освоение не доступно познанию или не содержит его в себе, но лишь о том, что оно **не сводится** к познанию. Стало быть, допущение таких уровней реальности, которые непознаваемы дискурсивными средствами, есть не агностицизм, но признание многообразия человеческих способов отношения к миру (теоретического, практического и духовно-практического; критерий истинности и познаваемости всемогущ только в первом из них).

Далее, рациональное познание не всегда — как это полагают сциентисты — является необходимым (даже там, где оно возможно). Например, в традиционных ситуациях культура моральных чувств, голос совести — гораздо более надежная гарантия нравственного поступка («я не могу иначе» — это и нравственный абсо-

¹¹ См.: Сагатовский В. Н. Об интервальном подходе к парадоксам // Дialeктика и современный стиль мышления. Севастополь. 1983.

¹² Гачев Г. Жизнь художественного сознания. М., 1969. С. 19.

лют, не подлежащий рефлексии), чем рациональные расчеты и доказательства. Нетрадиционную ситуацию, конечно, надо отрефлексировать рационально. Но в убеждения, установку, жизненную позицию эти результаты рефлексии все равно не превращаются сами собой, без **органического созревания** на внерациональных уровнях сознания.

И, наконец, стремление к рациональному познанию может оказаться и **нежелательным**: там, где «слов не надо тратить попустому». Нельзя, например, тратить время на рациональное обоснование решения полководца, вообще руководителя, которое сейчас возникло и сейчас должно быть реализовано: проверять некогда, мы **доверяем**. Крайне нежелательно убийство художественного образа, производимое критиком, уверенным в том, что его рациональный анализ безусловно выше поэтического воображения («и стать достойным доцента, и критиков новых плодить...»). В общении, если нет понимания «без слов» или «с полуслова», его не заменишь рациональным «выяснением отношений».

Что же является альтернативой идеалу контроля, основанного на проверяемой и общезначимо выраженной информации, в тех ситуациях, когда реализация этого смысла рациональности невозможна, не нужна и нежелательна?

Очевидно, что от контроля, проверки и однозначной общезначимости мы переходим здесь к **вере, доверию, свободе истолкования и полиинтерпретируемости**.

Мы допускаем, стало быть, такие ситуации, где вера как смысл деятельности есть не что-то вынужденное отсутствием рациональных знаний и способов контроля, проверки, но **самоценность**. Формулируя этот тезис, мы полностью отдаем себе отчет, как важно отмежевываться от религиозно-мистических его толкований и доказать возможность иррационального, которое не является врагом рационального, но его диалектическим дополнением (как вне-научное не есть синоним анти-научного).

Вера — это принятие к руководству деятельностью такой информации, которая не нуждается в рациональных доказательствах, но обосновывается опытом, практикой, взятых в их целостности (в данной характеристике мы не претендуем на обоснованное определение этого сложного феномена). Так, мы не хотим **проверять** человека на тех уровнях отношений, где мы **доверяем** ему, не потому, что не можем проверить, а потому что — если стремимся к подлинно человеческим отношениям — гораздо более заинтересованы в вере в людей, чем в контроле над ними (и как раз принцип «доверяй, но проверяй» с этих позиций оказывается вынужденным и вне-моральным способом регуляции).

Конечно, действия, предпринятые на основе веры, могут вести и к нежелательным последствиям. В этом случае мы снова обращаемся к рациональному анализу либо связи этих последствий с определенной верой, либо опыта, в рамках которого возникла вера, подвергающаяся теперь сомнению. Такой анализ необходим, напри-

мер, по отношению к религиозной вере, убеждениям мистиков, иллюзиям, ведущим к разочарованию в моральных качествах человека или общества и т. д. Но отсюда не следует, что вера всегда нуждается в проверке, что она — как случайность у Демокрита — есть только нежелательный результат отсутствия знания, временный суррогат. Она нужна вместе с ним.

Потребность верить, не проверяя (в гармонии, не проверяемой алгеброй, в людях, к которым можно относиться как к со-братьям, а не со-исполнителям), — вот, на наш взгляд, смысл, порождающий иррациональный аспект деятельности.

Естественно, что информация, регулирующая совместную деятельность, здесь уже не нуждается в проверке, но воспринимается на основе доверия (нельзя экспериментально проверить свою любовь — можно лишь на опыте убедиться, что тебя не любят). А поскольку речь идет не о производстве массовой продукции, но об отношениях, строящихся на **неповторимости** (неповторимы художественный образ, чувство любви, уникальный выбор), то и однозначная общезначимость, необходимая для управления технологией (в том числе и в искусстве), на этом уровне уступает место сотворчеству, в принципе открытому в бесконечность истолкованию символов (в смысле А. Ф. Лосева и С. С. Аверинцева) такого переживания, воображения и общения.

Итак, деятельность является **иррациональной**, если она основана на вере и доверии, выражающихся в формах, открытых творческой интерпретации.

Рациональный аспект деятельности необходим в процессе функционирования, выполнения социальных ролей, технологического обеспечения. Иррациональный аспект незаменим в ситуациях прорыва во внешнюю бесконечность объективной реальности и внутреннюю бесконечность реальности субъективной.

Чаще всего в любом конкретном виде деятельности (например, в науке и в искусстве) эти аспекты переплетены, присутствуют в тех или иных пропорциях. Задача заключается не в том, чтобы разложить их по полочкам, но в том, чтобы показать постоянную воспроизводимость их как полюсов одного из фундаментальных противоречий деятельности (между освоением замкнутого, конечного прерывного и открытого, бесконечного, континуального) и предостеречь от абсолютизации каждой из противоположностей.

Основными типами соотношения этих взаимообуславливающих полюсов могут быть следующие: 1. Уровень взаимоисключения: сциентизм (абсолютизация рационального) и мистицизм (абсолютизация иррационального). Обе крайности видят в себе только достоинства, а в антиподах — только недостатки; 2. Уровень безразличного сосуществования, ситуация «двух культур»: рациональное — естествознанию и технике, иррациональное — гуманитариям и «пара-науке». Такая тенденция ведет к распаду целостности культуры и личности; 3. Уровень синтеза на двоякой основе: а) рациональное и иррациональное в постоянной «пульсации» де-

монстрируют недостаточность и требуют взаимной смены друг друга (ошибки веры требуют рациональной проверки, рационально проверенное в своем развитии наталкивается на порог непроверяемости, а действовать приходится и в непроверяемых ситуациях); б) недостаточность обоих подходов свидетельствует об их взаимодополнительности. Гармоничный человек должен быть рационально технологичным и иррационально открытым, не превращая первое в технократию, а второго — теократию.

Ф. М. НЕГАНОВ,
Уфимский авиационный институт
А. П. ТРУБИЦЫН
Томский университет

Социально-практическая природа рациональности

К. Маркс, пытаясь объяснить, каким образом извращалось сознание агентов буржуазного общества, приходит к выводу, что сознание есть лишь иная форма выражения самой действительности, в которой живет человек. Само же извращение обусловливается особым характером предметных форм и отношений этой действительности. Рациональность (либо иррациональность) этих форм зависит от степени представленности в них сущности, определяющей формы. Чем яснее в являющейся сознанию предметной форме или отношении представлена сущность, тем более рационален предмет или отношение. И наоборот, иррациональность говорит о скрытости сущности в являющейся форме. С абстрактно-теоретической точки зрения рациональность фиксирует определенность отношения сущности к своему явлению. Рациональная форма, отсюда, есть сущностная форма, адекватно представленная в явлении. Иррациональная форма есть являющаяся форма, неадекватная своей сущности и от этого искажающая сознание. Но только сущность здесь для К. Маркса не что-то абсолютно абстрактное, а переходящее отношение между трудом и капиталом, историческую необходимость которого определяет материальный закон, также переходящий в свою очередь. И несмотря на то, что отношение между трудом и капиталом является общим (а потому постоянным и повторяющимся долгое время) для целой эпохи, его сущность относительна, что обуславливает его специфичность в отношении истории.

Овеществление невестественного (стоимости в цене, деньгах) выступает исторически необходимой предметной формой иррациональности. Материально-практические причины — необходимость обмена продуктами труда отдельных производителей, — детерминирующие появление «иррационально вещной формы», определяют ее объективный характер. Но раз возникнув, данная вещная форма открывает возможность для появления новых иррациональных форм уже другой, чисто социальной природы. К. Маркс раскры-

вает в этом двойственную природу иррациональности. Та иррациональность, которая детерминируется материальными причинами, существенно отличается от иррациональности социальной природы. Социально обусловленные иррациональные формы К. Маркс называет буржуазными формами¹, так как они возникают при господстве капиталистических общественных отношений. Таковы процент, заработная плата наемного рабочего, капитализированные рента, прибыль и другие денежные формы капитала. Например, как возникает иррациональность выражения «цена земли»? Земле, не являющейся продуктом труда (здесь мы отвлекаемся от возможных затрат труда на ее предварительную подготовку к какому-либо производственному процессу), а значит, не содержащей в себе стоимости, субъективно присваивается свойство, которым она не обладает. «Земля и цена — несоизмеримые величины... Здесь имеет цену вещь, не имеющая стоимости»², — пишет К. Маркс. Однако, что на первый взгляд кажется субъективным и случайным, для земельного собственника в условиях господства частной собственности есть право, охраняемое обществом. Основанием для присвоения выступают закрепленные юридически отношения между различными формами капитала. Существующие реально отношения, овеществленные в денежной форме (в ренте), создают собою ложную (иррациональную) видимость своего естественного и необходимого существования. А существуя в своей персонификации — в лице целого класса земельных собственников — данная опредмеченная иррациональность обретает социальную силу и ложится в основу сознательной целенаправленной деятельности, определяя ее характер. Так иррациональность через экономические формы переходит в политические, наполняется классовым, партийным содержанием. Вместе с тем иррациональность не обречена на выполнение сугубо негативных функций, извращая сознание и выступая, тем самым, средством идейного разоружения в классовой борьбе. Наделение вещей несвойственными для их природы функциями служит эффективным средством в воспитании, привитии человеку таких качеств, которые составляют структуру его ценностных установок, этические нормы и идеалы, принципы общественной формы. Порой использование таких иррациональных форм не имеет равных себе способов идеального воздействия на психику.

В отличие от капитализированной ренты процент выражает обратную иррациональность. Товаром берется не природная сила, не имеющая стоимости, как то земля или сила воды водопада («цена водопада» также иррациональное выражение³), или сила ветра, или рабочая сила и т. п., а сама стоимость. Всякая стоимость имеет свою цену, выраженную в деньгах. Но эта «своя цена» стоимости не есть процент. Процентом выступает качественно иная цена,

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 2. С. 95.

² Там же. Т. 26, ч. 3. С. 547.

³ Там же. Т. 25, ч. 2. С. 195.

которая определяется не экономическим (материальным) отношением, а чисто социальным — юридически закрепленной сделкой двух капиталов: денежным капиталистом и предпринимателем. Их отношение совершенно оторвано от главного, посредством которого только и создается прибавочная стоимость, которую они делают по конвенциональному договору, — отношения между капиталом и трудом. В проценте оно окончательно скрыто. Отсюда же возникает совершенно абсурдное определение процента — процент есть цена стоимости. Или, по-другому, — процент есть стоимость стоимости. Здесь в пределах одного и того же суждения находятся два одинаковых термина, имеющие качественно разную природу происхождения, а значит, и разный смысл. А это и есть, по выражению К. Маркса, «*contradictio in terminis*» (противоречие в терминах. — Ред.)⁴ Абсурдное противоречие в подобных выражениях вульгарными экономистами — апологетами буржуазии — рассматривается только лишь как путаница в терминах. Но К. Маркс специально поправляет, что эта путаница в терминах есть лишь правильное отражение путаницы в существе дела, в практической жизни капитала⁵.

Иррациональная форма цены есть результат проявления противоречия между производственным отношением и отношением социальным, отношением собственности, есть результат их несоответствия. Поэтому их недопустимо отождествлять или подменять друг другом, когда это представляется ради удобства или простоты определения.

Иррациональность выражения «капитал — процент», возникающая при отражении иррациональных предметных форм буржуазной действительности, требует рационального объяснения. Но рациональное объяснение равносильно раскрытию скрываемой тайны капитала, — детерминирующей прибавочную стоимость, — сущности капитала как отношения. Оставаясь верным буржуазной точке зрения, агент буржуазной «науки» вынужден сам прибегнуть к иррационализации — исключить из капитала форму (отношение), оставив одну вещную оболочку, т. е. свести капитал к потребительской стоимости (=свести сущность к явлению). И тогда буржуазному агенту «все становится ясным, он уже не чувствует потребности раздумывать дальше. Ибо он дошел как раз до «рационального» в буржуазном представлении»⁶. И здесь капитал все ставит с ног на голову — иррациональное пытается представить рациональным, а рациональное иррационализирует. Пытаясь это сделать формально, он ничего не может сделать реально. Внутренние материальные законы заставляют его подчинить реально себе не только труд как живую силу наемного рабочего, но и все остальные организационные, предметные, технические, технологические,

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26, ч. 3. С. 547.

⁵ См.: Там же. Т. 25, ч. 1. С. 389.

⁶ Там же. Соч. Т. 25, ч. 2. С. 384.

интеллектуальные и подобные факторы производства, так как только в этом случае он сможет воспроизводить себя как отношение, затрачивая при этом минимум усилий. И только в этом случае предметные формы отразят в своем вещном облике суть капитала (примут образ капитала). Противоречие же здесь в том, что капитал как форма (= функция, = отношение), найдя себя в веществе и организации, создаст одну видимость; слитые в едином вещественное (содержание) и идеальное (форма) представят сознанию вещественность того, что в действительности идеально. Тогда вновь возникает искажающая кажимость вещественности переходящей формы капитала. Например, средство труда при экономически правильном его отражении, как это неосознанно делает Д. Рикардо⁷, становится средством для применения труда (т. е. эксплуатации труда). Средство, которое должно, по-своему понятию, принадлежать труду, в форме капитала, слившейся в веществе, получает прямо противоположное назначение — оборачивается против труда и получает соответствующее, хотя и экономически правильное, но иррациональное определение. Возникающие материально и существующие практически, буржуазные формы ложатся в основу категорий буржуазной политэкономии, выражающих собою, несмотря на эмпирический характер своего происхождения, сущность капитала — капиталистическое отношение (отношение капитала и труда). Таковы — «производительный труд», «товар» и т. д. и в том числе понятие «рациональность», которое в буржуазной форме, как это уже было показано выше, иррационально по своей природе. Эти понятия и их определения для капиталистического агента представляются естественными, так как они соответствуют самой окружающей его действительности, вытекают из нее и среди них он чувствует себя «как дома». Он и не может им не верить, так как сама практика подтверждает их правильность. К тому же оперирование ими в деятельности приносит ему видимый экономический эффект. Но как это уже показал Гегель, правильное еще не есть истинное. К. Маркс, найдя в практике буржуазной жизни противоречивость и несовпадение правильности и истинности, подтверждая умозрительную догадку немецкого философа-идеалиста, формулирует рациональный принцип познания социальных явлений, который требует «рассматривать явления в их закономерном, соответствующем их понятию виде, т. е. рассматривать их независимо от ...их внешней видимости..., чтобы найти действительную тенденцию их движения»⁸.

При господстве капитала все общественные отношения также раздваиваются на внутренние (производственные) отношения «организмической жизни капитала» и «внешние отношения жизни», которые кажутся независимыми от внутренних, но образующие со-

⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 49. С. 64.

⁸ Там же. Соч. Т. 25. С. 208.

бой надындивидуальную, конституирующую себе подобное сознание сферу, в том числе сферу представления о рациональности.

Таким образом, рациональность является во внешнюю жизнь естественным продуктом внутренней материальной жизни общества, которая может быть отделена от ее надстроечных форм как сфера бытия — рациональности. Реализуясь через внешние законы жизни, проникая вначале в сознание индивидов через бессознательное, рефлексуясь в нем, осознавая себя, рациональность обретает свою вторую, внешнюю жизнь. Относительная автономность внешних отношений порождает видимость их конечной природы рациональности. Но мы видим, что рациональность в культуре, в сознании, в знаково-логических структурах и других своих формах есть, по сути, лишь иное выражение бытия-рациональности.

Итак, денежная форма стоимости, иррациональная сама по себе, обретает в буржуазных формах практическое воплощение. Но иррациональность проявляется и в других формах, например, в потребительных стоимостях, образующих товарные массы.

Одна и та же денежная сумма может в одном случае быть рациональной, а в другом — иррациональной. Если она выражает реализованную форму денежного капитала, т. е. $\Delta'' = \Delta + d$, то она иррациональная. Иррациональность ее заключается в том, что хотя она состоит в целом из однородного материала — денег, но ее части возникают из функционально различных источников: основной суммы — Δ и суммы прироста — d . Дифференцированность в самой себе суммы Δ'' и обуславливает ее иррациональность, но выражает капиталистическое отношение.

Если же эта сумма будет взята не как результат капиталистического процесса производства, а как авансированная капитальная стоимость, готовая к выполнению активной производственной функции, то ее иррациональность как результат исчезает. Но прежде чем реализованный капитал предстанет в иррациональном отношении частей — Δ и d , а также их сумме — Δ'' , он будет иррационально представлен в отношении произведенных, но еще не реализованных товаров — T и t , а также их сумме — T'' . Однако Δ'' и T'' есть один и тот же капитал, только в разных формах своего бытия: один — в денежной, а другой — в товарной. В отношении же содержания в себе качества иррациональности они все-таки различаются. Товарный капитал, являясь непосредственным продуктом капиталистического процесса производства, еще несет в себе следы своего происхождения и от этого он «по своей форме более рационален, не столь иррационален, как денежный капитал, в котором сглажен всякий след процесса производства»⁹. Нетрудно видеть, что данное здесь употребление понятий рациональности и иррациональности связано не только с познающим сознанием, но одновременно со свойством предметов и отношений адекватно представлять свою сущность, свою природу происхождения.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. С. 56.

До К. Маркса на существование в реальной действительности иррациональных предметных форм обратил внимание Гегель. Предмет, который «не соответствует своему понятию», согласно Гегелю, есть «неистинный» («конечный») предмет. При этом под «понятием» он понимал природу, сущность предмета, которая определяет свою являющуюся вещественную форму¹⁰. Чем более предмет соответствует своему «понятию» (своей природе), тем он «истиннее», т. е. материалистически рациональнее, и наоборот. К. Маркс, отдавая дань гению немецкой философии, часто в своих работах употребляет гегелевское «понятие» как синоним сущности, природы предмета. Более того, Гегель предвосхищает вывод о необходимости такого преобразования действительности, в котором «понятие» в форме «истинных» предметов и отношений обретет свое «овнешнение» и открыто предстанет перед сознанием. Тогда, овладев природой протекающих социальных процессов, люди смогут без особых издержек строить свою деятельность в соответствии с объективными законами (материальными), ускоряя в пределах разумного исторический процесс создания условий труда и практической жизни, являющих человеку картину ясных и разумных отношений¹¹. Наличие «неистинных» (иррациональных) предметов Гегель объясняет действием «основания», под которым понимал действие, предоставленное воле субъекта, который может поступать вопреки «понятию», согласно своим частным интересам. В дальнейшем К. Маркс и здесь наполнит гегелевскую категорию материалистическим содержанием, вскрыв под «основанием» действие относительно самостоятельных социальных отношений. Очевидно, что Гегель через идеализм выразил реально существующий феномен рациональных и иррациональных предметных форм.

Понимание рациональности и иррациональности как специфически идеальной характеристики предметных форм и отношений не исчерпывает марковского понимания рациональности. В описанном выше случае рациональность отражает свое существование в предметах и отношениях для сознания, по отношению к сознанию. Данная рациональность через сознание имеет прямое отношение к деятельности, так как рациональность деятельности определяется знанием объективных законов, действующих как в социальной, так и предметно-практической сфере. Однако сами эти законы проявляются либо через рациональные, либо через иррациональные формы. Рациональность предметных форм облегчает познание сущности, а значит, облегчает процесс нахождения рационального решения. В свою очередь рационально принятое решение и основанная на нем рациональная деятельность обуславливают уменьшение ее издержек, затрат человеческого труда. Таким образом, рациональность предметных форм через рациональность по-

¹⁰ См.: Гегель. Науки логики. М., 1970. Т. 1. С. 86; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 253, 257.

¹¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 49. С. 181.

знания и практической деятельности тесно связана с экономичностью. Но К. Маркс не сводил рациональность к экономичности, его интересовал политэкономический аспект рационального. Обращив внимание на специфические следствия рациональности буржуазного способа производства, которые проявляются в отношении производителя, он приходит к выводу о ее ограниченности. Она как категория становится в один ряд с другими категориями политэкономии, которые фиксируют всеобщие характеристики производственной деятельности и ее результаты слитыми со специфической общественной формой — капиталом. И если в некоторых случаях это фиксируется в различии терминов, как, например, «средство труда» в буржуазной форме выступает в правильном определении как «постоянный капитал», «труд как «рабочая сила», «продукт» производства как «товар» и т. п., то рациональность такой терминологической перемены не получает в своей буржуазной форме. Это, конечно, затрудняет ее понимание. Поэтому чаще всего, чтобы добиться всеобщего определения рациональности, избегают фиксации ее в особенных формах. Однако особенная форма рациональности есть конкретно-историческое и необходимое бытие рациональности как таковой, не проявляющей себя непосредственно. Отделение же двух форм рациональности выступает необходимостью, поскольку так же, как не понять прибыли без закона прибавочной стоимости, так и особенную историческую форму рациональности трудно понять без определения природы рациональности как таковой.

Рациональность как таковая, т. е. с точки зрения абстрактно-всеобщего определения, есть экономически результативная, оптимальная функция (процесс), реализующая человеческую потребность (цель), объективной основой которой выступает всеобщая тенденция человека к освобождению от природной зависимости. Одной из особенных форм рациональности как таковой является капитал как функция (как форма). Капитал — необходимая форма общественного развития. Классики называют капиталистический способ производства рациональным не только потому, что он приводит к смене нерациональному натуральному хозяйству при феодализме, не только потому, что капитал впервые в истории начинает сознательно применять науку в качестве средства повышения эффективности производства, но и потому, что капитализация производства выступала в тех исторических условиях единственно оптимальным способом повышения его результативности. Капиталу не было в этот момент исторической альтернативы. Если рациональность вообще — экономически эффективная функция, то конкретно-исторически эту функцию мог выполнять только капитал. Таким образом, отождествление капитала с рациональностью происходит не по субъективной воле капиталиста, а прежде всего по материально-практической необходимости. Всякая рационализация не могла происходить иначе, как посредством организации капиталистического хозяйства. Отсюда, капитализация выступала сино-

нимом рационализации, иным ее выражением. Даже в чисто социальном отношении, в отношении производителя, капитализация на ее первых порах несла прогресс, выгоду, жизненное облегчение, вырывала крепостного крестьянина из средневековой спячки и мистики, создавая материальные условия осознания своего положения¹².

Таким образом, развитие капитала сопровождается рационализацией как в производственно-техническом, так и социальном отношении. Но в дальнейшем капитал проявляет свою двойственность — выполняя рациональные функции, одновременно порождает иррациональные предметные формы и отношения, которые искажают сознание, скрывают от него внутреннюю связь явлений; порождает социальные антагонизмы, и «по самому своему существу за известной границей исключает всякое рациональное улучшение»¹³. Но если на первый взгляд определение границы рациональности капитала кажется предельно ясным и обычно сводится к господству частной собственности, то в реальной жизни все оказывается намного сложнее. Этому свидетельствуют негативные тенденции, проявляющиеся в нашей экономической и социальной сферах. Чему давалась оценка как нерационального вообще, де-свойственного капиталу, оказывалось рациональным в частности (в решении конкретных, стоящих реально, проблем). Возврат к испытанному историей рациональному капиталу как функции, но не к капиталу как собственности, оказывался единственно верным рациональным решением. Таков опыт нэпа. Так, решение, принятое В. И. Лениным по системе интенсификации труда американского инженера Ф. Тейлора, до революции оцененной как неприемлемой для социализма, позднее рассматривается им как прогрессивный метод рационализации рабочей силы. В. И. Ленин пишет, что хотя система Ф. Тейлора «соединяет в себе утонченное зверство буржуазной эксплуатации», она содержит в себе также и «ряд богатейших научных завоеваний в деле анализа ... выработки правильнейших приемов работы». И далее: «Надо создать в России изучение и преподавание системы Тейлора, систематическое испытание и приспособление ее»¹⁴. Таковы наши сегодняшние выводы в отношении индивидуальной трудовой деятельности, кооперативного движения. М. С. Горбачев отмечает по этому поводу: «Как известно, Ленин критиковал ограниченности «кооперативного социализма». В конкретных же условиях, которые сложились после Октября ... он по-новому взглянул на этот вопрос. В статье «О кооперации» разрабатывается положение о социализме как обществе «цивилизованных кооператоров»¹⁵. К. Маркс прямо отмечает, что хотя в кооперативных фабриках власть принадлежит не капиталисту, а рабо-

¹² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. 1. С. 367—368; См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 375, 547—548.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 493.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 189—190.

¹⁵ Материалы Пленума ЦК КПСС, 16 июня 1986 г. М., 1986.

чим, однако капитал как функция в них сразу не может быть преодолен ввиду недостаточного развития производительных сил и «рабочие как ассоциация являются капиталистом по отношению к самим себе, т. е. применяют средства производства для эксплуатации своего собственного труда»¹⁶. Таковы проблемы нашего ценообразования. До сих пор не исследованы социально-практические корни иррациональности наших цен, которые в результате этого скрывают недостатки техники и технологии, организации производства и управления, препятствуют рациональному решению насущных проблем¹⁷. Ограничившись только этими примерами, можно смело сказать, что мы необоснованно недооцениваем эффективные возможности капитала как функции. Признав эту функцию исторической формой рациональности, следует глубже исследовать ее материальную границу рациональности, природу появления и условия, при которых она исчерпывает свои прогрессивные возможности. Исследования проблемы рациональности подошли к качественно новому своему этапу. Настало время перехода от общетеоретических рассуждений к исследованию тех конкретных предметных форм, в которых рациональность в своей специфической форме, например, в функции капитала обретает свое материальное существование. То же самое касается не только этих форм, но и форм организации, управления, научного обеспечения и т. д. С этим вопросом тесно связана проблема существования социальных качеств, свойств, характеристик. Феномен рациональности объясняет их природу, конкретизирует социальное, определяет его специфическую форму.

Рациональность в специфической форме капитала, подчиняя себе техническое средство труда (делая его средством для «ловли» живого труда), определяет собой его конструкцию. В целом внутренние законы развития капитала, осуществляясь через внешние законы конкуренции, принуждают к созданию таких технических систем (постоянной части капитала), которые сокращают в индивидуальном продукте долю затрат живого труда. Это прогрессивная тенденция, ведущая к исключению человека из структуры производственного процесса. Однако для капитала не безразлично, каков будет характер затрат труда, входящего в стоимость продукта. В конце концов труд должен быть таким, чтобы его легче было присваивать, отчуждать от производителя. И так как прибавочную стоимость создает не капитал, а труд, то капитал не может допустить создание таких технико-технологических систем, которые не будут предполагать затрат (хотя бы незначительных) живого труда. Кроме того, доля отчужденного труда будет тем больше, чем дешевле рабочая сила. А это предполагает, что техническая система должна оставлять для рабочего наиболее простейшую функцию, которая не требовала бы затрат на дорогостоящее

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. 1. С. 483.

¹⁷ См.: Материалы Пленума ЦК КПСС, 16 июня 1986 г. М., 1986. С. 34.

обучение рабочего. Здесь для капитала предпочтителен труд монотонный, физически не тяжелый. В этом случае на выполнение данной функции могут приниматься не мужчины, а женщины или дети, которым, как правило, выплачивается меньшая заработная плата. Монотонность труда негативно влияет на общий культурный уровень рабочего, не ориентирует его на саморазвитие и творческий рост, воспитывает отвращение к самому труду, обесценивает нравственные ценности человека¹⁸. Однако конкуренция повышает общий уровень техники, с ним изменяется само содержание работ. На место физического труда приходит труд умственный. Но и здесь для капитала важно сохранить за ним такой характер, который был бы удобен для отчуждающего присвоения. Такой характер обеспечивает абстрактность умственного труда, т. е. его односторонность, бессодержательность, монотонность. Например, кажущийся феноменальным скачок японской экономики имеет свои негативные последствия: экономический успех породил у работников тяжчайшие стрессы, расстройства нервной системы и его естественные следствия — алкоголизм, депрессия и т. п. Таким образом, капитал, по образу которого создается техническая система, незримо присутствует в ней. Присутствует как общая направленность, внутренняя тенденция, как назначение. И даже в социальных условиях отсутствия частной собственности применение таких технических систем неизбежно будет порождать характерные для нее как капитала последствия, а значит и социальные проблемы. Оценивая сконструированную новую техническую систему по ее социальной направленности, мы можем до момента ввода ее в эксплуатацию предсказать не только ее общий уровень, но и те социальные проблемы, которые будут ею порождены. Однако данное направление исследований является для нас еще совершенно новым, и не только для философии и социологии, но и психологии, профессиографии и других фундаментальных и прикладных научных направлений¹⁹. Таким же образом необходимо провести исследование социально-психологических последствий капитализации (рационализации формой капитала) организационных и других факторов производства. Такой анализ может послужить основой экспертной оценки этих факторов на их социально-классовую определенность. Такая оценка была бы существенным дополнением к экономической, которой, как правило, ограничиваются. Но реальная историческая обстановка ставит нас порой в такие ситуации, когда чисто экономическая эффективность становится определяющей по отношению к социальной. Тогда нам приходится с необходимостью

¹⁸ См.: Григас В. Человеческий фактор и социальные противоречия на предприятии // Социалистический труд. 1987. № 9. С. 83.

¹⁹ См.: Носкова О. Т. Вопросы психологии и психофизиологии труда в системе профессиональной классификации С. М. Богословского // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Психология. 1987, № 1; Сливницкий Ю. О., Горяинов С. А. Исследование деятельности человека в автоматической системе — новая область психологии труда // Там же. № 3.

обращаться к стимулам капиталистической формы, временно и ограниченно применяя их к таким задачам, для решения которых нет при существующих условиях более рационального способа. В конечном счете научно-технический прогресс приведет производство к такому этапу, когда экономически выгоднее будет развиваться, не включая человека в производственный процесс. Человек станет слишком дорогим, чтобы его использовать как товар. Вместе с этим отпадет и питающая основа прибавочной стоимости, без которой функция капитала потеряет свою историческую необходимость, а значит и свою рациональность.

И. С. НАРСКИЙ
Академия общественных наук при ЦК КПСС

Своеобразие рациональной аргументации в марксистской философии

Задача, поставленная в статье, состоит в том, чтобы выделить особенности рациональной аргументации в научной философии. Философия диалектического и исторического материализма есть не только научная идеология, но и вообще наука. В этих своих качествах она в полной мере обладает научно-теоретической рациональностью. Но философия как наука обладает особенностями, отличающими ее от частных наук. И это сказывается и на специфике рациональной аргументации в нашей философии.

На особенностях аргументации в философии марксизма-ленинизма сказывается, несомненно, прежде всего своеобразие критерияльного гносеологического действия практики именно в философии. Критерием истинности в диалектическом и историческом материализме выступают не частные виды практики, как-то наблюдение, эксперимент, политическая акция и т. д., но практика в целом как совокупная общественно-историческая, и прежде всего материальная, деятельность человечества на протяжении всей его истории. Ныне это, можно сказать, общеизвестно. Соответственно, хотя и не абсолютно так же, обстоит дело с аргументацией.

Ссылки на отдельные факты и явления, в том числе в области практики, могут, конечно, исполнять аргументирующую функцию и исполняют ее (напомним, например, что Ф. Энгельс аргументирует свой тезис о всеобщности действия основных законов диалектики посредством единичных и особенных примеров из всех областей действительности)¹. Это определяется тем, что филосо-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 123—125, 128—132, 137—146. В. И. Ленин был противником сведения диалектики «к сумме примеров», но в случае необходимости также приводил примеры ее действия, используя их иногда и в качестве аргументирующего средства.

фия исследует не только всеобщие диалектические законы, но и законы особенные (в области теории познания, диалектической логики и т. д.) и их взаимодействие со всеобщими (общими) законами и закономерностями в частно-общих науках, а также с закономерностями, присущими комплексам частных научных дисциплин, а с другой стороны, — фрагментам отдельных наук. И это все обеспечивает наличие аргументирующей весомости для философии и отдельных фактов. Однако ее нельзя преувеличивать. Главный акцент падает все же на всеобщие законы диалектического движения и развития. Поэтому аргументация в диалектико-материалистической философии, при всей ее разносторонности и разнообразии, такова, что значительная доля в ее составе приходится на широкие естественнонаучные и социально-исторические соображения, а не на частные факты. Поскольку же марксистско-ленинская философия впервые в истории философской мысли вполне верно разрешила вопросы об отношениях между философией и частными науками, аргументация, касающаяся тех или иных философских положений об этих отношениях, сама, естественно, может носить и носит частно-общий характер, далеко не сводясь к отдельным, а тем более разрозненным, фактам. Такое полное сведение, редукция, ослабляло бы рациональность философской аргументации, а не усиливало бы ее. Особо следует подчеркнуть, что аргументация при помощи отдельных фактов в историческом материализме требует опоры на очень объективную статистику и умения видеть в фактах проявления определенных тенденций изменения или развития. Так, например, если во время А некоторый процесс зафиксирован количественно в виде факта Q, а позднее во время Б, мы через наблюдение получили фактически большую величину Q₁, это еще не свидетельствует о наличии вполне стойкой тенденции к нарастанию данного процесса.

Диалектический материализм в своем развитии опирается на новые теоретические достижения наук. Поэтому, например, новые обобщаемые результаты физических исследований времени, пространства, разных видов и форм движения материи могут и должны выступать в качестве аргументов при развитии собственно философского учения о движении, времени и пространстве как атрибутах материи. Коль скоро «наш «опыт» и наше познание все более приспосаблиются к объективному пространству и времени, все правильное и глубже их отражая»², то мировоззрение диалектического материализма, представляющее собой целостное единство диалектико-материалистической теории материи и учения об объективной диалектике, откликается на достижения нашего физического познания, развивая далее и усовершенствуя на основе общенаучного «опыта» понимание диалектических связей между пространством, временем и движением и самого диалектического характера сущности и проявлений этих атрибутов материи.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 195.

Но как бы то ни было, **прямое** соединение с конкретной фактуальной основой и практикой **наиболее** общих и по неизбежности в этом смысле выглядящих «абстрактными» философских положений, так же как и наиболее отвлеченных теоретических положений частнонаучных дисциплин, — происходит ли это «прямое соединение» в виде практических предписаний и рекомендаций, которые позднее, в случае своего успеха, будут еще одним подтверждением истинности теории познания, или же в виде «обратного движения» от практики к теории в виде аргументов в пользу философского мировоззрения, — может и должно иметь место, особенно в области социальной философии, но это должно делаться с большой осмотрительностью, с учетом всех выводов, вытекающих из применения **данного** аргумента в **данном** конкретном контексте теории и ситуации практики. От весомости аргумента до его обесценения и отсюда и до профанации всей аргументации здесь, бывает, стоит сделать лишь один шаг: аргумент начинает действовать в прямо противоположном направлении, поскольку неудачное его применение подрывает веру и во всю аргументацию (в смысле: доверие к ней). Очень поучительный пример в этой связи мы найдем в «Материализме и эмпириокритицизме» В. И. Ленина:

«Акушера такого еще не было, — пишет Мах там же³, — который бы помог родам при помощи четвертого измерения».

Прекрасный аргумент — только для тех, кто видит в критерии практики подтверждение **объективной** истины, **объективной** реальности нашего чувственного мира. Если наши ощущения дают нам объективно верный образ внешнего мира, существующего независимо от нас, тогда этот довод со ссылкой на акушера, со ссылкой на всю человеческую практику, годится. Но тогда весь махизм, как философское направление, никуда не годится»⁴. Напомним также о вполне конкретных вопросах и вполне конкретных ответах на них, которыми аргументировал Ленин против махистов, спрашивая их: Существовала ли природа до человека? Мыслит ли человек при помощи (посредством) мозга?

Вообще аргументация, применяемая марксистско-ленинской философией, ориентируется на диалектику действия всех членов категориальной триады общего (всеобщего), особенного и единичного (отдельного). Без этой ориентации неизбежно существенное обеднение содержания философии, и даже невозможно себе представить, как могли бы в противном случае развиваться далее теория познания диалектического и исторического материализма и диалектическая логика: ведь повторение одних и тех же наиболее общих положений никак нельзя считать за «развитие». Одно из требований научной рациональности в применении ее именно к философии состоит в том, что следует применять простой, но весьма

³ Ленин имеет в виду книгу: Mach, E. Die Mechanik in ihrer Entwicklung historisch — kritisch dargestellt. 3. Aufl. Leipzig, 1897. S. 485.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 189.

важный аргументационный критерий в пользу (или против) того или иного обсуждаемого теоретического положения: помогает ли оно на деле, и насколько, дальнейшему плодотворному развитию и обогащению (в интересах и практики и самой теории) нашей философии? Или же ведет к чисто словесным ее модификациям, а то и просто к надоевшим всем повторениям некоторых избитых «общих мест» и банальностей?

Одним из видов рациональной аргументации, применяемой в диалектическом и историческом материализме, являются выводы из внутренних связей и соотношений его принципов, законов, категорий и понятий. Представляя собой целостную теоретическую и методологическую систему, как бы вылитую, по выражению В. И. Ленина, из единого куска стали, диалектический и исторический материализм дает возможность посредством логического анализа структуры образующих его понятий получить много ценных уточнений, важных дополнительных положений и выводов. Выявление определенных логических связей и зависимостей и последующая ссылка на их наличие играет здесь роль специфического рационального аргумента⁵.

Таким путем, например, получают аргументы в пользу того вывода, что ленинское определение материи является не только гносеологическим, но также и «онтологическим» (мировоззренческим)⁶. Или, например, — аргументы в пользу того положения, что ленинское определение материи в качестве предпосылок своего возникновения имело не только уроки естествознания начала XX в., что бесспорно, но и тезис Энгельса о материальном единстве мира, а также указание Маркса о том, что материальность общественного бытия далеко не сводится только к вещественности его собственно экономическо-производственных составляющих, ибо материальность производственных отношений как непосредственного базиса духовной жизни общества определяется уже иным, а именно объективной независимостью этих отношений от близких целсполаганий и произвола участников этих отношений.

Вообще собственно логическая аргументация в марксизме идет рука об руку с диалектической, но всегда на общеметодологической основе последней. Сказанное означает многое. Это означает полноту рациональности марксистско-ленинской аргументации. Это означает, в частности, что диалектическая аргументация в марксизме никогда не нарушает законов и норм формальной логики, а потому формулы вида «S есть P, и S не есть P» не могут рассматриваться как полученные в процессе исследования будто бы уже итоговые истины; «тождество» логики, диалектики и теории позна-

⁵ См. в этой связи, напр.: Джиджян Р. З. Аргументативная функция основоположений диалектического материализма // Философские проблемы аргументации. Ереван, 1984. С. 72—74; Уемов А. И. К проблеме формального аппарата философской аргументации // Там же. С. 158—160.

⁶ См. подробнее: Нарский И. С. Ленинское определение материи как воплощение единства философской теории марксизма // Филос. науки. 1977. № 5.

ния в марксизме-ленинизме должно трактоваться именно как **диалектическое тождество**, а значит перед нами «единство», включающее в себя и **различия** (только при этом условии мы избегаем идеалистически-гегельянского, абсолютного «тождества бытия и мышления» и невольной частично происходящей при этом иррационализации логических связей). Мы хотим подчеркнуть: правильное понимание взаимоотношений между диалектической и формальной логикой обеспечивает логическую четкость и последовательность, глубину рациональности аргументации. Верное понимание диалектических соотношений между диалектической логикой, теорией диалектики и гносеологией марксизма в рамках их общего единства определяет во многом правильность и полноту рациональности аргументации, используемой при определении путей дальнейшего развития самой диалектической логики и при самой реализации этого ее развития.

Выделенные Лениным 16 элементов диалектики, начиная с требования всесторонней и конкретной **объективности рассмотрения**, выражающейся в субъективной, человеческо-социальной форме, но без какого бы то ни было субъективизма, направляют применение всякой философской аргументации по пути всесторонности и полноты. Неполнота и односторонность какой-либо аргументации в философии марксизма-ленинизма противопоставлены ей в корне. И снова подчеркнем: философско-диалектическая аргументация должна быть, как подчеркивал Ленин, говоря о «научном рассуждении» вообще, свободна от какой-либо формально-логической противоречивости. Без этого не может быть речи ни о научной рациональности философии, ни о борьбе против иррационалистического понимания самой объективной действительности. Это касается и положительного развития философских идей в их объективно-всестороннем виде, и критики в адрес современной буржуазной философии, среди аргументов которой (критики) заметную роль играет и так называемая «имманентная» критическая аргументация, т. е. раскрытие внутренних противоречий в этой философии, что Ленин, как мы знаем, в ряде существенных случаев и проделал с огромной убедительностью, например, в отношении махизма (эмпириокритицизма). Эта проблематика, заметим, требует особого исследования, во многом еще не исчерпанного.

Среди различных аргументов, используемых диалектическим и историческим материализмом, существенную роль играет приведение авторитетных высказываний основоположников марксизма-ленинизма. Марксистско-ленинская философская аргументация в целом носит **комплексный** характер, в нее входят различные, многообразные элементы, но только что указанный элемент, несомненно, существен.

Наши идеологические противники нередко обвиняют марксистов в «догматизме» и желании скрыться за незыблемые авторитеты классиков. Надо откровенно признать, что работы наших философов в прошлые годы нередко страдали цитатничеством, так что

иногда ссылки на цитаты служили в статьях и книгах чуть ли не единственным аргументом. Однако нацело перечеркнуть практику использования цитат в качестве аргументов было бы неправильно. Высказывания классиков марксизма-ленинизма, как и все учение в целом, опираются на их огромный опыт эмпирически-фактуального и научно-теоретического исследования, они вытекают из рационального осмысления этого опыта, многократно проверены и подтверждены практикой, а содержащиеся в них формулировки давались всегда в контексте творческого развития марксизма с постоянным учетом заново возникших, а прежде не существовавших фактов, явлений и процессов. Сами наши великие классики изменяли некоторые свои положения с изменением социально-экономической и политической обстановки, вносили в марксизм новые, подчас чрезвычайно существенные, положения, соответствующие новым историческим условиям. (Поэтому, заметим попутно, аналогия как средство аргументации, в котором давние цитаты берутся для подтверждения новых истин, в нашей философии, не отвергаемая в целом и сохраняющаяся как прием свое значение, должна использоваться с большой осторожностью).

Аргументация от высказываний основоположников марксизма-ленинизма, таким образом, совершенно необходима, и она, при ее рациональном использовании, не имеет ничего общего с тем догматическим и даже прямо-таки схоластическим начетничеством, которое возникает, если исследование строят не на изучении новых явлений и процессов жизни, социальной борьбы и науки, а на «склеивании» одних цитат с другими, а тем более, если эти цитаты из авторитетных первоисточников берутся вне контекста, ими жонглируют без учета особенностей эпохи, исторической ситуации и т. д.

Надо заметить, что такие случаи, можно сказать, метафизического применения высказываний из трудов классиков, к сожалению, как мы только что указали, иногда имеют у нас место. У всех, вероятно, на памяти, что известные высказывания Ф. Энгельса о том, что от старой философии остаются как рациональные моменты только логика и теория познания, т. е. наука о мышлении, с упорством, достойным лучшего применения, использовались кое-кем в качестве аргумента в пользу сведения философии марксизма-ленинизма только к теории познания. Это была ложная аргументация: высказывания Энгельса брались при этом в полной изоляции от того факта, что речь в «Анти-Дюринге» и «Диалектике природы» шла в этой связи именно только о старой, домарксистской философии. Не принималось также совершенно во внимание и то, что эти высказывания основоположника марксизма должны быть осмыслены нами в непременной связи с его взглядами на роль материалистического мировоззрения в философии, а тем более в философии диалектического материализма, а также с его, Энгельса, взглядами на роль и место объективной диалектики в системе философии марксизма.

Не стерлись из памяти и попытки некоторых советских философов толковать в духе чисто метафизического тождества положение о «тождестве» логики, диалектики и теории познания, приводя известное высказывание В. И. Ленина, вырванное ими из контекста, в качестве главного аргумента. При этом себя ни капельки не утруждали анализом по существу, который должен был бы осмыслить это афористическое высказывание, сделанное Лениным в «Философских тетрадах» в очень кратких заметках «для себя», в полноте его связей и опосредствований того контекста, в котором они были сделаны.

Бывали, к сожалению, и такие случаи, когда одни философы-марксисты аргументировали в очень важных вопросах своей борьбы против других философов, также стоявших на марксистских позициях, применяя цитаты из работ последних, но произвольно вырванные и к тому же в крайне «усеченном» виде, без соответствующего им контекста, а также вообще их искажая. Бывало так, что очень авторитетные ученые использовали для такой борьбы и цитаты из классиков марксизма-ленинизма. Вспомним, скажем, аргументацию недоброй памяти тезиса, введенного одно время в исторический материализм: «классовая борьба по мере построения социализма все время усиливается». Или еще: «при социализме налицо полная гармония производительных сил и производственных отношений».

В недавних спорах среди советских философов о сущности «идеального», «практики», «отражения», «противоречия» бывало иногда и другое: цитировались соответствующие высказывания классиков, но они включались в контекст рассуждений данного автора без всякой внутренней связи с ними, а иногда даже вопреки им. Какая, спрашивается, могла быть польза от подобного рода, с позволения сказать, «аргументов»? Однако авторы такой «аргументации» на нее все же рассчитывали всерьез.

Уже в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин ясно показал, какой большой вред приносит софистическое жонглирование цитатами, смысл которых при этом искажается, а выводы из этих искаженных тезисов — если их на этот раз еще не исказили добавочно — делаются совершенно неверные, да вдобавок снабжаются попутными «пустяковыми» увертками». «Какой безграничной наивностью или каким безграничным самомнением должен обладать человек, чтобы рассчитывать на то, что такие фокусы пройдут незамеченными!»⁷ Это было сказано В. И. Лениным не в адрес марксистов, но те, кто являются марксистами или стремятся ими быть, должны быть более требовательными к методологическому и теоретическому уровню применяемой ими аргументации, чем это иногда, к сожалению, бывало на деле, и не отступать от высоких требований научной рациональности. Перестройка всей нашей идеологической и науч-

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 162, 144.

но-философской работы, на которую ориентируют решения XXVII съезда КПСС и материалы январского (1987) Пленума ЦК КПСС, предполагает также реализацию всех строгих требований научной рациональности, без чего подлинно научными и органично связанными с жизнью наши философские сочинения быть не могут.

В. В. СКОРОБОГАЦКИЙ, И. Б. ФАН
Уральский университет

Рациональное в структуре ценностного отношения

Проблема рационального традиционно ставится и решается применительно к таким сферам человеческой деятельности, как предметно-практическое и познавательное отношение субъекта к объекту. Сфера ценностного, практически-духовного отношения человека к действительности остается за пределами такого рода исследований. С нашей точки зрения, это приводит не только к неоправданному сужению проблемного поля в разработке темы рационального и к ее отчетливой «сциентизации», но и к ряду трудностей в трактовке ценностей и их практическом воплощении в структуре общественного и индивидуального сознания. В партийных документах была отмечена существенная зависимость между процессом утверждения социалистических идеалов и ценностей, с одной стороны, и рациональной организацией производства, распределения и иных сторон жизни общества и человека, с другой¹. В статье речь пойдет о специфике рационального в сфере ценностного отношения, анализ которой позволяет выделить узловым пункт в решении проблемы рационального.

Анализ логики постановки и решения проблемы рационального приводит к выводу, что она (логика) опирается в первую очередь на фиксацию результата человеческой деятельности, который в новом ее цикле занимает «место» условия, детерминирующего направление активности субъекта и способ ее выявления. Это изменение функциональной роли предметного продукта — его перемещение от «результата» к «условию» — обеспечивает не только непрерывность и поступательность исторического процесса, но и имеет следствием вполне объективное «обобщение» его предметного содержания. (В данном случае мы отвлекаемся от различия между продуктом практической и духовно-теоретической деятельности ввиду того, что их предметность «засвидетельствована» объективированностью вовне, в сфере межиндивидуальных отношений, и представлена в форме наличной данности сознанию каждого отдельного участника совокупной деятельности). Превращение «ре-

¹ См.: Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 85—87.

зультата» в детерминирующее «условие» человеческой деятельности, влияние которого определяет способ практического действия и пронизывает сферу сознания, получающего тем самым способность к целеполаганию, — такова объективная, в процессе социальной деятельности воспроизводимая основа рационального. При этом само рациональное понимается как соответствие цели и результата деятельности, как выражение ее закономерного характера, как ее целесообразность.

Объективация продукта человеческой деятельности в форме внешнего, налично данного субъекту предмета, который он преднаходит в начальном пункте каждого нового цикла деятельности, порождает ряд важных для нашей темы следствий. Во-первых, предмет как бы выпадает из живого процесса деятельности и локализуется в форме «сгустка» человеческих способностей, вещного воплощения деятельных сил человека в пространстве «между» актами живого процесса, замыкая их связь, обуславливая пространственно-временную структуру совокупной деятельности. Во-вторых, сам процесс изменения функциональной роли продукта, его перемещения с одной позиции в структуре совокупной деятельности («результат») на другую («условие») объективно «закрыт» для субъекта и не осознается им. Он совершается стихийно, «за спинами» реальных участников процесса деятельности. В-третьих, такой предмет обретает объективную видимость самодвижущегося предмета, предмета-*causa sui*. «Самодвижущийся» предмет олицетворяет собой связь прошлого, настоящего и будущего циклов процесса деятельности. Переносимый процессом деятельности из прошлого в настоящее и будущее, он придает деятельности характер воспроизводства заданного образца. Он обладает статусом не только реального предмета, но и, предвосхищая будущее в настоящем (а он, по сути, существует как *causa sui* в «вечном настоящем»), идеального предмета, «отпечатываясь» в сознании реальных участников совокупного процесса как цель, как идеальный план будущего результата, побуждающий их к деятельности².

В итоге предмет-*causa sui* занимает также и место субъекта деятельности, замещая в этой функции человека. Гегелевская идея «субъект-субстанции» достаточно точно воспроизводит овеществленный образ деятельности. Тем самым проблема рационального оказывается двойником, отрицательным выражением проблемы человеческой субъективности: или — или. Этот способ постановки и решения проблемы рационального может быть назван логикой ставшего предмета. Конечную причину ее существования следует искать в характере общественного разделения труда, которое обуславливает ориентацию всех видов человеческой деятельности на производство вещей или вещеподобных продуктов. Но ее действие может сохраняться и за границами буржуазного способа производства.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 189; Т. 46, ч. 1. С. 28.

Вполне естественно, что вместе с противопоставлением рационального человеческой субъективности рациональное противопоставляется также сфере ценностного, практически-духовного отношения человека к действительности. И в первую очередь потому, что в сфере практически-духовного совершается производство и воспроизводство человеческой субъективности. «Субъективность есть та сторона внутреннего содержания общественного человека, которая по своей организации противоположна способу организации вещи, а следовательно, конституирует его деятельность в качестве субъекта»³. Это различие вещного, квазиприродного и субъективного как двух способов организации деятельности, как двух форм социального⁴ дает основу для выяснения специфики и объяснительных возможностей логики ставшего предмета, а также — возможности какой-то иной логики постановки и решения проблемы рационального.

Таким образом, обращение к сфере ценностного отношения создает возможность «пересечения» проблемы рационального и проблемы человеческой субъективности. И именно в точке их пересечения находится исходный пункт новой логики исследования проблемы рационального. Тем более, что противостояние рационального и ценностного, в какой бы резкой форме оно не провозглашалось, всегда носило характер отдаленного различия: это было скорее взаимное равнодушие по отношению друг к другу, поскольку ценностное вплоть до начала XX в. традиционно «размещалось» за границами предмета философии, предмета рационального размышления. Оно относилось к компетенции морального и художественного сознания, не претендовавших на методическую обоснованность, систематическую последовательность и логическую завершенность. Словом, на то, без чего мы не представляем себе рационального.

Но почему обращение философии к сфере ценностного отношения создает только возможность «пересечения» проблемы рационального и проблемы человеческой субъективности, только возможность новой логики исследования проблемы рационального? Так, опыт Г. Риккерта, который одним из первых осознанно сформулировал положение о связи проблемы ценности с вопросами о природе философского знания и о его предмете⁵, дает нам пример такой нереализованной возможности. Обосновывая статус ценности как бытия особого рода наряду с природой и сознанием, миром объектов и миром субъектов, он исходил из все той же логики ставшего предмета, логики наличного бытия. И в полном соответствии с требованиями этой логики сконструировал особый мир ценностей,

³ Ватин И. В. Человеческая субъективность. Ростов н/Д, 1984. С. 45.

⁴ См.: Кемеров В. Е. Изменение понятия «социальное» и его методологические следствия // Категории исторического материализма в их взаимосвязи. Свердловск, 1978. С. 22.

⁵ См.: Риккерт Г. О понятии философии // Логос. СПб, 1910. Кн. 1; Он же. О системе ценностей // Логос. СПб, 1914. Кн. 1.

внеположенный человеку и существующий независимо от него — как вещь-в-себе, как символическое, безотносительно ко всему иному значащее бытие. Следовательно, сам переход на иную точку зрения, введение иной логики есть в свою очередь условие данного «пересечения», а не только его следствие.

Переход к иной логике вызывается изменением ориентации совокупной человеческой деятельности на производство человека как высшей цели общественного развития. Эта новая ориентация связана с «абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествующего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было **заранее установленному** масштабу. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления»⁶. Иная логика — это логика становления. Это — логика совпадения субъекта и объекта, мышления и бытия, которое совершается за счет **самоизменения субъекта**⁷. Самоизменение субъекта является наиболее адекватным выражением «абсолютного движения становления». «Природа человека — это история.., если истории придается именно смысл «становления», смысл «concordia discors» (согласия несогласного — В. С., И. Ф.), которое не исходит из единства, а несет в себе основы этого возможного единства»⁸. В процессе становления, самоизменения субъекта формируется целостное единство способностей человека к теоретическому воспроизведению объекта и его предметно-практическому преобразованию, складывается субъект творчества.

Поскольку отправным пунктом логики становления выступает человек как предмет собственной теоретической и преобразующей деятельности, как становящийся, следовательно, «специфический предмет», логика становления сама есть специфическая логика этого предмета. В рамках этой логики рациональное неотделимо от человеческой субъективности, оно представляет собой способ становления человеческой субъективности. Но при условии, что субъективность человека не противопоставляется внешней объективности, а воплощает в себе, в своем разворачивании сущность объективного, является высшей формой ее проявления, творчеством человека.

В той мере, в какой сфера ценностного отношения есть сфера производства человеческой субъективности, само ценностное отношение может рассматриваться как практически-духовное — единство теоретического и практического, непрерывно переплавляемое в новые формы. Ценностное отношение является в силу этого непо-

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1. С. 476.

⁷ См.: Библер В. С. Мышление как творчество. М., 1975. С. 232.

⁸ Грамши А. Формирование человека. М., 1983. С. 64.

средственным проявлением человеческого творчества и свободы⁹. Ценностное отношение амбивалентно: оно специфическим образом соединяет в себе отвлеченную всеобщность теоретического и предметную чувственность практического отношения человека к действительности. Истолкование этой специфичности, имеющее прямое отношение к проблеме проявления рационального в структуре ценности, идет двумя различными путями. В первом случае ценность рассматривается как идеал, как исключительно духовное образование¹⁰. Ее предназначение в системе человеческой деятельности — замещение или предвосхищение знания, символическое выражение некоторого скрытого от познающего мышления содержания деятельности¹¹. Понятая как символ, ценность включает в себя рациональное в той мере, в какой она выполняет целепобуждающую функцию. Иными словами, ценность может быть более или менее адекватным выражением рационального, которое в свою очередь остается неизменным по характеру, воплощаясь в системе ценностей. Поэтому с возрастанием научного характера деятельности, с повышением меры взаимосвязи теории и практики само существование ценностного отношения оказывается под вопросом¹².

С нашей точки зрения, в основе этой позиции лежит предположение о существовании некой изначально заданной общественной сущности человека, рациональной по своей природе. Проблема рационального и связанная с ней проблема ценности как символического выражения рационального порождается противоречием общественного и индивидуального, сущности и конкретно-исторической формы существования человека. При этом индивидуальное рассматривается как природная основа человека, как материал для объективации общественной сущности. Мы полагаем, что проблема ценности — это проблема становления субъекта, формирования его сущности в единстве общественного и индивидуального. А следовательно, и проблема формирования и исторического видоизменения рационального, которое не может быть однозначно связано только с общественной составляющей субъекта и его деятельности.

Проблему рационального нельзя решить вне индивидуального контекста человеческой деятельности, если понимать под индивидуальным особый уровень социального, на котором происходит пре-

⁹ См.: Столович А. Н. Природа эстетической ценности. М., 1972. С. 155—156.

¹⁰ См.: Нарский И. С. Ценность и полезность // Филос. науки. 1969. № 3. С. 62.

¹¹ См.: Дробницкий О. Г. Мир оживших предметов. М., 1967. С. 44.

¹² «Не является ли процесс опредмечивания деятельности и общественных отношений в той форме, в какой он приводит к возникновению явления ценности, специфической особенностью капиталистического способа производства? Не является ли вообще ценностная форма... проявлением различного рода фетишизма...?» (Дробницкий О. Г. Некоторые аспекты проблемы ценностей // Проблема ценности в марксистской философии. М.; Л., 1966. С. 31).

образование и развитие общественных связей¹³. Наглядно это обстоятельство выявляется при анализе другого подхода к проблеме ценности. Речь идет о трактовке ценности как своеобразного, вывернутого «продолжения» отношения полезности. При этом подходе во главу угла ставится процесс генезиса ценности, исходная точка которого — удовлетворение реальных потребностей человека в ходе предметно-практического преобразования внешних предметов, составляющих объект этих потребностей¹⁴. «Начало» ценности — пригодность и полезность вещи, критерием и практическим определителем которых служат индивидуальные потребности человека. «Только оно создает для продуктов субъекта, для которого они и являются продуктами. Продукт получает свое последнее завершение только в потреблении»¹⁵. Игнорирование живого индивида с его непосредственными потребностями приводит к тому, что созданная человеком «вторая природа» отрывается от своей предметно-практической основы. Отсюда правомерен вывод, что индивидуальная жизнедеятельность не только является «точкой роста» общественных связей, но включается в их содержание и поэтому должна учитываться как неотъемлемый компонент в содержании рационального, фиксирующего логику (способ) становления человеческого субъекта в единстве общественного и индивидуального.

Анализ этой концепции выявляет ее границу: при исследовании генезиса и природы ценности «точка зрения» индивидуального должна быть увязана с «точкой зрения» общественного, иначе феномен относительной самостоятельности ценности по отношению к ее предметно-практической основе оказывается необъяснимым. В равной мере этот вывод относится и к первой из рассматриваемых нами теоретических позиций, опасная крайность которой заключается в возможности отрыва общественного от индивидуального, одним из следствий которого является взаимообособление в структуре ценностного отношений его всеобщей (теоретической) и непосредственно-практической (чувственно-предметной) составляющих. В последнем случае имеет место отрыв ценностного отношения от реальной человеческой деятельности, превращение ценности в надысторическое образование, бытие особого рода, лежащее «по ту сторону» рационального наподобие кантовской вещи-в-себе. Впрочем, та же самая логика отрыва общественного от индивидуального может привести к пониманию ценности как многократно увеличенной полезности, как неизменного «образца», воспроизводимого в массе индивидуальных актов человеческой деятельности и корнящегося в некоторых неизменных, внеисторических свойствах человеческой «природы». В любом случае качественное своеоб-

¹³ См.: Кемеров В. Е. Проблема личности: методология исследования и жизненный смысл. М., 1977. С. 173.

¹⁴ См.: Сиклаи А. Возникновение ценности и первые ее формы // Филос. науки. 1968. № 1. С. 168—171.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1. С. 27.

разие, специфика ценности остаются без объяснения, принимаются как наличная данность.

Условием теоретического «увязывания» общественного и индивидуального в анализе генезиса и природы ценности является подход к ценности как явлению человеческой культуры. Во-первых, сам «факт» культуры возникает на пересечении общества и личности¹⁶. Во-вторых, культура является формой реализации творческого потенциала человеческой деятельности, ее продуктом и предпосылкой. В-третьих, культура оказывается сферой формирования человеческой субъективности, сферой ее исторического становления. Понятие культуры фиксирует такую характеристику человеческой деятельности, как ее конечная направленность на производство человека. Действительный продукт культуры, ее «единица» — это человек, взятый в единстве с предметным пространством его исторического бытия, когда этот мир предметов является не чем иным, как многообразием форм объективации сущностных сил человека, неотделимых от субъекта, составляющих мир предметов-для-субъекта, значащих предметов. Совокупность этих предметов-для-субъекта — предметно развернутое богатство человеческих сущностных сил, а человеческая субъективность — та «точка», в которой пересекаются связи, придающие этому предметному миру форму самодвижущегося, органического целого. Эта связь, обращенная в сторону субъекта и обеспечивающая воспроизводство и развитие человеческой субъективности, и есть ценностное отношение.

Ценностное отношение обеспечивает движение предметного содержания человеческой деятельности в сторону субъекта, превращает это содержание в культурно-исторический опыт, отлагающийся в системе нормативных образцов, следование которым определяет социальный характер индивидуальных актов мышления и деятельности. Нормативный аспект культуры (культурно-исторический опыт) неотделим от ее продуктивного аспекта (творчества). Дело в том, что усвоение культурно-исторического опыта, или коммуникация в сфере культуры, совершается посредством механизмов межиндивидуального общения. Это общение может носить непосредственный характер, характер внерефлексивного давления социальной группы на индивида¹⁷, а также характер замещенного общения — общения с индивидами, представленными в тех или иных знаковых комплексах культуры. Это диалог, совершающийся в пространстве и времени культурно-исторического опыта, диалог с индивидами за пределами той социальной группы, в которую индивид включен, так сказать, эмпирически. Диалог не только с современниками, но и с предшественниками и (по возможности) с преемниками. Такой диалог невозможен без рефлексии, без пони-

¹⁶ См.: Джигоев О. И. Культура и человеческое бытие // Философские проблемы культуры. Тбилиси. 1980. С. 7.

¹⁷ См.: Сарингулян К. С. Проблемы определения и видовой классификации норм культуры // Филос. пробл. культуры. С. 76—77.

мания, без проникновения в смысл тех знаковых комплексов, текстов, в форме которых представлен индивид-«корреспондент». В силу этого диалог есть форма творческого преобразования культурно-исторического опыта, форма его включения в исторически обновляющийся континуум культуры и одновременно форма творческого становления человеческой субъективности, соединяющей в себе прошлое, настоящее и будущее человеческой истории.

В процессе диалога как знаково опосредствованного общения реального индивида с индивидом-«корреспондентом» происходит взаимоуподобление субъективного и объективного, внутреннего и внешнего, «своего» и «чужого». Взаимоуподобление следует отличать от процесса объективации, «овещнения» субъективных проявлений человеческой индивидуальности по мерке внешнего предмета, предмета-*causa sui*. Здесь человеческая субъективность формируется по собственной мерке, раскрывается как предельное выражение объективности «абсолютного движения становления». Она реализует прежде всего тенденцию исторического восхождения, в результате чего культурно-исторический опыт утрачивает нормативную определенность и проецируется в будущее, обретая историческую непрерывность и форму постоянно обновляющейся, пульсирующей целостности. В этом движении человеческой субъективности «впереди себя самой» снимается двойственность отвлеченной всеобщности теоретического и непосредственной действительности практического отношений субъекта к объекту. Внешняя, формальная рациональность деятельности и мышления утрачивает нормативно-дескриптивный характер и преобразуется в логику становления человеческой индивидуальности. Формой, в которой разрешается данная двойственность (по сути двойственность общественного и индивидуального) и в которую перевоплощается внешняя рациональность, является смысл, соединяющий в себе образно-когнитивную и мотивационную стороны деятельности, замыкающий совокупность объективных связей на непосредственное содержание (цели, мотивы, потребности, способности) индивидуальной жизнедеятельности¹⁸. В этом плане смысл образует форму «обобществления» индивидуального, такого его обобщения, выведения индивида за наличные границы его бытия в область объективных связей и отношений, когда достигается «дистанцирование» индивида и человеческой субъективности от ограниченного материала непосредственной жизнедеятельности индивида, когда формой и пространством развития деятельных способностей человеческого субъекта оказывается уже весь культурно-исторический опыт человечества — как наличный, так и становящийся.

Смысл, составляя форму выражения рациональности процесса становления человеческой субъективности, оказывается моментом объективной связи между предметным миром человеческого бытия

¹⁸ См.: Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 147—153.

и самым человеческим индивидом. Он выражает текучий, процессуальный характер этой связи, ее направленность на воспроизводство и развитие человеческой индивидуальности. Смысл как бы соединяет мир предметов культуры с индивидом, раскрывая значимость предметов для субъекта, выражая субъективное измерение этих предметов, их неотделимость от человека и его предметно-преобразующей деятельности. Тем самым смысл конституирует отношение человека к предметному миру как ценностное отношение, более того, как отношение, в котором совпадает всеобщее и отдельное, индивидуальное. В рамках ценностного отношения как сферы производства человеческой субъективности всеобщность объективных связей раскрывается как процесс становления человека, имеющий внутреннюю логику и закономерность, рациональный по своей природе.

Е. Г. ТРУБИНА
Уральский университет

Рациональность форм общественного сознания как проблема марксистской философии и методологии науки

Еще несколько лет назад всякий, включившийся в обсуждение проблемы рациональности, рисковал быть заподозренным в слабости перед очередным «модным» термином. Главным стимулом отечественных исследований явился «бум» по поводу рациональности в буржуазной методологии науки, что рождало опасения: интересуясь решаемыми на Западе проблемами и пытаясь найти их корреляты в марксистской философии и методологии науки, не привнесем ли мы неосознанно моменты, чуждые последним?

Эти опасения были сняты тем, что ряд новейших фундаментальных исследований¹ убедительно продемонстрировал не только обоснованность введения понятия рациональности в круг методологических концептов, но и мировоззренческую необходимость выработки единой теории рациональности.

Трактовки данного понятия чрезвычайно разноплановы, подчас противоречивы, что предопределено как длительной историей его в ходе развития философии, так и тем, что в понимании его реализуются стратегические установки самых различных философско-методологических направлений.

¹ См.: Автономова Н. С. Рассудок, разум, рациональность. М., 1988; Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси, 1984; Пружинин Б. И. Рациональность и историческое единство научного знания. М., 1986.

Проблему рациональности рассматривают чаще всего как результат противоречия между так называемым универалистским ее пониманием и идеей исторической изменчивости идеалов и целей познания. Все споры о том, носит развитие науки рациональный или иррациональный характер, возможна ли рациональная реконструкция истории науки, являются во многом результатом противоречия между двумя типами рефлексий над наукой. Первый осуществляется в рамках логического анализа, где рациональность является характеристикой процедур обоснования в плане их соответствия универсальным логическим стандартам²: научно-рационально то, что соответствует законам логики и методологическим правилам. Такое понимание претендует на исчерпывающее определение рациональности в науке, если принципы научного разума считать справедливыми для всех периодов человеческого познания. Такое понимание научной рациональности внеисторично: если мы будем применять его к истории науки, то убедимся, что ученые часто действовали нерационально, тем не менее содействуя развитию науки, что революционные изменения нарушали нормы рациональности. Если мыслить последовательно, то данное понимание приводит нас к выводу, что развитие науки в сущности иррационально.

Второй тип рефлексии над наукой реализуется в рамках ее философского исследования, где процедуры обоснования рассматриваются с точки зрения их когнитивной эффективности, рациональность понимается как «разумность», целесообразная организованность приложения обосновывающих процедур в соответствии с определенным идеалом научности³. Рациональность и в данном случае выступает как нормативное понятие, но с существенными оговорками.

Маркс в свое время решительно отвергал саму возможность некоего «официального разума», который не учится у науки, а поучает ее, выражал вотум недоверия «научному вдохновению цензуры»: «Кто должен определять границы научного исследования, как не само научное исследование»⁴. Это суждение получило дальнейшее развитие. Например, П. В. Копнин считал, что нужно оставить в прошлом все попытки философов поучать, как надо развивать ту или иную область науки, как трактовать отдельные ее проблемы⁵.

С другой стороны, если учесть, что методологические нормы научного исследования, анализируемые философией, имеют, как правило, объективный смысл, их можно рассматривать как специфическую форму социокультурной детерминации знания. Однако

² См.: Пружинин Б. И. Проблема рациональности — проблема целостности знания // Проблемы рефлексии в научном познании. Куйбышев, 1983. С. 46.

³ См.: Там же.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 97—98.

⁵ См.: Копнин П. В. О природе философского знания // Вопр. философии. 1969. № 4. С. 97—98.

социальные цели трансформируются в познавательные столь неумовимо, что подчас возникает иллюзия полной автономности науки.

С нашей точки зрения, сложности в трактовке рациональности связаны с противоречием между автономностью и детерминированностью науки. Это не всегда осознается методологами науки и чревато преувеличением «метафизического» влияния на науку, внешней регламентации функционирования науки. Но еще менее это противоречие является предметом внутринаучной рефлексии, что оборачивается иллюзией абсолютной способности науки самостоятельно решать методологические проблемы.

Авторы многих высказываний по поводу рациональности чаще апеллируют к обыденному ее пониманию: «рациональный» — значит разумный, правильный, оптимальный. Следовательно, граница между рациональным и нерациональным проводится чисто интуитивно. Использование понятия рациональности — это прежде всего прерогатива философской рефлексии над наукой, и философия, не навязывая свою помощь, должна выступать на переднем плане, когда интуиция уже помочь не в силах: в тех неопределенных, неоднозначных ситуациях, когда сложно квалифицировать как рациональное то или иное событие, факт, процесс. Думается, что именно категориальная непроработанность марксистского понимания рациональности лежит в основе следующих неясностей: может ли рациональное знание включать в себя эмпирические, интуитивные, мифические элементы, включает ли рациональность признаки, характеризующие такие духовные феномены, как фантазия, интуиция, вера, эмоции, чувственное восприятие, или их следует понимать как нерациональные или иррациональные.

Больше того, отказываясь от «полицейской» или «законодательской» функции контроля методологического творчества ученого, подчас оставляя ученого в его заблуждении, «методолог фактически берет на себя роль более худшую: ...открывает возможность для манипуляций сознанием ученых»⁶. Немаловажным проявлением таких попыток манипуляции сознанием является, как нам представляется, уже сам факт «идеологической нагруженности» буржуазных концепций различных форм рациональности. Так, постпозитивистская философия науки задалась целью оправдать «ненаучные» способы освоения действительности. Намерение это достаточно резонно, однако рассматривая научное познание вне связи с объектом, как продукт лишь деятельности и мировоззрения познающего субъекта, постпозитивизм, во-первых, сводит науку к идеологии, а, во-вторых, обосновывает рациональность мифа, религии и пр. О рациональности последних толкуют представители и других философских школ. Показательны в этом плане материалы дискуссий по природе рациональности в рамках Всемирного философского конгресса в Дюссельдорфе (1978), где нередко бы-

⁶ Пружинин Б. И. Рациональность и историческое единство научного знания. М., 1986. С. 26.

ли суждения типа «религия является тем более разумной, чем больше она способствует развитию теологии, а теология, в свою очередь, выявляет разумную сущность религии» (Ф. Хаммер, Австрия)⁷. Осмыслить такое понимание рациональности можно лишь имея в виду позитивное представление о рациональности как таковой.

Стремление преодолеть логицистское толкование рациональности обусловило преобладающую ныне тенденцию толковать рациональность в широком плане, рассматривать ее как универсальное понятие. Думается, есть смысл разграничить рациональность знания, рациональность деятельности и рациональность институтов, средств деятельности. Если речь идет о рациональности знания, невозможно употреблять данное понятие без ссылок на предметность, адекватность, истинность, доказательность, логичность. Если рассматривается рациональность деятельности, то главной ее характеристикой будет эффективность, целесообразность, экономность. Анализ рациональности институтов, средств деятельности предполагает обращение к их отработанности, оптимальности.

Помимо нормативно-ценностного измерения рациональности, наиболее активно обсуждаемого в последнее время, резонно рассмотреть рациональность еще в предметном и операциональном ракурсах. Представляется возможным, трактуя рациональность как операциональное понятие, понимать ее как способность наиболее эффективно и с наименьшей затратой сил удовлетворять социальную потребность, совпадающую с целями прогресса⁸. При этом рассмотрение рациональности деятельности должно быть сопряжено с известной Марксовой трихотомией способов освоения действительности.

Постановка вопроса о рациональности практической, духовно-практической и теоретической деятельности представляется плодотворной, ибо позволит философски осмыслить давно сложившееся убеждение в том, что существуют формы деятельности разума, невытесняемые наукой.

Теперь часты опасения, что наступает время, когда образы и понятия, используемые исследователями для описания и анализа явлений, станут настолько абстрактными и сложными, что для их понимания потребуются чрезвычайно обширные комментарии, через которые человек просто не сможет пробиться в силу ограниченности своей жизни. С другой стороны, принципиальная открытость, проблемность человеческого бытия оборачивается тем, что любой результат человеческой деятельности, и науки в том числе, никогда полностью не соответствует задуманному. Наконец, не так уж мало есть человеческих потребностей, которые наука пока не может

⁷ См.: Ойзерман Т. И. Проблема рациональности и современный философский антиинтеллектуализм // Вопр. философии. 1979. № 2. С. 108.

⁸ См.: Касавин И. Т. О социальном содержании понятия «рациональность» // Филос. науки. 1985. № 6. С. 64.

удовлетворить. Главной причиной существования различных форм рациональной деятельности и является многообразие общественных потребностей.

Необходимо осознать, что к разработке общей теории рациональности философия и методология науки только подступают: до недавнего времени они находились на стадии аналитической проработки различных типов, форм рациональности. В основу этой работы должен лечь отказ от Декартовой стратегии рассмотрения науки как парадигмы рациональности и переход к исследованию труда в качестве таковой. Подчеркнем, что пока не раскрыты механизмы преобразования практических целей в научные и опосредствующие звенья в этом процессе, рациональность науки будет абсолютизироваться, а иные формы рациональности — трактоваться как заведомо второсортные.

Сложность трансформации социального в когнитивное побуждает искать опосредствующие звенья и механизмы этого процесса. К числу таковых относятся прежде всего формы общественного сознания. Не отрицая, что трактовки форм рациональности, представленные в западной литературе, нередко стирают грань между истинным, в первую очередь научным, отражением действительности и ее иллюзорным отражением, подчеркнем следующее. Вопрос о разнообразии форм рациональности отражает более общую проблему: соотношение науки, философии и иных форм общественного сознания как различных, но в то же время обнаруживающих достаточно глубокие связи, типов освоения мира.

Понимание рациональности как целесообразности по справедливому мнению И. Т. Касавина должно быть дополнено трактовкой рациональности как опосредованности⁹. Поскольку в рамках собственно деятельности можно говорить о трех видах рациональности: рациональности целеполагания (его ориентирующая роль), рациональности средств деятельности (их эффективность) и рациональности предмета деятельности (его «окультуренности»), то представляется перспективным рассмотреть рациональность форм общественного сознания как посредников воздействия субъекта на объект в его социально-преобразующей деятельности.

Проследим, какие же тенденции в общественной и научной жизни вызвали столь пристальный интерес к этим посредникам — иным, нежели наука, формам рациональности.

Упомянем прежде всего тот факт, что убежденность в способности науки вытеснить все другие сферы общественного сознания была охарактеризована как сциентистская иллюзия. При этом в литературе¹⁰ отстаивается значимость всех форм общественного сознания, кроме мифа и религии, необходимость которых неявно полагается рассматривать лишь в генетическом плане. Между тем

⁹ См.: Касавин И. Т. О социальном содержании понятия «рациональность». С. 63.

¹⁰ См., напр.: Научные и вненаучные формы в социальном познании. М., 1984.

растет количество аргументов в пользу того, что упомянутые формы рано считать изжившими себя. Попробуем высказать несколько соображений в том же ключе, сосредоточившись на проблеме рациональности мифа.

Далеко не однозначное решение этой проблемы вызвано прежде всего распространением и известными успехами структуралистских методов исследования мифа. Применение последних привлекло внимание к следующему: миф как нечто безусловное для человека возрождается, если не удастся придать дискурсивную форму ценностям, обретающим значимость в рамках данной культуры, если смысл данных ценностей сложно схватить в артикулируемой, отчетливой форме. Обратимся с учетом сказанного к процессу создания и функционирования мифов в двух постоянно взаимодействующих областях: науке и обыденном сознании.

А. Н. Веселовский выделяет две эпохи «великого мифического творчества»: дописьменные времена и средние века¹¹. В качестве третьей вслед за рядом авторов можно рассматривать наши дни: ускорение и беспрецедентный динамизм социального развития, уплотнение социального пространства вызвали к жизни миф как механизм адаптации к быстро меняющейся, все более враждебной эмпирическому индивиду действительности.

Главной причиной, вызывающей к жизни мифы, является такая разновидность общественных потребностей, как потребность массового сознания в организации всей совокупности знаний, «сведения концов с концами». Последняя настолько сильна, что массовое сознание нередко прибегает не только к достоверно установленным сведениям, но и ко всякого рода догадкам, вымыслам. Действительно, чем как не мощной общественной потребностью можно объяснить тот факт, что «для создания мифа в ход идет все: и скоропалительное предположение и даже прямая ошибка»¹². Мы, однако, не можем согласиться с тезисом, видимо, принципиальным для Т. Чернышевой: «Массовое сознание отбирает из всей суммы современных научных знаний и гипотез только те, которые необходимы для построения своего рода современной «мифологической картины мира»¹³. Это явная недооценка: получается, что многовековое взаимодействие науки и обыденного сознания — не более, чем параллельное, нигде не соприкасающееся существование, что массовое сознание современности не более «образованно», чем несколько сот лет назад.

Считать причиной возникновения мифов только потребности массового сознания было бы неточным. Такие причины есть и внутри науки. При этом мы не имеем в виду традицию словоупот-

¹¹ См.: Веселовский А. Н. Статьи о сказке, 1868—1890. М.; Л., 1938. С. 10.

¹² Чернышева Т. Фантастика и современное натурфилософское мифотворчество // Обществ. науки. 1985. № 1. С. 138—149.

¹³ Там же. С. 141.

ребления, когда «мифами» объявляются заблуждения и т. п. Ныне популярными стали ссылки на тот фрагмент из «Философских тетрадей», где В. И. Ленин отмечает наличие элементов мифологии в современном ему научном знании: «NB: связь зачатков научного мышления и фантазии à la религии, мифологии. А теперь! То же, та же связь, но пропорция науки и мифологии иная»¹⁴. Разумеется, никто на этом основании не собирается отводить большую самостоятельную роль мифическому компоненту современного научного знания. Вопрос о том, можно ли рассматривать миф как форму рациональности, побуждает внимательнее присмотреться к тем феноменам, за которыми в науке закрепилось название мифа.

Наиболее распространенным является уже отмеченное нами толкование мифа в науке как стойкого заблуждения, представляющего собой серьезную помеху для развития знания. Подобные образования известны всюду, начиная, скажем, от методики обучения иностранному языку, где мифом является представление о целесообразности заучивания наизусть длинных диалогов¹⁵, и заканчивая методологией науки, одним из мифов которой является концепция существования естественнонаучной картины мира (ЕНКМ), которой приписывается «якобы осуществляющийся синтез физического, химического, биологического и другого естественнонаучного знания»¹⁶, которая лишь вербально осуществленным объединением заслоняет противоречивый характер интеграции научного знания. Некоторые авторы¹⁷ используют этот термин (ЕНКМ) для обозначения научной системы природы как единого целого, что некорректно, ибо такого рода знание есть знание философское¹⁸.

Другое дело, когда вследствие крайней специализированности научных исследований, с одной стороны, и необходимости ориентироваться в смежных научных областях, с другой, ученый принимает на веру, берет как нечто безусловное результаты исследований в тех областях, в которых он не компетентен. Такие автономизировавшиеся от своей онтологической почвы стратагеми¹⁹ работают объективно на пользу исследовательской деятельности, поскольку помогают переструктурировать наличный мыслительный материал и к тому же «заглушить голос «гносеологической совести» ученого-профессионала, который выдвигает этические препятствия к восприятию

¹⁴ Ленин В. И. Соч. Т. 29. С. 225.

¹⁵ См.: Финюкьяро М. Миф и реальность // Вопросы методики обучения иностранным языкам за рубежом. М., 1978. С. 10—12.

¹⁶ Волинская Л. М. Научная картина мира в динамике общественного сознания: челночные движения // Научная картина мира. Общекультурное и внутринаучное функционирование. Свердловск, 1985. С. 89—90.

¹⁷ См.: Мостепаненко А. М. Методологические и философские проблемы современной физики. Л., 1977. С. 48—50.

¹⁸ См.: Лойфман И. Я. Научная картина мира как форма систематизации знаний // Научная картина мира. С. 6—7.

¹⁹ См.: Бляхер Е. Д., Волинская Л. М. К пониманию структурной открытости науки как системы знания // Структура и развитие научного знания: Системный подход к методологии науки. М., 1982. С. 249.

чуждых ему организованностей знания без личного компетентного контроля, осуществить который он, однако, не в силах»²⁰. То есть наряду с псевдознанием, подобным мифу о ЕНКМ, возможен и иной познавательный феномен, близкий по своим функциональным характеристикам к мифу, создавая который ученый-профессионал обретает инструментарий для работы. А. М. Волинская рассматривает «научный миф» наряду с рациональными формами переноса информации в научном знании, подчеркивая, с другой стороны, что он, в отличие от классического мифа древности и шарлатанского псевдонаучного мифа, «способен обслуживать реальные потребности научной мыследеятельности (подчеркнуто нами — Е. Т.)»²¹. Нам же представляется, что именно на последнем основании данное мифоподобное образование можно рассматривать как рациональное.

До сих пор речь шла о мифах, возникших в ходе повседневной научной практики и в рамках массового сознания. Однако в ленинском указании на пробегание современным научным знанием в процессе его производства элементов мифологии есть и другой смысл: насколько присутствуют в современной науке элементы первоначальных мифологических представлений человека о действительности? По крайней мере, в одном из существенных компонентов современного научного знания такие элементы можно проследить без труда. Речь идет о проявлениях антропоморфизма в языке науки: мы по сей день говорим о «силе тяготения», «борьбе противоположностей» в природе, «противоречиях» в вещах. Эволюцию языка научного знания мы справедливо связываем с постепенным преодолением антропоморфизма, но есть ли смысл в его окончательном искоренении?

Ныне ученые, отдавая себе отчет в инструментальном характере используемых антропоморфных метафор как средства «освежения» номинативного фонда и соответственно не выдавая метафоры за научные дефиниции, видят, однако, резон в рефлексии по их поводу. Внимание к «старым» латинским и греческим корням используемых терминов, которые, как правило, являются антропоморфными, позволяет наполнить термины дополнительным смыслом, увидеть «просвечивающие» сквозь традиционные — новые значения («атом» — «индивидуум»), усмотреть культурное происхождение строго научных ныне терминов. Более того, когда речь идет о формировании «стыковых» понятий, представлений, прежде всего на границе биологии и других наук, в языке этих стыковок антропоморфизмы обретают законную роль: как единицы общепонятного языка они дают возможность яснее сформулировать проблему. Как бы ни относились к ним с осторожностью, обойтись без них невозможно.

²⁰ Волинская А. М. Научная картина мира. С. 90.

²¹ Там же.

Говоря в более общем плане, уместно напомнить одно рассуждение Ф. Энгельса, который писал в письме К. Шмидту: «Что же касается тех идеологических областей, которые еще выше парят в воздухе — религия, философия и т. д., то у них имеется предысторическое содержание, которое мы теперь назвали бы бессмыслицей. Эти различные ложные представления о природе, о существовании самого человека, о духах, волшебных силах и т. д. имеют по большей части экономическую основу лишь в отрицательном смысле. История наук есть история постепенного устранения этой бессмыслицы, и ее замены новой, но все же менее нелепой бессмыслицей»²². Согласимся с Б. И. Пружининым, который справедливо обращает внимание на то констатируемое Энгельсом обстоятельство, что «фактуру «мыслительного материала», из которого устраняется «бессмыслица» или в котором эта бессмыслица заменяется «новой, но все же менее нелепой бессмыслицей» ...фактуру этого материала исторически образуют бессмыслицы, антропоморфные по своей сути»²³, и заключает в этой связи: «... историки и методологи науки зачастую упускают из виду тот факт, что наивный антропоморфизм архаических представлений о мире был формой реализации культурного измерения знания, его общественной природы и как таковой требует более дифференцированной оценки»²⁴. Одним из проявлений таковой и будет учет следующего обстоятельства. Пытаясь оценить миф как форму рациональности, не стоит, видимо, относиться к нему как исторически изжитому (по крайней мере, в отношении к научному познанию) феномену. Приведенные выше наблюдения свидетельствуют, что в рамках современной научной деятельности мы встречаем целый спектр мифоподобных образований, начиная от тех, в которых за наукообразной формой скрывается иллюзорное, в сущности, содержание, и заканчивая теми, в которых, наоборот, антропоморфная форма содержит научные прозрения. Более того, сам факт известного раскрепощения научного языка и языка философии, наблюдаемый в самое последнее время, можно оценить как попытку по крайней мере на уровне формы преодолеть «засушенную», логицистскую трактовку рациональности знания.

Наряду с мифами, стихийно формирующимися в обыденном сознании, и мифами, бытующими в науке в качестве механизмов переноса информации, есть еще одна их разновидность. Речь идет об «идеологически нагруженных» ложных воззрениях, развиваемых в рамках биологических, общественных и гуманитарных наук, которые успешно развенчиваются публицистикой последних лет. Один из таких мифов относится к эволюции человека: если эволюция привела к возникновению человека из обезьяны, почему бы не предположить, что этот процесс совершенствования продолжа-

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 419.

²³ Пружинин Б. И. Рациональность и историческое единство. С. 118.

²⁴ Там же. С. 119.

ется, используя «научные» достижения евгеники, расистских теорий о полноценных или неполноценных человеческих видах? Современные мифотворцы от биологии даже предлагают определенные образцы совершенного человека, по которым следует конструировать будущие поколения. Противостоит этому убеждение в том, что мы должны избирать форму прогресса на основе принятых нами систем нравственных ценностей, формируемых с помощью культурного наследия, что наука должна быть не только рациональной, но и мудрой.

Критики подобных мифов подчеркивают, что подлинно научное осмысление социальной реальности тесно сопряжено с гуманистическими критериями социального прогресса. Чтобы о них не забывали, их стоит включить в самое понимание рациональности. Тогда получившие название мифов «идеологически нагруженные» теории и концепции иррациональны, поскольку откровенно противоречат целям социального прогресса. Мифоподобные механизмы переноса информации в рамках научного знания можно считать рациональными в силу породившей их потребности: стремления учесть положение дел в тех областях, которые далеки от сферы профессиональной компетенции ученого.

Прежде чем оценить мифы современного обыденного сознания, выскажем еще несколько соображений.

Массовое сознание «ударяется в мистику» (и в миф) в ответ на «облицовочный» по отношению к упованиям человеческой души характер науки о человеке, на внешний по отношению к человеческим интересам характер популяризации науки. Очевидный ныне интерес многих к мифическому представляется своеобразной реакцией на претензию логизированного знания на истину в последней инстанции, на тот факт, что даже философское знание, призванное оценивать окружающее с точки зрения его значимости для человека, «засушено», эзотерично, ничего не говорит душе.

С другой стороны, абсолютизация значимости, ценности мифа в его современном контексте, какую мы наблюдаем в западной методологии науки, таит в себе серьезную опасность. Провозгласить миф законным, потребовать права на существование для красивых, но околонучных соображений, недоказанных рассуждений, непроверенных сведений, недостижимых на данном этапе общественного развития целей куда как проще в познавательном и психологическом плане, чем продумывать механизмы поднятия человеком себя до уровня способности понять реальные закономерности, чрезвычайно сложную природу действительного мира. Думается, это одна из причин поразительной живучести мистических умонастроений, неистребимого интереса к оккультным наукам, который подчас заслоняет от человека продумывание путей разрешения куда более важных жизненных проблем.

Таким образом, осозная, что в основе современных мифоподобных образований лежат противоречия обыденного сознания, надо подчеркнуть: равнодушное отношение к первым можно было

бы допустить, если бы массовое сознание было достаточно «взрослым», прежде всего «образованным». И речь идет даже не о том, что многие, «мифами» увлекаясь, подчас не знакомы с содержанием мифов классических, вследствие чего остается за рамками адекватного восприятия огромный пласт культуры. Речь о том, что мы удивительно необразованны даже в таких вещах, когда речь идет о собственной безопасности, как физической, начиная от точного знания техники искусственного дыхания и кончая знанием средств радиационной защиты, опасности радиации, вследствие чего возможны поставки на АЭС бракованных деталей и т. п., так и политической. Поэтому в рамках обыденного сознания мифоподобные образования по крайней мере не рациональны, ибо стоят в стороне и в сторону уводят, будучи не рефлекслируемыми, лишь иллюзорно удовлетворяя реальные потребности.

Итак, не отрицая значимости научной рациональности, мы попытались доказать, что широко понимаемая рациональность «работает» в анализе отношения науки и других форм общественного сознания. Изменение познавательной ситуации в настоящее время проявилось в том, в частности, что если раньше пафос исследований заключался в доказательстве противоположности науки и мифа, то ныне важнее показать, как они взаимопроникают в ходе удовлетворения реальных общественных и научных потребностей. Наша философия призвана теперь «оправдать» иные, чем научные, способы постижения действительности, но, в отличие от буржуазных теоретиков, в тех лишь пределах, в которых последние отвечают рациональным потребностям.

Понятие рациональности можно расширить двумя способами: во-первых, показать, что то, что раньше расценивалось только как иррациональное, отчасти является рациональным, во-вторых, вопреки устойчивой традиции словоупотребления, в иррациональном тоже увидеть позитивное. Эти способы, разумеется, друг друга не исключают.

Мы попытались пойти первым путем и показать, что анализ мифов и мифоподобных феноменов требует непредвзятой, дифференцированной философской проработки, из которой явствует, с одной стороны, что современная наука включает в себя механизмы переноса информации, родственные мифу, с другой, — осознание того обстоятельства, что этот анализ нельзя отдавать на откуп буржуазной методологии науки либо научно-популярной литературе, ибо в противном случае общество рискует выпустить из под контроля достаточно опасные тенденции.

Раздел II. РАЦИОНАЛЬНОСТЬ НАУКИ И ПРАКТИКИ: СУЩНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

Н. В. БРЯНИК
Уральский университет
Ю. М. ДУПЛИНСКАЯ
Новокузнецкий педагогический институт

Исторические формы рациональности науки и их взаимосвязь с практикой

В современной ситуации, требующей коренных изменений во всех областях нашей жизни, активно и достаточно остро ставится вопрос о необходимости оптимального, эффективного и рационального ведения дел на всех жизненно важных направлениях развития. При этом общепризнанным средством оптимизации и повышения эффективности различных сфер жизни в эпоху НТР считается наука. Наука рассматривается как решающий фактор дальнейшего движения нашего общества по пути прогресса.

В теоретическом плане возникает проблема обоснования этого процесса, выяснения закономерностей его движения. Проблемность ситуации проистекает из противоречивости самого феномена рационализации. С одной стороны, как мы только что отметили, причиной и фактором рационализации социальных процессов является использование науки. Но в то же время исследование природы рациональности науки выводит нас за пределы собственно науки в контекст самой социальной практики, которая в сегодняшней действительности нуждается в рационализации со стороны науки.

Чтобы рассмотреть историческое развитие рациональных моментов в человеческой деятельности, нужно ответить на вопрос — от чего зависит степень ее рационализации? Рациональность человеческой деятельности связана с тем, что человек может действовать со схемой своей деятельности как с особым предметом и изменять ее, не трогая до поры до времени реального предмета. Только благодаря этому возможна планируемость и организуемость человеческой деятельности. Деятельность человека управляется не законами его телесной организации, но складывается по объективным законам взаимодействия материальных предметов. Только благодаря этому человек может воспринимать связь предметов как объективную и устойчивую. Развитие рациональности человеческой деятельности связано прежде всего с изменением способа опредмечивания и изменением соотношения между живым и овеществленным трудом. Развитие рациональности, следовательно, обусловливается развитием техники, существование которой с определенного времени становится зависимым от науки. Но отделимость деятельности человека от его организма связана и с другой ее характеристикой —

ее общественным характером. Деятельность становится тем более отделимой, чем более развито общественное разделение труда. Поэтому развитие рациональности связано также с развитием социальных характеристик деятельности и зависит от разделения труда в обществе. Тем не менее понятие «рациональный» применимо к практике как к целому не на всех стадиях ее развития. Вышеназванные характеристики — это лишь абстрактные предпосылки рациональности практики, которые еще должны развиваться до всеобщности.

Перед нами и стоит задача: осмыслить рациональность как одну из существенных характеристик человеческой деятельности в целом и науки в частности. Когда и в каких формах они становятся рациональными и какое взаимовлияние испытывает рациональность науки и практики.

В последние два десятилетия исследование природы и смысла рациональности вызвано и потребностями идеологической борьбы в области современной философии науки. Ряд популярных на Западе буржуазных философских концепций науки подается под вывеской «рационализма»: неорационализм (или как они себя иногда именуют — научный рационализм), критический рационализм, сверхрационализм в лице последователей Э. Гуссерля и др. Не случайно поэтому в материалах двух последних всемирных философских конгрессов отмечалось, что тема рациональности, и в первую очередь в связи с наукой, была ведущей. Важно отметить, что современные буржуазные философы науки в качестве главного недостатка приписывают своим противникам и оппонентам иррационализм, демонстрируя при этом себя правоверными рационалистами. Так, К. Поппер — основатель критического рационализма — обвиняет марксизм в некритическом иррационализме, а теорию научного коммунизма называет «ложнорационалистической»¹. И. Лакатос критикует Т. Куна за иррационализм. Т. Кун, опасаясь и всячески снимая с себя этот ярлык, пытается доказать свою близость позиции И. Лакатоса по всем якобы обнаруженным у него (Т. Куна) пунктам иррационального².

Понятие рациональности становится популярным в далеких от науки течениях и прямо антисциентистских концепциях: Г. Марсель, например, обращается к рационализации христианства, тогда как другие теологи главную свою задачу видят в избавлении от греческого рационализма, а известный экзистенциалист А. Камю ратует за принципы «ограниченного рационализма».

Областью изучения современных философов становятся и прямо противоположные по своему объективному смыслу явления, которые демонстрируют иррациональный тип отношения к действительности. А он дает знать о себе порой в самых нечеловеческих формах, когда манипулируют сознанием и поведением человека,

¹ См. об этом Критический рационализм философия и политика. М., 1981.

² В этой связи см.: Структура и развитие науки. М., 1978.

останавливают человеческую память и т. п. Все это заставляет исследовать механизмы и природу рационального как подлинно человеческого отношения, а также понять, каким образом сверхрационализированный век НТР побуждает к иррациональным всплескам, убивающим разум с помощью науки и на базе ее.

Чтобы обнаружить общий ход рассуждений, сразу же оговорим еще одно необходимое условие исследования. Сформулируем его в виде вопроса. Можно ли вообще говорить о каком-либо едином, общем типе научной рациональности, характерном для разных научных формаций. Ведь становятся очевидными нестабильность, изменчивость образов науки, уникальность стилей научного мышления в разные эпохи, способов ее адаптации в обществе и ее влияние на общество. Интенсивно развивающиеся в последние годы исследования по истории науки на разных ее уровнях и призваны отразить эту изменчивость. И все-таки несмотря на то, что «неустойчивость и изменчивость научного мировоззрения чрезвычайны, между тем можно проследить, как одно произошло из другого, и в течение всего этого процесса, в течение всех долгих веков было нечто общее, оставшееся неизменным и отличавшее Научное мировоззрение как средних веков, так и нашей эпохи от каких бы то ни было философских или религиозных мировоззрений»³.

Поэтому мы считаем, что наиболее адекватный путь выявления особенностей научного типа рациональности возможен через рассмотрение его исторических разновидностей. Это способ обнаружения объективных признаков научной рациональности, и он все активнее проводится в современной марксистской литературе⁴. Что касается современной буржуазной философии науки, то для нее в целом характерна релятивизация критериев научной рациональности и связанная с ней их субъективизация. Типичным в данном случае является рассуждение Дж. Агасси: «...мы признаем, что рациональность состоит в решении определенных проблем наилучшим образом и в критическом обсуждении этих проблем»⁵. При этом он настаивает на том, что «всегда можно переинтерпретировать подтверждающие данные таким образом, что они превратятся в опровергающие... Наша способность к переинтерпретации научных данных зависит от нашего воображения и избирательности»⁶. Аналогичной позиции придерживается Т. Кун: «Наше понимание того, что должно быть рациональным, в значительной степени, хотя, конечно, не целиком, зависит от того, какие должны быть, с нашей точки зрения, существенные аспекты поведения ученого»⁷. Неудивительно поэтому, что сначала субъективизировав на-

³ Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. М., 1981. С. 69.

⁴ Приведем лишь некоторые из работ: Гайденко П. П. Эволюция понятия науки. М., 1980; Кузнецова Н. И. Наука в ее истории. М., 1982.

⁵ Агасси Дж. Наука в движении // Структура и развитие науки. С. 154.

⁶ Агасси Дж. Наука в движении. С. 157.

⁷ Кун Т. История и рациональность. С. 279.

учную рациональность, они затем начинают обвинять друг друга в иррационализме.

В силу того, что периодизация науки разработана недостаточно и остается дискуссионным вопросом о времени возникновения науки, пойдем таким путем: кратко охарактеризуем каждый сколь-нибудь заметный, качественно своеобразный этап развития науки.

Можно выделить архаическую разновидность научного типа рациональности. Это, по сути, еще пранаука, когда доминировало мифологическое мышление, или, как отмечают исследователи, зачаточно-научное начало⁸.

Какие же особенности мыслительной деятельности присущи пранауке? — Систематизированность, которая выявляла причинно-следственные и системные отношения явлений, использование, хотя и в конкретной форме, логических умозаключений⁹. Отмечают также, что на основе чрезвычайно слабого развития абстрактных понятий классификация и логический анализ проводились довольно-таки громоздким образом и с помощью конкретных предметных представлений, отождествление объектов осуществлялось по смежности в пространстве и времени, а уже затем преобразовывалось в причинно-следственную связь, обобщение строилось по единственной логической схеме — от конкретного к абстрактному¹⁰. Но, пожалуй, самым характерным признаком зарождающейся науки была непосредственная ориентация ее на практическое использование: «...первоначальные астрономические, биологические, математические знания... — эти древнейшие представления о мире взаимосвязаны отнюдь не хаотически, не мистически, не по какому-то субъективному произволу, но прежде всего логикой их реальной практической ориентации на удовлетворение специфических общественных потребностей, охотничьих коллективов палеолита — потребностей, тесно связанных с цикличностью природных процессов»¹¹.

Практическая ориентация древних знаний особенно ярко воплотилась в восточной пранауке. Исследователи, работающие в европейской традиции, исходя из этого, вообще отрицают научность знаний этого региона, называя его рецептурным, инструментальным в силу его очевидной и непосредственной практической привязки.

Каждый отдельный акт орудийной деятельности первобытного человека, конечно, включал какие-то моменты рационального мышления. Но даже если бы акты орудийной деятельности там были весьма сложными, они могли бы сформировать лишь навыки, но не понятийное мышление, поскольку процесс производства орудий труда не носил непосредственно общественного характера. Возникновение понятийного мышления связано не просто с совер-

⁸ См.: Фролов Б. А. О чем рассказала сибирская мадонна. М., 1981.

⁹ См.: Очерки истории естественнонаучных знаний в древности. М., 1982.

¹⁰ См.: Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976.

¹¹ Фролов Б. А. Астральные мифы и рисунки // Очерки истории естественнонаучных знаний в древности. М., 1982. С. 56.

шенствованием орудий труда, но и с тем, что их производство приобретает непосредственно общественный характер. Орудийное взаимодействие с вещами всегда имеет какую-то объективную логику и потому всегда рационально. Но если логика орудийной деятельности еще непосредственно не определяет логику общественных связей, то она имеет только частный характер и будет рациональной лишь объективно, но не субъективно. В первобытном обществе логика предметной деятельности еще не разворачивается в социальном «пространстве» через общественное разделение труда, но протекает на фоне социальной однородности, когда индивид не выделяет себя из общественного целого. Поэтому эта логика еще не осознается, и она передается не в понятиях, а через традиции, навыки и обычаи. И поэтому, хотя в этот период и были спорадические знания об объективных свойствах вещей, но не они формировали общую картину мира и имели совершенно иной общий смысл, нежели сейчас.

Мифологическое мышление соответствовало тому периоду, когда самопорождение общества осуществлялось родом как целым, но не отдельными индивидами. Поэтому общее было слитно с единичным, творящее — с сотворенным (так как эти моменты еще не расщеплялись в деятельности). В классовом обществе абстрактные моменты самопорождения осуществляются уже отдельными индивидами. Общее, творящее начало как источник организации деятельности отделяется от непосредственного осуществления деятельности (например, в виде органов управления, отделенных от основной массы). Поэтому общее становится безличным, превращается в абстрактно-общее, существующее в виде чистой формы, оторванной от содержания (например, безразличная для индивидов абстрактно-общая форма закона, правовой нормы). Родовая жизнь отчуждается от индивидов. И поэтому, в отличие от мифологического, возникает новое понимание общего как абстрактного, которое соответствует «частичной» связи индивидов. Но благодаря этому общее выделяется в «чистом» виде — в виде законов логики. Таким образом, развитие рациональности происходит противоречивым образом: осознанность отдельных моментов деятельности осуществляется по мере того как происходит расщепление деятельности как целого, и связь индивида и рода приобретает все более «частичный» характер. В классовом обществе возникает расщепление деятельности (его нужно отличать от разделения предметов деятельности), в результате чего человеческая личность формируется в усеченной «частичной» форме. Но зато объективируется сама структура деятельности — деятельность становится отделимой от человека и сама превращается в объект деятельности.

В добуржуазных формациях, которым соответствует инструментальный период в развитии техники, общественное разделение деятельности еще не опосредствовалось техническим, поскольку применение инструмента может носить только индивидуальный характер. Здесь общественный обмен деятельностью как бы сверху

надстраивается над техническим и происходит в личностной форме. Поэтому структура организации общественной жизни не совпадает с логикой предметной деятельности. Поэтому в добуржуазных формациях логическая расчлененность мышления образуется не за счет осознания внутренней логики предметной деятельности, но за счет непосредственного (а не предметно-опосредованного) расчленения социума, который является здесь прообразом логического универсума.

Поэтому логика предметной деятельности здесь еще не может подняться до всеобщего, и в добуржуазных формациях еще нет подлинно рационального мышления. Форма мысли определяется еще чем-то внешним, а не логикой самого предмета как его внутренним саморазличием. Подобно тому, как структура связи индивидов в общественное целое здесь оказывается внешней по отношению к предметной деятельности, так и логическая организация знания в рамках общей картины мира и в античности, и в средневековье оказывается внешней предметам. Так образуется формальная логика, которая составляет итог системы Аристотеля и затем оттачивается в средневековой философии, — внешняя предметам логика классификации с ее абстракцией родовидовой структуры.

Общественная деятельность в добуржуазных формациях, пожалуй, носила менее стихийный характер, чем при капитализме, поскольку она управлялась из единого центра. Но тем не менее это не означает, что она была рациональной, поскольку ее структура не была опосредована логикой предметов, и, следовательно, не была объективной.

Не вызывающим сомнения самостоятельным этапом является античная разновидность научного типа рациональности. Поскольку античная культура развивалась под эгидой философии, то зачастую исследователи склонны переносить особенности философского знания на научный тип рациональности. Античная наука выделялась методом дедукции и логической аргументации, на основе которых и производились систематизация и выяснение причинно-следственных связей. Обоснованная аргументация, преобладание логического развертывания знания свидетельствует об осознанном переходе от чувственно-конкретного мировосприятия к разумно-рациональному его постижению. Для этого этапа очевидна попытка подняться над прикладной, практической ориентацией знания. Истина предстает в первую очередь как незаинтересованная, не отягощенная людскими потребностями. Но и этот этап науки, в своей непосредственной данности сознательно удаленный от практики, был важным в плане подготовки будущей науки к использованию в практике. Поскольку именно на данном этапе оттачивались первичные средства теоретизации науки, раскрывающие уникальные возможности научного освоения действительности.

В силу того, что мирозерцание средних веков было по преимуществу теологическим (Ф. Энгельс), главная цель этого этапа существования науки заключалась в усмотрении во всем времен-

ном, преходящем знаков вечного, божественного. Абстрагирование и обобщение носили символический характер, максимально отвлеченный, разрушающий конкретную целостность. Ряд исследователей оценивают средневековое мышление в целом как символизирующее¹². Рациональная сущность науки теплилась в неадекватных ее природе, причудливых и уродливых формах типа алхимии: «алхимия... в парадоксальном виде схватывает... средневековое природознание в его целостности, ориентируя его на земные практические дела, не ведая при этом специфически средневековой оппозиции схоластики и ремесла, как бы осуществляя их единение... Однако это единство... тотчас раздваивается на декоративный, пустотелый опыт и вещную теорию, данную в виде примеров-рецептов»¹³. Алхимия в каком-то смысле и необходимый этап развития научной рациональности, становление химической науки в XVII—XVIII вв. без нее необъяснимо. Интересно, что алхимический рецепт — это своеобразный сплав образа объекта и действия: «алхимия — существенная составляющая «химической» картины мира в средние века, особая «схоластико-ремесленная» деятельность»¹⁴.

Получается, что этот неадекватный природе научной рациональности этап, с одной стороны, вбирает опыт непосредственно практически ориентированного пранаучного знания и логизированной античной науки, а с другой — выступает предпосылкой науки современного типа, заложенного в Новое время.

И все-таки, хотя в античности и в средние века шло формирование научных знаний, но науки как теоретической системы, в строгом смысле слова, не было. Теоретическое мышление означает, что законы открываются в **самых** вещах. А в мышлении и практике добуржуазных формаций источником формы, организации являются не сами вещи, а внешний для них центр. «Согласно средневековому взгляду мир представляется целостным лишь постольку, поскольку он зависит от Бога. Всякий объект определяется только отношением к Богу, но не отношением к другим объектам. Едва только мысль отвлекается от Бога и сосредоточивается на мире, его единство исчезает: ибо в нем самом нет никакого объединяющего начала, никакой общей точки притяжения. Вещи тяготеют друг к другу только до тех пор, пока они сообщая тяготеют к Богу»¹⁵.

В капиталистической формации, совпадающей с машинным периодом в развитии техники, логика общественной организации производства уже во многом сходится с внутренней логикой предметной деятельности. «При машинном производстве субъективный принцип разделения труда отпадает. Весь процесс разлагается здесь объективно, в зависимости от его собственного характера...»¹⁶ В отличие от инструмента, «машины функционируют только в ру-

¹² См., напр.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.

¹³ Рабинович В. А. Образ мира в зеркале алхимии. М., 1981. С. 138.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Косарева А. М. Предмет науки. М., 1977. С. 45—46.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 391.

ках непосредственно обобщественного, или совместного труда»¹⁷. Здесь впервые получает полное развитие сфера совместного труда, — непосредственной социальности, которая «предполагает непосредственную кооперацию индивидуумов»¹⁸. Поэтому машинное производство впервые делает прозрачной саму логику взаимодействия с вещами, поскольку теперь оно опосредовано общением и различные его звенья выполняются разными людьми.

Теперь индивидов связывает не единый центр, а как бы сама по себе действительность, и поэтому научное знание впервые становится фактором, организующим социальность. Поэтому логика объективного мышления здесь существует не в виде навыков, а впервые получает статус всеобщности и формирует картину мира как целого. Поэтому здесь впервые становится возможным теоретическое естествознание, поскольку возникает требование выводить форму мысли из логики самих вещей, а не привносить ее извне, как то было в схоластике. В средние века понятие закона было невозможно, так как вещи зависели там не друг от друга, а от Бога, а Бог творил мир непрерывно, не могло быть устойчивых связей между вещами. В науке Нового времени впервые становится всеобщим мышление, открывающее в вещах законы, поскольку вещи приобретают здесь зависимость не от Бога, но друг от друга.

Но развитие рациональности вообще происходит противоречиво: отдельные моменты практической деятельности приобретают все большую рациональность за счет все большего расщепления практики как целого.

При капитализме же эта противоречивость еще более обостряется: теперь расщепление практики переходит в ее саморазорванность, и точность в измерении ее отдельных моментов формируется в противовес организации целого. В чем это проявляется?

Выше говорилось, что возможность рационализации практики связана с тем, насколько деятельность становится отделимой от индивида. Буржуазная формация дает резкий скачок в усилении такой отделимости. Теперь уже определенный способ деятельности не закреплен за индивидом, как было в средние века, но условия деятельности становятся чем-то внешним и случайным для него. Человек теперь может менять свои социальные роли и отстраняться от любой внешней определенности.

Но эта отделимость человека от своей «жизнедеятельности» здесь проявляется в форме противоречия личности с ее социально определенной функцией: в виде «негативной» свободы — «свободы от».

Поэтому буржуазная формация рождает атомарного индивида, независимого от родовой жизни, обладающего такой степенью свободы в сфере своей субъективности, которой не знала ни одна предшествующая формация. Сознание человека здесь не сковано ни

¹⁷ Там же. С. 397.

¹⁸ Там же. Т. 25, ч. 1. С. 116.

вековыми традициями, ни авторитетами. Оно пытается «непредвзято» воспринимать объект (вспомним бэконовскую работу по очищению предрассудков). Но все-таки это свобода вне сферы непосредственной социальности, в сфере «гражданского общества», частной жизни или свободного времени.

Но, как оборотную сторону этого, на другом полюсе буржуазная формация рождает противоположный процесс: здесь сфера непосредственной социальности (когда человек покидает частную жизнь и вступает в систему общественного разделения труда) представляет собой такую жесткую зависимость индивида от общественного целого, которой тоже не знала ни одна предшествующая формация, — вещную зависимость.

В сфере совместного труда накопленный общественный труд существует в реифицированной (овещненной) форме, и прошлый (овеществленный) общественный труд имеет тенденцию подчинять себе и устранять труд живой. Труд индивида становится лишь придатком прошлого труда, индивид должен быть лишь «органом совокупного рабочего, выполнять одну из его подфункций»¹⁹. Это проявляется и в материальном производстве, где рабочий является лишь придатком машины, и в сфере государственной жизни, где чиновник оказывается лишь персонификацией безликого закона. То же господство прошлого знания над живым представляет собой и научная теория. Это понятно: однозначно необходимая форма абстрактно-логического мышления возникает как обратная сторона индивидуальной свободы. Абстрактное — это как бы способ коммуникации между чуждыми друг другу индивидами, где оно играет роль «всеобщего эквивалента» (К. Маркс писал о логике как о деньгах духа).

Из этой двойственности проистекает парадокс рациональности буржуазной формации.

С одной стороны, здесь объективированные формы культуры впервые в полной мере являются продуктом индивидуального творчества. В добуржуазных формациях созидание считалось лишь более или менее точным воспроизведением общественных образцов (вспомним теорию подражания Платона). Но индивидуальное творчество совершается за пределами непосредственной социальности — в сфере всеобщего труда и свободного времени, где человек имеет индивидуальную свободу. С другой стороны, внешняя логика результата этого творчества должна быть отлита по образцу сферы непосредственной социальности — труда совместного. А логика творческого процесса лежит вне сферы непосредственной социальности, и поэтому рационально не осмысливается. (Внешняя логика мышления всегда воспроизводит тип обмена деятельностью). Логика процесса творчества противоречит логике результата: индивидуальный, субъективный процесс творчества должен быть воплощен

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 517.

в виде анонимного результата и безличной логики как бы самих по себе вещей, что отвечает тенденции устранения живого труда.

Строго объективная форма научной теории (которая является идеальным образом сферы совместного труда) оказывается мнимо объективной формой, отражающей не вещи «сами по себе», но реифицированные фрагменты деятельности²⁰.

Таким образом, рациональное мышление оказывается отражением лишь одного из «частичных» моментов деятельности. А именно: ее овещенных моментов.

«Частичная» деятельность, результат расщепления деятельности, характеризуется тем, что ее предпосылки формируются вне ее самой (в отличие от универсальной деятельности, в которой осуществляется самопорождение человека и которая сама формирует из себя субъекта, ее осуществляющего, и другие предпосылки). Так, сферой «приложения» рационального мышления является только сфера совместного труда — непосредственной социальности. Но сама сфера совместного труда не является источником собственной организованности, поскольку субъект тут не свободен по отношению к своей деятельности и является только механическим исполнителем. Источником рационализации совместного труда является внешняя для него сфера — сфера всеобщего труда, где человек свободен по отношению к своей деятельности и может делать ее предметом «своей воли и своего сознания». Субъект рационализации, а также смысл, назначение и метод последней складываются вне ее самой и выступают ее внешними предпосылками, несводимыми к внутренней логике самого рационального мышления.

Из всего этого следует специфика рационального мышления, которое складывается в Новое время. Это — «частичное» мышление «с линейной» логикой, однозначно направленной, по выражению В. С. Библера, «на другое»²¹. Строгая однозначность и непротиворечивость научной логики как раз связана с тем, что она должна организовывать «частичную» деятельность; «частичность» последней проявляется в том, что организация ее происходит не внутри нее, но задается извне. Поэтому знание, организующее эту деятельность, должно быть строго однозначным, алгоритмизированным и непротиворечивым: ведь оно адресовано механическому исполнителю.

Рациональность науки Нового времени являлась эталоном и нормой всей культуры. Она ориентировалась на отражение сущности самого объекта. Это в первую очередь объектное знание. Отсюда и установка на эмпирическую содержательность, достигаемую в ходе экспериментальной деятельности. И в то же время — это знание закономерного, причинно-следственные отношения исследуются на уровне всеобщего и необходимого. Такой характер и уровень достигнутого знания позволяют развешивать его аксио-

²⁰ См.: Косарева А. М. Предмет науки.

²¹ См.: Библиер В. С. Мышление как творчество. М., 1975.

матически и дедуктивно. Если говорить о структуре и содержании научно-познавательного образа, то в сознании методологов он представлял собой сущностное отражение самого объекта. Абсолютизация предметного аспекта в содержании познавательного образа, сведение процесса отражения только к воспроизведению объекта и означает, по существу, созерцательный подход к гносеологии. Максимальная приближенность к объекту, целевая ориентация науки на воспроизведение предмета в то же время обусловили возможность непосредственного использования такого рода знания в практической деятельности. Не случайно К. Маркс характеризовал крупную промышленность как реализацию естествознания, а Ф. Бэкон — родоначальник опытного естествознания — предвосхищал эту закономерность, назвав знание силой. Казалось бы, сугубо интеллигибельные сущности, поставляемые наукой, способны материализоваться, что и оценивалось К. Марксом как закономерное превращение науки в непосредственную производительную силу.

Объективистский тип рациональности (назовем его так) способен был рационализировать технологическую сторону практики преимущественно в сфере собственно материального производства. Такая рационализация практики могла способствовать возрастанию прибыли, но не являлась рационализацией человеческой жизнедеятельности, социальной практики. Представляется, что часто встречающийся критерий рациональности как претворение цели в результате кратчайшим путем как раз и применим к практической деятельности, взятой в ее технологическом аспекте.

С этого времени именно с наукой связывается процесс рационализации человеческой деятельности.

Когда подобного типа процесс рационализации переходит пределы сферы материального производства и распространяется на все остальные области человеческой жизнедеятельности, то в мировоззренческом плане мы сталкиваемся с прагматизмом, деячеством, вещиизмом. Это не значит, что объективистский тип рациональности не должен проникать никуда, кроме сферы материального производства. Научная рационализация всех видов человеческой жизнедеятельности (включая общение и быт) — процесс закономерный. Но она должна вестись с ориентацией на социально-личностный контекст как цель. Недооценка культурно-исторического и социально-личностного контекста становится просто невозможной, поскольку научная рационализация существенно меняет течение самих объективных процессов, о чем свидетельствуют, в первую очередь, так называемые глобальные проблемы современности. Абсолютизация объективистского типа рациональности приводит к тому, что «при таком подходе не остается ничего святого: наша Земля и сама природа рассматриваются как объект исследования, освоения и преобразования»²².

²² Гуле Д. Наука и техника на службе глобального общества // Импакт, 1985. № 2. С. 7.

На современном этапе продолжает доминировать эта же разновидность научного типа рациональности. Некоторые из отмеченных особенностей усиливаются и даже гипертрофируются в силу того, что наука не просто становится образцом для остальных элементов и форм культуры, а она пронизывает их. По оценке экспертов отличительные признаки современного этапа научной рационализации практики, идущей в традициях объективистского типа, выглядят следующим образом: «для людей Запада, привыкших научно подходить к фактам... «быть рациональным» означает рассматривать всякую реальность как вещь, которая может быть расчленена на составные части, проанализирована, вновь собрана и использована на практике»²³.

В эпоху НТР трудно отрицать ориентированность даже самых глубинных структур науки на материальное воплощение. Наука приобретает инструментальный, технизированный характер. Она материализуется не только в традиционные формы, но в первую очередь посредством ЭВМ, машин-автоматов, робототехники и пр.

Абсолютизируя внешние аспекты существования этой разновидности научной рациональности, позитивисты, например, склонны были выдавать эту разновидность рациональности за критерий научности вообще.

На современном этапе складываются предпосылки и дают о себе знать особенности новой разновидности научной рациональности, о которой можно говорить пока только очень схематично. Главная ее особенность заключается в принципиальной неустранимости субъекта из самого содержания науки. Этот факт констатируют представители самых строгих и точных наук — физики, биологии, лингвистики и др. Принципиальная неустранимость субъекта, причем не просто как агента производства, а во всей полноте его жизнедеятельности отражает объективно развертывающийся процесс гуманизации общественной жизни. Нельзя не отметить, что эта тенденция становится возможной при таких социальных условиях, когда субъект (человек) становится целью исторического процесса, а наука рассматривается как средство его жизнедеятельности.

Гуманитарная «нагруженность» критериев научной рациональности, их зависимость не только от практики материального производства, но и от культурно-исторических традиций, социальных структур в широком смысле слова, ярко проявляется, например, в неприменимости объективистского критерия научной рациональности, а значит и требований эффективности, оптимальности, выработанных в странах развитого капитала к развивающимся странам. Эти критерии принципиально не срабатывают: «...хотя техническая мысль Запада содействует развитию таких ценностей, как рациональность, эффективность..., «пересадка» западной технологии на иную почву (например, ее передача развивающимся странам) серье-

²³ Гуле Д. Наука и техника на службе глобального общества. С. 6.

езно угрожает другим ключевым ценностям или разрушает их»²⁴. Наука, техника и технология не могут выступать в своих только объективных параметрах. Отвлечение их от социально-ценностных, целевых ориентаций — абстракция неправомерная, искажающая существо этих процессов.

Обусловленность научно-познавательной деятельности не только в своих целях и результатах (как говорят, «на входе» и на «выходе» науки), а именно в глубинных структурах, в самом содержании научных знаний потребностями, интересами, если хотите, страстями субъекта — не подрывает ли это признание самой природы научной рациональности? Ведь как мы пытались показать, она в своих истоках и формировалась как средство максимального освобождения в знании от привнесений субъекта, в этом и заключалась польза и уникальность науки. И по сути дела развертывание видов научной рациональности шло по линии возрастания эффекта рациональности, что было отмечено неокантианцами как закон рационализации.

Дело в том, что гуманизация не исключает рационализации, она не отменяет объективных характеристик научного знания, его истинности. Гуманизация — это отличительная черта самой научной рациональности. Она была предвосхищена К. Марксом, когда он, выясняя реальную роль науки в жизни общества, высказывал мысль о том, что со временем науки о природе и науки о человеке сольются, и это будет одна, единая наука²⁵.

Философское осознание этой закономерности в современной литературе происходит по-разному. В рамках марксистской литературы ведутся исследования ценностного аспекта научно-познавательной деятельности, в самом содержании научного знания, в элементарном ее образовании — структуре научно-познавательного образа — выделяют оценочный аспект. И все-таки следует признать явно недостаточную разработанность данной проблематики в современной марксистской литературе. Именно поэтому в качестве самооценки все чаще высказываются суждения об известной абстрактности в разработке проблем гносеологии до конца 60-х гг.

Даже беглый анализ основных разновидностей научного типа рациональности демонстрирует их пестроту и многоликость. Сложность выделения чего-то общего в этом многообразии, поиск критериев научной рациональности приводят нередко к тому, что особенности какого-то конкретного вида выдают за общий критерий, тогда неизбежно каждый нижележащий (предыдущий) вид научной рациональности оценивается как не ставшая научной рациональность, а лишь как ее предпосылка. Так, перенося особенности современной разновидности науки на ее историю, становление науки датируют Новым временем.

²⁴ Гүле А. Наука и техника на службе глобального общества. С. 8.

²⁵ См. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.

Мы приходим к выводу, что природу рациональности, рациональных критериев какой-либо деятельности невозможно выяснить, если при этом оставаться и замыкаться рамками данного вида деятельности. Каждая сфера деятельности требует выработки своего специализированного критерия рациональности — критерия научности, художественности, философичности, религиозности и т. п. Отождествление рациональности с каким-либо специализированным критерием заводит поиск критериев рациональности в неизбежный тупик.

Является ли выходом поиск критериев рациональности не в сферах духовной деятельности, а скажем, в способах материального производства, т. е. в первичных для общественной жизнедеятельности структурах? Представляется, что нет. Социальная практика как способ материальной жизнедеятельности, так же, как и остальные виды деятельности, концентрирует в себе одномерный критерий, определяемый непосредственно производственно-технологическими и социально-технологическими структурами.

Искомый критерий должен выясняться с точки зрения общечеловеческих основ жизнедеятельности. Он должен отражать подлинно человеческие условия существования: рационально то, что осуществляется «с наименьшей затратой сил и при условиях наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей»²⁶.

Развитие рациональности человеческой деятельности в докоммунистических формациях осуществляется в негативной форме. Мышление и отдельные фрагменты деятельности приобретают точность и исчислимость за счет все большего расщепления деятельности и потери ею целостности. Ведь творчество культуры, то единственное, что достойно и адекватно человеческой природе, — это всегда процесс универсальной деятельности, осуществляемый человеком-личностью.

Рациональное мышление капиталистической формации охватывает «частичную» сферу практики, лишь сферу объективированных и отчужденных от человека форм культуры и сферу средств деятельности, но не целей. Сам же субъект — творец этих форм культуры — лежит вне этой логики, и потому оказывается по отношению к ним «иррациональным». Поэтому вопрос о сути, целях и происхождении разума не может быть здесь осмыслен рационально. Поэтому «жизнь», породившая разум, творчество в современной буржуазной философии считаются иррациональными. Иррациональная жизнь парадоксальным образом оказывается источником разума как формы своего отчуждения.

Негативные формы рациональной деятельности могут быть сняты лишь тогда, когда практика станет непосредственно рациональной.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. 2. С. 387.

Рациональность различных уровней общественного сознания

По видимости (и только по видимости) история рациональности совпадает с историей «чистого», специализированного сознания. В действительности рациональность — свойство всего общественного сознания и в специфической форме характеризует не только «чистое» сознание, но и сознание образованное и обыденное. В сущности рациональность общественного сознания заключается в его объективности и способности обеспечить человеку достижение его высших целей и идеалов.

Науку, искусство, нравственное сознание и т. д. одного общества или даже разных обществ одной формации объединяет единое мировоззрение, но есть и другие объединяющие их моменты. Понятие «чистого» или специализированного сознания как раз и позволяет сфокусировать внимание на тех свойствах отдельных видов общественного сознания, которые делают его одним целым сознанием на протяжении длительного исторического развития классового общества.

«Чистое» сознание — это то сознание, которое с определенной исторической эпохи становится «в состоянии эмансипироваться от мира и перейти к образованию «чистой» теории, теологии, философии, морали и т. д.»¹ Не только в «Немецкой идеологии», но и в последующих работах определение «чистый» используется К. Марксом и Ф. Энгельсом по отношению к теории и теоретикам преимущественно в негативном, ироничном смысле. Пользуется им и В. И. Ленин². Поэтому и мы это специализированное сознание называем также «чистым». Слово «чистый» здесь указывает на давнюю диспозицию умственного (чистого) и физического (грязного) труда.

Уже древнегреческие мыслители, рассуждая о занятиях, приличествующих благородным людям, приходили к выводу, что такой деятельностью может быть только мышление. Так, Аристотель, например, говорил, что «умозрение — самое приятное и самое лучшее»³. Притом ведь и мысль мысли рознь, рассуждал Стагирит. Ведь мыслить можно и низкий предмет, достойный ремесленника или раба, и приходил к выводу, что самое высокое занятие — мыслить о самом мышлении. Такой предмет занятия никогда не бросит тень на благородного человека⁴. Таким образом, с точки зрения

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 30.

² См., напр.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. 1. С. 4; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 371.

³ Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 1. С. 310.

⁴ См.: Там же. С. 316.

идеологов классового общества, сознание чистых философов, теологов, теоретиков было сознанием «высоким» в противовес сознанию масс — обывденному сознанию.

Понятно, что такая позиция древнегреческих философов была подготовлена объективными изменениями в обществе, важнейшими из которых было появление классов, государства, отделение умственного труда от физического и господство первого над вторым. Появление обособленного умственного труда было важнейшим завоеванием человеческого прогресса — наряду с материальным производством (а точнее, над ним) возникает духовное производство, которое постепенно усложняется, приобретает черты специализации и профессионализации, вырабатывает нормы, легализующие эту деятельность, обрастает специальными институтами, формами воспроизводства, средствами, орудиями, методами и т. д.

Первыми историческими формами «чистого» сознания были античное сознание и средневековое, свойственные теоретикам, идеологам традиционных обществ, существующих на основе ручного труда. Здесь возникают и само внимание к сознанию субъектов умственной деятельности, и попытки свести: 1) чувственное многообразие к определенному интеллектуальному содержанию: понятиям, принципам, сущностям⁵; 2) предметные связи в мире к логическим; 3) общественные отношения человека к правовым, религиозным, нравственным нормам и ценностям; 4) виды человеческой деятельности (ремесло, ораторская, военная, педагогическая деятельность, поэзия, архитектура и т. д.) к сумме правил. Нельзя, конечно, сводить рациональность к логичности, как это делает Н. С. Мудрагей⁶, ибо на логику мало похожат риторика, стилистика, поэтика, своды юридических законов и тем более богослужебные книги, снабженные порой изощренным богословским комментарием. Однако трудно не заметить, что сознательный поиск, а затем и использование норм деятельности сознания⁷ как своеобразных инструментов познания и освоения мира и составляют фундамент рациональности «чистого» сознания.

Социальной основой осознанной нормативности «чистого» сознания является предметная человеческая деятельность, практика. В «Философских тетрадах» В. И. Ленин писал, что «практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики»⁸. Продолжая мысль В. И. Ленина, можно

⁵ Эта программа в истории западноевропейской мысли оказывается самой репрезентативной и устойчивой. См., напр.: Сеземан В. Рациональное и иррациональное в системе философии // *Логос*. Кн. 1. М., 1911. С. 100—101, 103—104; Джемс У. Вселенная с плюралистической точки зрения. М., 1911. С. 120.

⁶ См.: Мудрагей Н. С. Проблема рационального и иррационального: античность, средневековье // *Вопр. философии*. 1982. № 9. С. 108.

⁷ Нормативность как ведущий элемент рациональности в широком культурно-историческом контексте рассмотрена в работе: Кизима В. В. Культурно-исторический процесс и проблема рациональности. Киев, 1985. С. 19, 31, 51, 64.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 198.

сказать, что практика закрепляется в сознании не только в качестве фигур логики, а вообще в виде норм, правил, законов деятельности человеческого сознания. У всех людей эти нормы закрепляются стихийно, незаметно для них самих, у теоретиков — сознательно. Теоретики, идеологи не только изучают нормы деятельности сознания как особый предмет, но и активно их используют как особые искусственные орудия человеческой деятельности. Постепенно с развитием общественного производства меняется характер человеческой деятельности и вместе с тем совершенствуются нормы работы сознания, заменяются другими, более эффективными. Носители «чистого» сознания много усилий затрачивают специально на прогресс орудий идеальной деятельности и нередко способны в этой области обогнать свою эпоху.

Другая историческая форма рациональности возникает в Новое время. Капитализм, с его массовым машинным производством и массовым потреблением, обуславливает возникновение доселе невиданной системы всеобщей эксплуатации природных и человеческих свойств. Круто изменяя характер человеческой деятельности, капитализм властно вмешивается в господствующее мировоззрение людей, заставляя природу рассматривать «всего лишь предметом для человека, всего лишь полезной вещью», а человека как носителя познавательной способности, которая «выступает лишь как хитрость», имеющая ценность постольку, поскольку способна подчинить природу человеческим потребностям⁹.

Нормы деятельности «высокого» сознания обогащаются за счет формирования парадигм практического мышления в его различных модификациях: естественнонаучного, экономического, политического, утилитарного, т. е. такого, в котором традиционные ценности отходят на задний план и перестают играть ведущую роль в общественной жизни.

Становление машинного производства, а вместе с ним и науки, ориентированной на поиск утилитарных свойств природы, породило спрос на новую рациональность «чистого» сознания. Важнейшим признаком этой рациональности являлся так называемый **объективный** взгляд на мир, т. е. такое отображение окружающей действительности, в котором из поля зрения исчезают человеческие предпочтения, привязанности, желания, прихоти и страсти, т. е. огромный мир эмоциональной и волевой сфер сознания человека. Точно схватывает суть новой установки «чистого» сознания Л. Ольшки, когда он пишет, что «эмоциональное и интеллектуальное воззрения на природу взаимно исключают друг друга, когда возникает тот род исследования, при котором субъект исключается и воцаряется одна лишь объективность»¹⁰.

⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1. С. 387.

¹⁰ Ольшки Л. История научной литературы на новых языках. М.; Л., 1933. Т. 1. Примеч. на с. 11; см. также: Агасси Дж. Наука в движении // Структура и развитие науки. М., 1978. С. 123—124.

Итак, нормы «чистого» сознания исторически изменчивы, в них выражается исторический опыт человечества, накопленный в ходе преобразования окружающего мира. И если понимать процесс осознания действительности не как созерцательный акт, не как натуралистическое копирование, то нормы «чистого» сознания окажутся законным продуктом творческой активности человечества.

Кто-то может заметить, что встречаются художники, которые создают художественные произведения по наитию, и могут быть ученые, придумывающие идеи без всяких правил. Не опровергают ли подобные случаи того, что мы сказали о «чистом» сознании? Эмпирически отдельный ученый или художник могут не осознавать потребности в нормах научного или художественного творчества, но это не умаляет важности свойства правильности «высокого» сознания. В бессознательности творчества заключена слабость творца, а в отсутствии твердо установленных принципов того или иного вида «чистого» идеального производства проглядывает несовершенное состояние науки или искусства, как справедливо отмечал Э. Гуссерль¹¹.

Нормативность «чистого» сознания есть следствие его **рефлексивности**, следствие того, что теоретики, идеологи с некоторых пор смогли работать со своим собственным сознанием как с внешним предметом. В истории западноевропейской мысли это случилось благодаря Сократу, который открыл новую область философского исследования — субъективную реальность. В. Виндельбанд в речи о Сократе говорил, что «чем больше углубляется личность в свое размышление, тем сильнее чувствует она себя подчиненной закону разума, властвующему над всеми, и тем охотнее признает она, в силу полноты своей собственной власти, содержащийся в ней самой авторитет разума»¹².

Благодаря особой разработке найденных законов формообразования мысли, чувства и словесного материала, в котором они опредмечиваются автором, профессионально производимое сознание делается рефлексивным сознанием, т. е. сознанием, принимающим в расчет самого себя, работающим над самим собой. В советской литературе мы находим материал о философской¹³, научной¹⁴, нравственной¹⁵, художественной¹⁶ рефлексии.

¹¹ См.: Гуссерль Э. Логические исследования. Ч. 1. СПб, 1909. С. 6—7.

¹² Виндельбанд В. Прелюдии: Философские статьи и речи. СПб, 1904. С. 61.

¹³ См., напр.: Юдин Э. Г. Отношение философии и науки как методологическая проблема // Философия в современном мире: Философия и наука. М., 1972. С. 172—173.

¹⁴ См., напр.: Методологические проблемы современной науки / Ред. В. С. Молодцов, А. Я. Ильин, А. М. Коршунов. М., 1970. С. 334; Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. М., 1978. С. 7—9.

¹⁵ См., напр.: Дробницкий О. Г. Проблемы нравственности. М., 1977. С. 63, 64.

¹⁶ См., напр.: Лифшиц М. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М., 1984. С. 26—29.

Что такое рефлексия? Рефлексия — это осознанная умственная работа, работа теоретика, мыслителя, действующего со знанием дела (дела теории). В индивидуальном развитии ребенок способен подняться до состояния рефлексии через овладение языком, который учит его освобождаться от своей погруженности во внешний мир. Как полагал Гегель, язык помогает постигать не только вещи как всеобщие, но и себя осознавать как всеобщность¹⁷. Рефлексивность сознания в общественно-историческом плане рождается как следствие обособленности его носителей, занятых исключительно умственной деятельностью. Древнегреческие философы первыми испытали процесс отчуждения и первыми потеряли наивность и непосредственность, они же первыми осознали свое новое положение и страстно стремились вернуться к непосредственной жизни простых людей, хотя это было так же невозможно, как было невозможно Одиссею, слушающему сирен, сравняться с гребцами, чьи уши были залеплены воском.

Рефлексия в психологическом плане есть не что иное как подчинение чувственной сферы (не только сенсорики, но и эмоций, желаний) контролю разума, самосознания. При этом темные страсти и смутные желания делаются предметом рассудочного созерцания. Рефлектирующее сознание тем самым становится сильнее и выше, гармоничней и устойчивее, чем то сознание, в котором безумные аффекты и прихоти — полновластные хозяева. В нравственном аспекте господство разума над чувственностью всегда считалось признаком благородного и сильного характера. Хотя, с другой стороны, подавление всякого чувства таит в себе пороки бездушного лицемерия и холодной расчетливости. С точки зрения наивного обыденного сознания, обязательное первенство рассудочности над чувственностью представляется неискренним и проигрывает в глазах простого человека. И не только простого: яркую критику утери естественности и искренности «ученым» сознанием дал А. Н. Толстой. Так, в трактате «Что такое искусство?» он писал: «А как только искусство стало профессией, то значительно ослабилось и отчасти уничтожилось главное и драгоценнейшее свойство искусства — его искренность. Профессиональный художник живет своим искусством, и поэтому ему надо не переставая выдумывать предметы своих произведений, и он выдумывает их»¹⁸.

Размышляя по поводу этих суровых обвинений, мы вместе с тем хотим подчеркнуть, что появление рефлексии «чистого» сознания исторически оправдано. Это прежде всего хорошо видно на примере философской рефлексии. Профессиональная философия во многом есть ответ специализированного сознания на потребность общества в осмыслении сдвигов в общественной практике, в смене деятельности, а значит и в назревающих изменениях способов общественного мышления. В критике господствующего типа мыш-

¹⁷ См.: Гегель. Философия духа. М., 1977. С. 33.

¹⁸ Толстой А. Н. Собрание сочинений: В 22 т. Т. 15. М., 1983. С. 138.

ления и заключается одна из важнейших общественных функций философии¹⁹. Сходные задачи постепенно вырастают и перед наукой, стремящейся найти свой самостоятельный путь теоретического осмысления действительности. Постепенно развитие науки приходит к необходимости теоретического самоанализа, так возникает внутринаучная рефлексия. Внутринаучная рефлексия вместе с историческим движением научного познания проходит, на взгляд Э. Г. Юдина, три этапа: онтологический (характеризующий классический период науки), гносеологический (начинающийся со второй половины XIX в.) и методологический (развивающийся на современном этапе науки)²⁰.

Признавая рефлексивность профессионального искусства, мы выделим ее роль прежде всего в самом художественном произведении. Когда герой драмы не просто страдает или любит, но делает свои переживания предметом наблюдения, рассуждает о них, то он, несомненно, демонстрирует не только величие своей души, силу своего характера, но и рефлексию художника, создающего подобные благородные персонажи. Даже лирика, материал для которой поэт обнаруживает в самом себе, невозможна без внимательного, строгого и взыскательного взгляда художника на себя, как на что-то внешнее, как на сырой материал, из которого поэт затем создаст художественный предмет. Поэт способен схватить индивидуальность и богатство своих внутренних переживаний, что сделать далеко не просто, не обладая развитой способностью к самонаблюдению²¹. В силу этого искусство не может быть искренним в духе Л. Н. Толстого, т. е. быть делом чистой эмоциональности и вообще чувственности.

Художник отбирает не только материал, но и художественные средства, вследствие чего в законченном произведении предстает не только изображение действительности, но и образ автора²².

Рефлексивность, а следовательно, и нормативная правильность «чистого» сознания, помимо всех прочих обязательств, обязаны его авторскому характеру. Сущность субъекта «чистого» сознания заключается в способности существовать и действовать в гуще идеального производства. Профессиональным поэтом, писателем, художником, музыкантом, философом, ученым может стать лишь тот, кто сможет жить полнокровной жизнью в идеальном мире сознания, т. е. думать над мыслью, радоваться ей, желать ее и в этом видеть всю полноту своего существования. Демокрит, например, «предпочел бы нахождение одного научного объяснения сану персидского царя»²³.

¹⁹ См.: Философско-психологические проблемы развития образования / Ред. В. В. Давыдов. М., 1981. С. 19–20.

²⁰ См.: Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. С. 7–9.

²¹ См., напр.: Бергсон А. Собрание сочинений. Т. 5. СПб, 1914. С. 180.

²² См., Рождественский Ю. В. Введение в общую филологию. М., 1979. С. 152, 154.

²³ Лурье С. Я. Демокрит: Тексты. Перевод. Исследования. Л., 1970. С. 198.

Авторский характер творчества с момента возникновения «чистого» сознания и вплоть до наших дней остается неординарным явлением, высокой сферой, окруженной со всех сторон морем рутинной деятельности, освещенной мерцающим светом анонимной продуктивности трудящихся масс. Прежде чем занять свое законное место в этой «башне из слоновой кости» индивид должен обязательно побывать в сфере **образованного** сознания, пройти школу (в широком смысле этого слова), способную развить в нем способность к рефлексии, чувство свободы и личной инициативы, задать нормы деятельности его сознания, привить вкус к работе со словом (вообще со знаком), короче говоря, преобразовать всего человека.

Образованное сознание — сознание таких социальных и профессиональных групп, которые, хотя и заняты специализированным идеальным производством, но находятся как бы на его периферии, выполняя функцию коммуникационного канала, посредничества между «чистым» и обыденным сознанием. Активность образованного сознания в современном обществе обусловлена развитыми институтами массовой коммуникации, включающими в себя все институты письменной и печатной речи и средства массовой информации. Именно такими институтами пользуются в своей деятельности педагог, пропагандист, организатор производства, эксперт, журналист, библиотекарь, музейный работник, администратор и т. д.

Сфера образованного сознания — это сфера сознательного (а не стихийного, природного, естественного) воспроизводства человека как социального существа. В пользу этого соображения говорит и разделение общественного производства, вырастающее из различий в предмете труда. В этом смысле производство разделяется, во-первых, на материальное и духовное, потому что предметом труда в одном случае оказывается вещь, а в другом — идея. Но, во-вторых, и материальное, и духовное производство внутри себя разделяются еще раз. Дело в том, что и в том и другом производстве предметом труда, кроме вещи и идеи, может быть и человек: в материальном производстве как вещь (сфера материальных услуг), в духовном как личность со всем богатством его внутреннего духовного мира (сфера идеальных услуг). В этом внутреннем делении наше внимание привлекает сфера идеальных услуг, направленная непосредственно на личностные качества человека как на непосредственный предмет деятельности. При этом задача сферы образованного сознания по отношению к своему предмету заключается в коммуникационном воздействии на личность человека в целях его развития (впрочем, в антагонистическом обществе эта цель может сознательно не ставиться, а достигаться случайным образом). В этом и заключается суть образовательной деятельности, которая и составляет, на наш взгляд, важнейшую форму духовного производства. В советской философской литературе выделяется образовательная деятельность наряду с другими видами деятельно-

сти²⁴. В прошлом веке этот термин использовал известный теоретик педагог П. Ф. Каптерев²⁵. «Образовательный процесс, — писал он, — есть не что иное, как формирование и усовершенствование личности»²⁶.

В дивергенции специализированного духовного производства на «чистую» и образовательную сферы решающую роль сыграли, как мы уже говорили, предмет и направленность деятельности. В «чистой» сфере предметом выступает идея, она же остается самодеятельной как цель деятельности, в образовательной сфере идея перемещается на служебное положение, она подчиняется законам общения образованного специалиста с тем, кого он образует своей деятельностью. Цель совершенствования личностных качеств образуемого становится конституирующим моментом образовательной деятельности. Именно поэтому мистику цифр пифагорейской секты древнегреческая общеобразовательная школа превращает в доступную юному поколению учебную дисциплину — геометрию²⁷. По тем же причинам для нужд той же древнегреческой общеобразовательной школы адаптировался текст гомеровского эпоса. Поэтому же с первых шагов профессиональной медицины появляется и знаменитое требование «не вреди». В книге «Беседы о журналистике» В. В. Ученова пишет: «Так же твердо, как в медицине, действует в нашей журналистике профессиональная этическая заповедь «не навреди!». Лучше поступиться и затраченным временем, и авторским честолюбием, и даже служебным выговором, грозящим за неоперативность, чем вынести на публичное обозрение какие-то моменты, которые могут духовно травмировать человека»²⁸. Таким образом, рациональность образованного сознания прежде всего заключается в его гуманитарной направленности, в **духовном** характере, образовательного процесса, а не в **идеальной** деятельности, как это имеет место в «чистом» сознании.

Профессиональная активность образованного работника разворачивается как непосредственно личностное общение с субъектами других видов деятельности, здесь межпрофессиональное общение превалирует над общением внутривидовым: ученый — учитель — ученик, художник — экскурсовод — зритель, идеолог — журналист — читатель, богослов — священник — мирянин, правоведа — юрист — истец (ответчик) и т. д. Из характера приведенных нами триад хорошо видно, что на работника образовательной сферы ложится посредническая миссия. Так, например, директор

²⁴ См.: Ципко А. С. Образ жизни как социальная категория: Историческая сущность и основные черты социалистического образа жизни // Советский образ жизни: Сегодня и завтра. М., 1976. С. 26.

²⁵ См.: Каптерев П. Ф. Избранные педагогические сочинения. М., 1982. С. 306.

²⁶ Там же. С. 414.

²⁷ См.: Жураковский Г. Е. Очерки по истории античной педагогики. М., 1963. С. 66.

²⁸ Ученова В. В. Беседы о журналистике. 2-е изд. М., 1985. С. 168.

музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина И. А. Антонова говорит: «Музейный работник — это особый тип специалиста, он похож и на педагога, и на художника, и... на врача. Холодные, равнодушные сердца тут невозможны, они просто не приживаются. И именно на музейных сотрудниках лежит ответственная миссия — быть посредником между художественным произведением и зрителем»²⁹. «Знакомство с коллекциями под руководством специалиста, владеющего методикой эстетического обучения массовой аудитории, — пишет Т. Гаврюсева, — важнейший способ достижения воспитательно-образовательных целей музея. Показывая публике произведения искусства, экскурсовод дает не только необходимые сведения о них, но также развернутое оценочное суждение, опирающееся на научную основу и обладающее поэтому высокой степенью истинности. Он демонстрирует публике своего рода эталон высокой зрительской культуры, на который может ориентироваться аудитория»³⁰.

Отсюда, во-первых, в силу того, что образованному специалисту свойственна такая форма самореализации, в которой важен сам акт деятельности, рождается огромный запрос на его личностные свойства. Профессиональная деятельность педагога, врача, администратора, священника, политического деятеля, музейного работника протекает как глубоко личностный процесс. Особенно часто в литературе звучит требование индивидуализации работы учителя. Решающая роль личности учителя всегда подчеркивалась отечественной и советской педагогикой³¹.

Во-вторых, у специалиста образовательной деятельности предполагается развитая способность к личностному общению, общительность (синтонность) и, конечно, профессиональное владение средствами общения, использование различных функциональных стилей языка. Так врач должен владеть терминологией ученой медицинской литературы, он же обязан использовать жаргон профессионального общения перед лицом непосвященного (врачебная тайна). Опытный врач умеет лечить словом и, следовательно, знаком с искусством красноречия. Наконец, он же из жалоб больного, выраженных обычным разговорным просторечием, способен выносить представление об объективных симптомах заболевания. Действуя как профессионал общения, образованный интеллигент должен «умереть» в партнере, как, согласно Станиславскому, должен «умереть» в актере режиссер.

Подчеркнем различие языковых стилей, с которыми приходится иметь дело образованному специалисту. Существует три особых сферы носителей «чистого», образованного и обыденного сознания, а следовательно, и три функциональных стиля языка: специальный,

²⁹ Правда. 1986. 9 февр.

³⁰ Гаврюсева Т. Музей и публика // Художник и публика / Ред. Э. В. Лентьева. Л., 1981. С. 125.

³¹ См., напр.: Крупская Н. К. Педагогические сочинения. В 6 т. Т. 1. М., 1978. С. 156.

литературный и разговорно-бытовой. Эта связь между сферами общения и стилями языка отмечается многими современными исследователями³², а обнаружил ее еще М. В. Ломоносов, предложив идею о трех «штилях»: «высоком», «посредственном» и «низком»³³. У М. В. Ломоносова хорошо заметна и посредническая природа «посредственного штиля», ибо последний включает в себя слова и «высокой» и «низкой» речи. Между тем современные авторы нередко опускают это связующее звено и исследуют связь разговорно-бытового (естественного) и специального (научного) языка как связь прямую и непосредственную³⁴.

Образованное сознание не односторонне интеллектуально, как, скажем, «чистое» сознание, а представляет собой гармонию развитых умственных, эмоциональных и волевых способностей. Это качество всесторонности есть следствие характера образовательной деятельности. Каждому образованному специалисту профессионально необходимы не только интеллект («голова»), но и «сердце», т. е. богатый мир эмоциональных переживаний. Выступая перед слушателями и преподавателями Военно-политической Академии в 1940 г. М. И. Калинин напомнил присутствующим о необходимости эмоционального воздействия на молодое поколение, «для внедрения идей коммунизма требуется страсть», — говорил он³⁵. В другом своем выступлении на собрании слушателей и преподавателей Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) в 1945 г. М. И. Калинин подчеркнул, что лекции по марксизму-ленинизму кроме научности и революционности должны быть еще «расцвечены самыми красивыми цветами, какими человек только может их расцветить»³⁶. Разумеется, страсть лектора, учителя, врача, адвоката не может выступать помощником в выполнении профессиональных обязанностей лишь в своем первозданном, стихийном виде, она предварительно должна быть развита до культурной нормы человеческой эмоциональности.

Нередко в образовательной деятельности школы, средств массовой информации и других институтов советского общества, занятых производством человека как социального существа, специалисты ориентируются не на чувства образуемых — этот элемент сознания считается второстепенным или образовательные учреждения не располагают материальными средствами воздействия на чувственные переживания людей. В качестве главного начала в человеке принимается интеллектуальная сфера. Этой сфере предлагается

³² См., напр.: Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977. С. 73—74.

³³ См.: Ломоносов М. В. Сочинения. М., 1957. С. 238; Современная оценка этого учения дана, напр., в кн.: Головин Б. Н. Основы культуры речи. М., 1980. С. 255—258.

³⁴ См., напр.: Ракитов А. И. Анатомия научного знания. М., 1969. С. 87—88.

³⁵ Калинин М. И. О воспитании и обучении. М., 1957. С. 69.

³⁶ Там же. С. 135—136.

определенный объем научного знания, а остальные стороны сознания образуемого предоставляются воле случая. Здесь мы встречаемся с явным непониманием специфики рациональности образованного сознания.

В повседневной жизни у многих людей холодная, обезличенная, нейтральная истина науки отступает перед «превосходящими силами» новейших образцов моды, «железных» аргументов расхожего мнения, перед привлекательностью сокровенных верований, освященных временем обычаев. Во всех этих вненаучных формах знания и оценок нередко низкое содержание окрашено ярким положительным эмоциональным фоном, что порождает ситуацию двусмысленности вокруг определенных культурных явлений: нежелательных бытовых привычек, отрицательных норм поведения, символов чуждой нам идеологии.

В сфере образованного сознания всякое подлинно культурное явление обязательно должно выступать как высокое всем своим целостным обликом (а не только своей интеллектуальной сутью). Оно должно быть доступно прежде всего чувствам, т. е. быть ярким, красивым, веселым, привычным, традиционным, добрым, звучным, приятным и т. д. В свою очередь низкое культурное явление, попадающее в поле зрения образованного сознания, не должно в его глазах быть обманчиво двузначно: плохим в сути и хорошим в видимости, некрасивым в содержании и привлекательным по форме, что мы нередко обнаруживаем как нежелательные факты в работе школы, медицинских учреждений, газет, радио, телевидения и т. д.

То, что мы сказали в отношении эмоционального фактора в образовательной деятельности и в образованном сознании, можно утверждать и о воле, и об интеллекте, т. е. образованное сознание должно быть окультуренным всесторонне. Здесь есть еще та особенность, что, во-первых, все свои культурные качества образованное сознание развивает не порознь, а вместе, не превращает совершенствование какой-либо стороны сознания в самоцель. Во-вторых, все стороны и свойства образованного сознания проявляются не на материале «чистой» идеи, а в общении с другим «Я», в процессе личностного контакта «Я» и «Ты». Так, например, В. И. Ленин в письме к А. В. Луначарскому писал: «Личное воздействие и выступление на собраниях в политике страшно много значит. Без них нет политической деятельности, и даже само писанье становится менее политическим»³⁷.

В силу этой особенности учитель, например, не только должен уметь мыслить, чувствовать, желать в единстве со своим учеником, но и действовать с ним как единое целое. В поучительной автобиографии М. К. Ганди, в частности, размышляет о роли страдания учителя за проступок ученика. «Цель моя, — пишет М. К. Ганди, — заключается не в том, чтобы показать..., что долг учителя — при-

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 54.

бегнуть к посту тогда, когда ученики совершают проступки. Я считаю, однако, что в некоторых случаях требуется именно такое сильно действующее лекарство. Но оно предполагает пронизательность и силу духа у учителя. Там, где нет подлинной любви между учителем и учеником, где проступок ученика не задевает учителя за живое, а ученик не уважает учителя, никакой пост не поможет. Таким образом, если можно сомневаться, что соблюдение поста в подобных случаях правильно, несомненно то, что ответственность за ошибки учеников целиком ложится на учителя»³⁸.

На **всем** содержании образованного сознания (а не только на интеллектуальном элементе как у «чистого» теоретика) проступает печать **нормативности**. Широкий круг образованного сознания включает в себя множество норм, образцов и правил: грамотности, общения, языковой культуры, физического и нравственного совершенства, здорового образа жизни, оценок общественных явлений, трудовой и политической деятельности, мировоззренческих ориентиров и т. д. Гётевский Мефистофель в ответ на реплику Фауста говорит: «Я не всеведущ, я лишь искушен»³⁹. Искушенность во всем многообразии мира культуры, искушенность, доведенная до чувства меры — вот состояние образованного человека. Образованный специалист имеет тот минимум знаний, навыков, привычек, потребностей, способностей, душевный склад и образ жизни, который делает индивида адекватным целому обществу. В этом заключается универсальность, полнота развития личности образованного интеллигента, рациональность его сознания.

В силу разных обстоятельств: разделения труда, социального положения, возрастных уровней и уровней образованности сохраняется сегодня **обыденное сознание**, т. е. сознание людей, стихийно развивающих свои представления, оценки, мировоззрение, мысли, чувства, желания⁴⁰. Для некоторых групп людей деятельность по созданию и преобразованию знаков, текстов, сознания становится, в силу общественного разделения труда в классовом обществе, целью. Для других социальных общностей идеальная деятельность является всего лишь средством, с помощью которого ими осуществляется деятельность материальная. Здесь, как и в начале человеческой истории, «производство идей, представлений, сознания... непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни»⁴¹. Таким образом, единое сознание первобытного общества раздваивается на сознание, создаваемое профессионалами духовного производства, и сознание масс, отчужденных от идеологических институтов, институтов производства идей и людей как социальных существ.

³⁸ Ганди М. К. Моя жизнь. М., 1969. С. 305—306.

³⁹ Гете И. В. Фауст // БВА. Сер. 1. Т. 50. М., 1969. С. 84.

⁴⁰ Сафронов Б. В., Дорогова А. Н. Мир человека. М., 1975. С. 42.

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 24.

Поскольку в силу социальных причин носители обыденного сознания не могут надолго оторваться от внешней предметной деятельности, оно остается неискушенным, наивным сознанием, не знающим о себе и о ценности своего субъективного мира. Оно видит мир, но не знает, что кроме мира есть еще и картина мира. Поэтому перед субъектом обыденного сознания не может возникнуть никаких теоретических проблем.

Носители обыденного сознания, не являясь субъектами теоретической деятельности, не отлучены тем не менее от рациональной деятельности, так как они оказываются субъектами деятельности предметной, **практической**. Действуя в практической ситуации, они вынуждены решать возникающие проблемы, и решать их рационально. В принципе это могут быть любые проблемы: производственные, педагогические, врачебные, военные и т. д. Например, известный журналист В. М. Песков однажды рассказал читателям любопытную историю о том, как современные сельские жители построили на небольшой реке мельницу. «Профессором» этого строительства оказался местный пастух⁴². Интересное замечание о том, где искать сегодня проявления народного творчества, делает Б. Брехт. «Мы совершаем ошибку, — сожалеет он, — присматриваясь в поисках народного искусства лишь к признанным искусствам, к живописи, музыке, танцам и т. д. Тут-то как раз все народное уничтожено именно этими искусствами. Вместо этого нам следовало бы больше присматриваться к таким искусствам, как столярное, кузнечное, театральное-портновское и т. д. — искусствам, которые из-за недостаточного внимания к ним гибнут на наших глазах»⁴³.

К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин видели в практике, в житейской истории, в производстве материальных благ, в революционном преобразовании общества обыденную историю категорий и, исходя из первичности бытия, они справедливо полагали, что обыденное сознание прежде всякого другого фиксирует новации жизни. Принципиальное преимущество обыденного сознания заключается в том, что оно без всякого видимого усилия непосредственно и естественно слито с жизнью, которую оно чувствует, осязает, переживает, понимает «нутром». Поэтому классики марксизма внимательно образом следили за настроением, за зрелостью масс, пытались по малейшим приметам угадать изменение реакции пролетариата на политическую, экономическую или какую-нибудь другую жизненную ситуацию. Классики видят, что истина оказывается полной, если выводы теоретического сознания (кабинетные, книжные истины) соединяются с идеями субъектов практического действия (с истиной дела)⁴⁴. Классики марксизма полагали, что наука (теория) в социалистическом обществе не должна оставать-

⁴² См.: Песков В. М. Ночлег на мельнице // Комс. правда. 1976. 1. сент.

⁴³ Брехт Б. О литературе. М., 1977. С. 396.

⁴⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 118, 119.

ся «мертвой буквой или модной фразой (а это, нечего греха таить, у нас особенно часто бывает), чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом»⁴⁵.

Обыденное сознание (сознание масс, народное сознание) нередко оценивается как низкое сознание. Базой для сравнения здесь обычно становится «чистое», «высокое» сознание, сознание профессиональных идеологов, художников, философов, теоретиков. Хлесткие характеристики в адрес обыденного сознания мы можем встретить и в советской философской литературе⁴⁶. При этом некоторые авторы, отождествляя науку с познанием вообще, хотят лишить обыденное сознание всякой познавательной ценности⁴⁷.

Черты обыденного сознания, делающие его «низким» в глазах «чистых» теоретиков, в сущности сводятся к тому, что оно:

1) неотделимо от трудового процесса и быта трудящихся масс, оно **синкретично в социальном плане**;

2) оно не знает обособленного развития отдельных элементов сознания (интеллекта, эмоций или воли), т. е. оно **синкретично в психологическом отношении**;

3) обыденное сознание носит характер **природно-наивного** сознания. Это сознание не ведает правил, по которым оно действует;

4) наконец, обыденное сознание проявляется в **стихийно-анонимной** форме, в форме коллективной деятельности, где сама традиция народного творчества, мировоззренческие устои оказываются гораздо важнее их индивидуальной, авторской интерпретации и переосмысления.

Продуктивность народного сознания на самом деле несет в себе черты глубокого своеобразия. Прежде всего это продуктивность целого, массы, коллектива как единого субъекта творчества. Характерно в этом отношении замечание М. В. Исаковского о фольклоре. «Фольклор никогда не создается сразу, т. е. никогда не создается как бы преднамеренно. Когда человек впервые сказал: «Знает кошка, чье сало съела», то это еще не было фольклором, не было пословицей. Пословицей, фольклором это выражение стало лишь после того, как его повторили тысячи других людей, после того, как оно вошло в сознание людей, стало жить в нем, действовать»⁴⁸. Продукт народного творчества не принадлежит одному человеку, его хозяева все, хотя непосредственно он может быть создан вполне конкретным лицом. В этом смысле народное творчество **надындивидуально, анонимно**⁴⁹.

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. С. 45. С. 391.

⁴⁶ См. об этом: Пукшанский Б. Я. Обыденное и научное познание, их диалектическое взаимодействие // Диалектика познания: Компоненты, аспекты, уровни / Ред. М. С. Козлова. А., 1983. С. 74.

⁴⁷ См.: Там же. С. 72.

⁴⁸ Исаковский М. В. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 4. М., 1982. С. 64.

⁴⁹ См., напр.: Некрасова М. А. Народное искусство как часть культуры: Теория и практика. М., 1983. С. 63–64, 287–293, 298.

Советские исследователи народной культуры выделяют в ней многочисленные структурные элементы, среди которых наиболее изученным блоком считается художественная культура⁵⁰. Народное искусство является признанной частью культуры. Доказывать, что художественная культура народа имеет отношение к красоте, а нравственные чувства к добру, имеет мало смысла, ибо это сегодня очевидно. Мы остановимся тут только на одном моменте: на способности обыденного сознания развивать в практической жизни идеи, имеющие глубокое влияние на «высокое» научное знание. Тем самым мы попытаемся сделать еще более прочной мысль о том, что обыденное сознание имеет определенное отношение не только к красоте и добру, но и к истине. Вместе с тем возможно, что в саму проблему рациональности обыденного сознания будет внесена хоть небольшая толика искомого решения.

Подобно тому, как среди народной культуры выделяются ее художественные и нравственные элементы, можно говорить и о существовании «народной науки» — того народного опыта, того первого взноса в человеческую сокровищницу знания, благодаря которому потом становится возможным быстрый рост капитала науки. «Всякая наука, — писал А. А. Потебня, — коренится в наблюдениях и мыслях, свойственных обыденной жизни; дальнейшее ее развитие есть только ряд преобразований, вызываемых первоначальными данными, по мере того как замечаются в них несообразности»⁵¹. Точка зрения А. А. Потебни перекликается с позицией А. Эйнштейна, который утверждал, что «вся наука есть не более чем усовершенствование повседневного мышления»⁵².

Конечно, с высоты современного уровня научного знания заслуги «народной науки» кажутся незначительными, но ведь не случайно любое серьезное теоретическое исследование начинается с расчленения обыденного и научного употребления терминов. Их близость говорит о том, что связь народного знания со знанием профессиональных ученых остается до сих пор живым взаимообогащающим союзом. Несмотря на большие усилия теоретиков часть научной терминологии продолжает оставаться синонимами слов обыденной речи⁵³, хотя общая тенденция заключается в расхождении бытовой и научной лексики, в их семантической дифференциации.

Роль народного опыта в развитии различных видов научного знания велика. Так, известные советские историки Б. Д. Греков и Б. А. Рыбаков рассматривают эпические сказания как первую

⁵⁰ См., напр.: Цукерман В. С. Народная культура как социальное явление: Автореф. дисс... д-ра филос. наук. Свердловск, 1984. С. 19; Коган А. Н. К вопросу о роли народных масс в развитии духовного производства//Духовное производство и народная культура. Свердловск, 1988. С. 10–11.

⁵¹ Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 62.

⁵² Цит. по: Холтон Дж. Тематический анализ науки. М., 1981. С. 123.

⁵³ См., напр.: Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969. С. 14; Эльконин Д. Б. Психология игры. М., 1978. С. 14.

форму исторического повествования⁵⁴. Современная медицина и сегодня питается соками народной медицины, которая появилась задолго до профессионально обособленной и тем более до научной. «Ценность народной медицины заключается в накоплении наблюдений, которые могут служить материалом для науки», — утверждает историк медицины М. П. Мультиановский⁵⁵.

Немецкий психиатр Э. Кречмер начинает свою известную монографию размышлениями о народных наблюдениях над связью между строением тела и характером. «Черт простого народа большей частью худой с тонкой козлиной бородкой на узком подбородке, между тем как толстый дьявол имеет налет добродушной глупости. Интриган — с горбом и покашливает. Старая ведьма — с высохшим птичьим лицом». И далее Э. Кречмер делает знаменательный вывод: «Возможно, что эти образы, которые выкристаллизовались в народной фантазии благодаря многовековой традиции, являются объективными документами психологии народов, осадками массовых наблюдений, которым может быть и ученый должен уделить некоторое внимание»⁵⁶.

Для появления идеи атомизма древнегреческим философам не потребовались сложные физические приборы, достаточно было запаса обыденного опыта. На простом житейском материале Тит Лукреций Кар показывает в поэме «О природе вещей» необходимость атомного устройства окружающего мира. «Глубокая атомичность универсума наглядно проявляет себя, — писал П. Т. де Шарден, — в обыденном опыте. Она выражается в каплях дождя и в песчинках на пляже. Она продолжается во множестве живых существ и небесных тел. Она читается даже в прахе мертвых»⁵⁷.

Обобщая эти и подобные им многочисленные примеры благотворного влияния обыденного опыта на теоретическое сознание, можно сказать о живом, заинтересованном участии народных масс в общественном процессе познания истины. Вообще нет ни одной области научного, философского, нравственного, политического, художественного, экономического, медицинского знания, в которое бы не проникал разговорный язык, бытовая лексика и вместе с ними народная, житейская мудрость.

Во всяком познавательном образе (и в познавательном образе обыденного сознания в том числе) различаются предметные, оценочные и целеполагающие моменты⁵⁸. В силу психологического синкретизма в обыденном сознании интеллектуальные, эмоциональные и волевые моменты, порождающие предметные, оценочные и

⁵⁴ Мирзоев В. Г. Былины и летописи — памятники русской исторической мысли. М., 1978. С. 9.

⁵⁵ Мультиановский М. П. История медицины. 2-е изд. М., 1967. С. 17.

⁵⁶ Кречмер Э. Строение тела и характер / Пер. с нем. М., 1924. С. 15.

⁵⁷ Шарден П. Т. де. Феномен человека. М., 1965. С. 42.

⁵⁸ Лойфман И. Я. Научная картина мира как результат и предпосылка научного творчества // Ленинская теория отражения. Вып. 3: Творческий характер отражения. Свердловск, 1974. С. 47.

целеполагающие аспекты познавательного образа, нераздельно слиты. Поэтому отражение общего в обыденном сознании качественно отличается от отражения общего в теоретическом познании. Объект в обыденном сознании отражается не сам по себе, а обязательно в окружении ценностных и целеполагающих его факторов. Как деревенский житель приобретает новую вещь в магазине? Мотивы изменяются так. Вначале вещь берут из-за ее очевидной пользы лишь некоторые покупатели. Когда вещь возьмут уважаемые, известные люди, тогда берут все, чтобы быть «не хуже других»⁵⁹.

Известный советский ученый А. Р. Лурия в 30-х гг. проводил полевые психологические исследования среди сельского населения Средней Азии. Предмет его интереса, наряду с прочим, — отношение испытуемых к формам теоретического мышления, к логике. Опишем типичную ситуацию беседы экспериментатора с дехканом, не учившимся в школе. В ходе разговора экспериментатор задает вопрос: «На дальнем севере, где снег, все медведи белые. Новая Земля находится на дальнем севере. Какого цвета там медведи?» Ответ дехкана звучит примерно так: «Я там не был, не знаю, а врать не хочу. Вот у Х есть родственник, который живет примерно в тех краях. Спросите у Х, он знает лучше меня». Характеризуя способ мысли сельских жителей, не знакомых со школьным обучением, А. Р. Лурия пишет: «Полное отрицание возможности сделать вывод из положения, в котором нет собственного опыта, недоверие к любой логической операции, если она носит чисто теоретический характер, однако признание возможности делать выводы из собственного практического опыта — вот наиболее характерные особенности этой группы испытуемых»⁶⁰.

Надындивидуальность обыденного сознания выражается в характере обобщенной картины мира и человека. В обыденном сознании на первом плане представлена та предметная среда, которая оказывается связанной с бесхитростными житейскими заботами тружеников с их непосредственным природным и социальным окружением. Человек в обыденном сознании выступает как представитель этноса и рода, как естественное существо, как носитель реликтовых общественных отношений. На первом плане оказываются не его современные качества, а некие давно приобретенные, устойчиво повторяющиеся, естественные свойства в виде возраста, пола, ролевой функции в семейных отношениях, ответственности в духе талиона или золотого правила нравственности. Поэтому не случайно, например, экзистенциализм видит в обыденности неподлинное, безличное, близкое «никто» существование человека⁶¹.

Думается, что у обыденного сознания есть определенные основания на такую точку зрения в отношении к человеку: ведь все ново-

⁵⁹ См.: Жукоборский С. У деревенского дома//Лит. газ. 1975. 10 дек.

⁶⁰ Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974. С. 112.

⁶¹ См., напр.: Гайденок П. П. Экзистенциализм и проблема культуры. М., 1963. С. 12.

приобретенные свойства, с такой поспешностью наделяемые цивилизацией, не отменяют тех изначальных человеческих качеств, с которых он начинался как историческое существо. Обыденное сознание — это как бы зеркало с особым углом отражения, напоминающим человеку о его глубинных истоках⁶².

Опыт, аккумулированный обыденным сознанием, богат и качественно разнороден. Это, видимо, и придает ему особую **устойчивость, традиционность**. Обыденное сознание оказывается чрезвычайно устойчивой формой ценностной ориентации. Устойчивость ценностей обыденного сознания кроется и в том, что оно, пропуская через себя огромный жизненный материал, все мелочи жизни, фиксирует в человеке и в обществе простейшие, изначальные социально-бытовые качества, с которых начиналась человеческая история. Так, Ю. И. Семенов исторически существующий социальный организм делит на социально-бытовой (родовое общество) и социально-политический (классовое общество)⁶³. В социально-бытовом реликтовом слое человеческих отношений и закономерностей общественного организма и черпает свою силу обыденное сознание. Господство классовых отношений в обществе не сводит на нет социально-бытовой тип отношений между людьми.

Итак, в общественном сознании мы видим три уровня (или типа): **«чистое», образованное и обыденное**. Каждое из этих сознаний включает в себя специфическую форму рациональности, дополняющую и обогащающую остальные. Так, «чистое» сознание рационально благодаря рефлексивности, нормативности и интеллектуальности; образованное сознание рационально в силу гармоничной всесторонности его интеллектуального, эмоционального и волевого развития, благодаря его гуманитарной направленности. Обыденное сознание рационально вследствие его полного слияния с трудовым процессом, с логикой живой жизни.

Говоря о рациональности общественного сознания, необходимо учесть, что этот фундаментальный параметр имеет системный характер. Рациональность каждого типа существует как эффект взаимодействия, взаимосвязи и взаиморазвития, эффект, ответственность за который несут все элементы общественного сознания как системы. Истина, добытая «чистым» сознанием, обязана своим появлением личностным качествам теоретика, а эти качества в свою очередь являются плодом сознательных усилий в процессе образовательной деятельности. Но вместе с тем не следует выпускать из виду, что и сфера «чистого» и сфера образованного сознания могут существовать и действовать лишь благодаря наличию такой фундаментальной структуры, как сфера обыденного сознания, т. е. сфера духовного творчества миллионов.

⁶² См., напр.: Некрасова М. А. Народное искусство как часть культуры: Теория и практика. М., 1983. С. 60, 67, 71.

⁶³ См.: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 33.

Хотя еще и сегодня даже в условиях социализма существует определенное различие между уровнями (или типами) общественного сознания, развитие образования, науки, культуры заметно меняет и общую структуру этих типов и отдельные их свойства: так, например, в ходе сближения науки с производством «онаучивается» образованное сознание, а носители обыденного сознания приобретают качество интеллигентности. Значительная роль в этом процессе принадлежит развитию форм культурной рецепции, улучшению работы средств массовой коммуникации и информации, совершенствованию функциональных стилей языка — языка пропаганды и агитации, обучения и воспитания, популяризации и широкой образовательной работы во всех слоях советского общества.

Знать и учитывать своеобразие рациональности «чистого», образованного и обыденного сознания чрезвычайно важно потому, что без этого знания работа школы, пропагандистских органов, культурно-просветительных учреждений, вообще информационный процесс на научной основе, а более широко — процесс научного управления обществом абсолютно невозможен. Работа «на глазок», работа «на уровне обыденного сознания» в этих областях жизни общества совершенно устарела и больше не соответствует духу времени, духу перемен, обозначенных в решениях XXVII съезда КПСС.

В. Е. КЕМЕРОВ
Свердловская ВПШ
К. В. НЕУЙМИН

Уральский политехнический институт

Развитие системного подхода и этапы научной рациональности

Сложная природа объектов познания предъявляет возрастающие требования к совершенствованию научного инструментария. Движение в этом направлении обнаруживает многогранность системной проблематики, связь этой проблематики с целым рядом важнейших гносеологических и логико-методологических вопросов. Одним из таких вопросов является развитие рациональности.

Исследование систем и анализ рациональности шли в истории познания относительно самостоятельными путями. Лишь в середине XX в., когда познание стало испытывать известные затруднения в освоении сложных систем, оказалось, что понимание рациональности во многом зависит от понимания систем. Для уяснения этой зависимости важно фиксировать, что не существует единого «образцового» понимания системы: в истории познания возникают различные схемы описания объективных систем, соответствующие уровню возникавших задач. В настоящее время встает задача освоения

сложных «органических» систем, требующая особой системной методологии. Ориентация на эту методологию подводит нас вплотную к вопросу об углублении понятия рациональности. Понятие рациональности ставится в исторический контекст двояким образом: через сопоставление с ретроспективной системных представлений и через сопоставление с наиболее актуальными и перспективными задачами освоения сложных систем.

Системность является важнейшей характеристикой реальности. В практической деятельности общества мир открывается человеку как система, сначала упрощенная, даже лишенная очень многих своих сущностных моментов, потом уже более сложная, многомерная и многоаспектная с присущими ей закономерностями.

Другой стороной этого процесса выступает постепенно формирующаяся способность человека постигать окружающий его мир «системно».

Для классической науки проблема исследования сложных объектов выступала как проблема сведения сложного к простому, целого к части¹. Простейшими аналитическими приемами определялся некий элемент, на основе которого компоновались «системы» таких элементов, т. е. классы, виды, роды и т. п.

Далее, благодаря разворачивающейся промышленной революции, природа охватывается целиком пытливым «прагматическим» взглядом естествоиспытателей. Но «прагматизм» здесь особого рода: он ограничен выяснением природы «на прочность». Считается, что природа проста и неизменна, и овладеть ею можно, выяснив ее элементный состав, причинные связи, механизм. Мир представляется машиной. Соответственно механика становится главной отраслью науки². Природа и общество составляют агрегат, разложимый на части, подчиненный жестким однозначным причинно-следственным связям. Познать этот агрегат можно только наложив на него универсальный эталон. Предполагаемая наглядность агрегата дает возможность сразу охватить все его связи и видеть всю «систему» как бы насквозь.

Подобная рациональная установка, несомненно, огрубляет «систему», вовлеченную в практику общественного человека, исключает какие бы то ни было представления об ее историзме, индивидуализированных формах ее бытия. Таким образом, утверждает претензия классической рациональности на «систематическую целостность, завершенность, монистичность, покоящаяся на глубоком чувстве естественной упорядоченности мироустройства, наличия в нем гармоний порядков»³.

¹ См.: Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973. С. 14—15.

² См.: Гайденок П. П. Культурно-исторический аспект эволюции науки // Методологические проблемы историко-научных исследований. М., 1982. С. 73.

³ Мамардашвили М. К., Соловьев Э. Ю., Швырев В. С. Классика и современность: Две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия в современном мире: Философия и наука. М., 1972. С. 30—31.

Классическая немецкая философия подвергла критике «ортодоксальную систему» общества, положила начало новому типу истолкования системности. Для Гегеля системность господствующая — это системность, символизирующая догматизм, насилие, подавление свободы и индивидуальности личности, заставляющая индивидов приспосабливаться к порядку. «Для всех этих правил морали и житейской мудрости, — пишет Гегель, — рассуждение велось a priori, т. е. в основу положена была мертвая буква и на ней затем возводилась система, определяющая, как надлежит человеку поступать, чувствовать, какие движения души должны вызываться теми или иными так называемыми истинами»⁴. Отвергнуть прежний (механический) вариант системы означает для Гегеля выдвинуть свое, принципиально иное ее понимание. Механическая система связывается с «формальным конструированием пустой схемы» и дальнейшим ее использованием, «без понятия и имманентного определения», для установления внешнего порядка. Система, понятая диалектически, «оживляется», переходит в постоянное движение. Но как это происходит?

Системное исследование, по Гегелю, возможно лишь на «стадии понятия», т. е. на уровне самодвижения научного знания (разумеется, с имманентным ему способом). Здесь Гегель идет дальше Канта, который «избавил себя от труда указать на это поистине синтетическое поступательное движение производящего само себя понятия»⁵. Понятие предстает в виде развертывания категориальной «троицы» — всеобщее, особенное, единичное. По своей природе понятие включается в сферу всеобщего. Следовательно, — пишет Гегель, «... первым требованием является, ... чтобы вначале предмет рассматривался в форме некоторого **всеобщего**»⁶. И далее: «Принадлежащее понятию поступательное движение от всеобщего к особенному составляет основу и возможность некоторой **синтетической науки, некоторой системы и систематического познания**»⁷.

Из всего многообразия конкретных эмпирических форм существования объекта вычленить «всеобщее» непросто, так как оно не лежит на поверхности. Это есть своего рода «пробный камень» научного исследования, указывающий на уровень зрелости науки, на ее способность дальнейшего теоретического движения по объекту. «Всеобщее», нуждающееся в своей определенности в «особенном» и «единичном», требует от метода выйти в конкретное содержание, оформить это содержание и тем самым обнаружить богатство своих принципов и определений. Конкретная целостность, как «результат этого диалектического превращения... в синтез... становится источником дальнейшего анализа»⁸, вобрав в себя все содер-

⁴ Hegel, 1770—1970: Leben. Werk Wirkung. Stuttgart, 1970. S. 168.

⁵ Гегель. Сочинения. Т. 6. М., 1939. С. 255.

⁶ Там же. С. 269.

⁷ Там же.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 211.

жение познания. «Благодаря этому моменту сам метод расширяется в систему»⁹, превращаясь во внутреннюю опору, в само содержание науки как научно-теоретического воспроизведения сложного объекта.

Для нас важно уяснить радикальный настрой мыслителей конца XVIII—начала XIX в., который внес ощутимые изменения в трактовку научной рациональности. В методологическом плане новое толкование системности наметило определенные сдвиги в схемах объяснения в науках. Явления социальности, например, освобождаются от редукции к явлениям природы. Каждая наука получает объективное «право» развивать свой предмет самостоятельно. Но это не есть «право» на полную анархию в развитии знания — определены всеобщие логические принципы развертывания метода в систему.

Учение Маркса об «органической» системе является итогом творческой переработки диалектики Гегеля, дальнейшим развитием идей об единстве системности и диалектики, системы и метода ее изучения. Это учение оказывается подкрепленным достижениями передовых разделов естествознания XIX в.

Господство механицизма в социальных, биологических и многих других отраслях знания было серьезным препятствием на пути сущностного осмысления ряда актуальных практических и теоретико-методологических задач и в то же время стимулировало скрытую поисковую работу по определению новых рациональных форм, служивших осознанию, постановке и решению этих задач. Ощутимые результаты получены в биологии: концепция «реального развивающегося вида» Ч. Дарвина, диалектически преодолевающая острую борьбу между господствующим механицизмом и его другой крайностью — витализмом. Понятие вида, без которого, по словам Энгельса, вся наука превращалась в ничто¹⁰, позволило разрешить проблему целостного теоретико-эмпирического обоснования закона «всякого развития в природе» средствами биологического познания. Переворот в биологии явился конкретным примером самоопределения науки благодаря овладению диалектическим методом познания.

Понятие «организм» было использовано Марксом, разумеется, не с целью биологизации социального знания, а для понимания общества как реального, целостного, живого, развивающегося образования. На этапе становления научного обществознания такой подход к обществу очень важен, поскольку таит в себе принципиально новые объяснительные и исследовательские приемы. Когда обществознание еще только оформляется как наука, метод «сведения» пестроты многообразия особых и индивидуальных проявлений общественной жизни к способу производства позволяет создать общую картину особого естественноисторического процесса — соци-

⁹ Гегель. Сочинения. С. 313.

¹⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 535.

альной формы движения, позволяет выделить основные законы самой общественной жизни. Полученная при этом «всеобщая» характеристика «не есть только общее, которому противостоит особенное, обладающее своим собственным существованием»¹¹, она также не есть «пустая и бессодержательная, голая схема»¹², годная для всех времен, мест и ситуаций, а есть то «истинно всеобщее», «универсальное», выражающее специфику данных общественных отношений, с помощью которого создаются условия для все более конкретного теоретического воспроизведения жизни общества. Таким образом, процесс человеческой жизнедеятельности трактуется, как подчеркивает В. И. Ленин, через исследование общественных отношений как «исторически определенных», «единичных, но зато действительных... общественных отношений»¹³. В. И. Ленин отмечает, что Маркс «бросил все... рассуждения об обществе и прогрессе вообще и зато дал **научный анализ одного общества и одного прогресса — капиталистического**»¹⁴. Далее вступает в силу метод «выведения», заключающийся в «воспроизведении конкретного» (Маркс) соответственно масштабам бытия и исследования объекта, в погружении во внутренние качества объекта и установлении между ними внутренней связи, а благодаря этому — в обнаружении специфических факторов самодвижения системы объекта. Появляется возможность раскрыть бытие капиталистического производства как процесс, как развитие системы в направлении ее целостности, т. е. возможность приблизиться к наиболее объективным и точным характеристикам самодвижения системы. Например, исследуя капиталистическое обращение, Маркс выявляет «механизм», опосредующий обращение и выступающий процессом, протекающим позади обращения¹⁵. Таковым является процесс производства товаров в качестве меновых стоимостей, который **«предполагает обращение... и выступает как непрерывный процесс, который полагает обращение и из обращения непрерывно возвращается в себя с тем, чтобы снова полагать обращение»**. Налицо «движение, создающее, производящее меновые стоимости как предпосылки». В то же время производство «само порождает свои результаты», тем самым предполагая «развитое обращение уже в ходе своего собственного процесса»¹⁶. В производстве как органической целостности разворачивается диалектика предпосылок и результатов, которая оказывается осуществлением этого процесса, его специфической логикой. Это пример нового рационального постижения объекта, в котором **рациональное** освоение объекта есть **движение** к его особым законам, а затем и следование его объективной логике. Это движение, в котором, следует заметить, понятия об объек-

¹¹ Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. С. 346.

¹² Там же.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 143.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1. С. 203.

¹⁶ Там же. С. 203—204.

те развиваются, меняются зависимости между ними — и всё это делается для того, чтобы рационально воспроизвести процесс объекта, его самодвижение.

Вместе с тем вторая половина XIX в. дает примеры и другого подхода к отображению органических систем. Примером некритического усвоения существующих концептуальных противоречий явилась системная конструкция Г. Спенсера. Ставя перед собой задачу наиболее точно и полно описать общество, Г. Спенсер обращается к биологии, наследуя ограниченные представления о системности, выработанные в ней. Осознание того, что общество является сложноорганизованной системой, вполне оправданно послужило основанием придать ему статус организма. Но далее вместо рассмотрения специфики общественного «организма» соответственно его образу жизнедеятельности Г. Спенсер идет по пути механических и организмических аналогий, неизбежно создавая упрощенное представление о законах функционирования и развития общественного целого¹⁷. Социальные отношения сводятся к однозначной детерминации индивидов агрегатом. Общество как сверхорганизм представляется всего лишь частью природы, поэтому все законы естественного процесса эволюции выступают для данного сверхорганизма определяющими. Кроме всего прочего здесь проявилась неспособность исследователя выявить рациональные средства, выражающие специфику социальных систем.

Методологическая ошибка Г. Спенсера была повторена буржуазной социологией середины XX в. Структурно-функциональный анализ, также опираясь на достижения системного подхода в естествознании, попытался построить общую схему функционирования социальных систем. Эта схема работала, однако, только там, где у социологии исчезла необходимость в понимании специфического способа развития особой социальной системы. Там же, где эта необходимость проявлялась, структурно-функциональный анализ демонстрировал свою узость. К 70-м гг. нынешнего столетия стало очевидно, что рациональное отображение системы, ориентированное на ее специфику, и структурно-функциональный анализ системы далеко не одно и то же. Тем более невозможным стало отождествление системного подхода со структурным.

Следует подчеркнуть, что по всему передовому фронту современной науки проходит линия такого понимания систем, которое выделяет самодвижение, самоорганизацию, саморазвитие природных и общественных объектов. В сфере естествознания наиболее близки к этой ориентации синергетика, историческая астрономия, экология, биология и физиология активности. К этому же можно присовокупить современную технологическую ориентацию на создание ультрасложных, самопревращающихся систем. Можно заметить, что внимание к аспектам самоорганизации природных и общественных систем обостряется проблемой создания искусствен-

¹⁷ История буржуазной социологии XIX — начала XX в. М., 1979.

ных сверхсложных систем. В этом пункте намечается контакт между так называемой «технологической» рациональностью и своего рода «органической» рациональностью, ориентированной на самодвижение систем, их цельное существование и развитие.

В области социального анализа эта ориентация наметилась в исследовании особых коллективов и групп, в истолковании «механизмов» и «рычагов» управления (которые далее в собственном смысле рычагами и механизмами быть не могут). Трактовка бытия общественных индивидов все более конкретизируется на цельном характере их жизни, на внутренней детерминации их поведения. Проблема самостоятельности личности перемещается с периферии обществознания в фокус анализа экономики, социологии, психологии, теории управления и т. п. Неотложной становится разработка этой проблемы в практике образования и воспитания.

Данная тенденция коснулась, конечно, и познания. Системная трактовка субъекта познания приводит к пересмотру абстрактного гносеологического субъекта, к рассмотрению индивидуального характера познавательной деятельности, к истолкованию познания как одной из предметных сфер саморазвертывания человека, саморазвития его особых теоретических сил и способностей.

Подчеркивая новейшие аспекты системного видения действительности, мы намеренно начали с естествознания. Дело в том, что обычно ориентацию на духовно-теоретическое отображение специфики объектов, их цельности и самодвижения связывают с особенностями социально-гуманитарного познания. Тем самым ейвольно или невольно противопоставляется естественнонаучная ориентация, которая как будто чужда отображению индивидуальных качеств объектов и исчерпывается их подведением под общие законы и универсальные объяснительные схемы.

Тот небольшой, но весьма значимый перечень передовых разделов естествознания, нацеленных на выявление самоорганизации, цельности, специфики самодвижения сложных систем, который мы привели выше, позволяет утверждать, что не только гуманистика, но и вся наука стоит перед единой логико-гносеологической задачей рационального освоения сложных саморазвивающихся объектов. Более того, можно сказать: на пороге ХХI столетия именно эта задача обнаруживает **внутреннее единство науки**. Единство в определении типа наиболее актуальных задач, единство в определении перспектив научной рациональности¹⁸.

С точки зрения этих задач и перспектив неизбежным оказывается переосмысление рациональности и ее критериев. Рациональное знание и отношение человека к действительности отличалось и отличается от всех других, во-первых, осмысленной обоснованностью и, во-вторых, особым логическим характером этой обоснован-

¹⁸ Подробнее см.: Кемеров В. Е. Историзм естествознания и единство науки // Социальные проблемы труда в науке на современном этапе научно-технического прогресса. Свердловск, 1983.

ности. В известной мере логичность трактовалась как «ядро» рациональности или просто как ее синоним. До тех пор, пока критерии логичности представлялись самоочевидными, не возникало затруднений и с пониманием рациональности. Однако к середине XX в. ситуация заметно изменилась, что повлекло сомнение и в возможности выделить твердые критерии рациональности¹⁹.

В плане наших предшествующих рассуждений можно достаточно определенно говорить о том, что логика остается «ядром» рациональности, но характер этой логики заметно меняется.

Во-первых, логика оказывается тесно связанной с теоретическим воспроизведением **конкретной** системы. Гомогенность теоретического образа системы основывается, следовательно, не на внешнем масштабе описания и объяснения, а на установлении «специфической логики специфического предмета»²⁰. Рациональное постижение конкретной системы, стало быть, включает логическое отображение индивидуального способа бытия объекта, становится своего рода «логикой индивидуального», что, разумеется, не выводит рациональность за рамки логики общего, но, напротив, конкретизирует последнюю²¹.

Во-вторых, логика оказывается тесно связанной с самим **процессом** исследования и освоения конкретных систем. Из этого следует, что **логическая форма** сама **меняется** в ходе освоения системы, развивается в некую рациональную целостность. В связи с этим представляется возможным говорить о логической форме как форме движения и развития человеческой мысли. Содержательность этой формы определяется **движением** познавательной деятельности по объекту, а ее самостоятельность, ее особая функция по отношению к содержанию заключается в фиксации зависимостей между разными этапами этого движения, соответственно — между разными его мыслительными отображениями. **Устойчивость** логической формы, таким образом, определяется не ее самостоятельностью, а ее зависимостью от **определенного** движения субъекта по объекту. При этом, конечно, сохраняется проблема нетождественности логики движения субъекта по объекту и собственной логики объекта. Но в тенденции эта нетождественность **преобразуется** в единство логики мысли и логики объекта. Акт этого **преобразования** является **решающим** для трактовки современных аспектов рациональности и ее логических основ. В связи с этим рациональность приобретает все признаки **процесса**, становится **открытой** системой обоснования и построения человеческой деятельности.

В-третьих, рациональность выступает как необходимая связь между построением нового образа предмета и формированием соот-

¹⁹ См.: Алексеев И. С. О критериях научной рациональности // Методологические проблемы историко-научных исследований. М., 1982.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 325.

²¹ См.: Кемеров В. Е. Понятие общего и логика индивидуального // Средства и факторы развития научного познания. Свердловск, 1986.

ветствующей духовной способности человека, т. е. как обоснованное соответствие духовного самоизменения субъекта и освоения им объективных обстоятельств. Причем самоизменение субъекта, включенное в трактовку рациональности, в данном случае вовсе не ведет к психологизации последней. Самоизменение субъекта оказывается необходимым условием выработки новых логико-гносеологических средств освоения объекта, новых форм решения теоретических и практических задач. Самоизменение субъекта носит предметный и необходимый характер, ибо диктуется особой системной сложностью объектов, с которыми люди в последнее время вступают во взаимодействие. Более того, сам субъект выступает как важнейший элемент объективных связей реальности, как особое целостное образование. Таким образом, и «на стороне объекта», и «на стороне субъекта» возникает потребность толковать рациональность через призму конкретной системы объекта, через процесс становления этой системы масштабом конкретной деятельности человека.

С. В. ВОРОНО, В. Н. ЖЕЛЕЗНЯК
Пермский политехнический институт

Типы рациональности в гуманитарном знании

То, что кажется очевидным и привычным, часто скрывает в себе скрытый смысл проблемы. Потому-то и надо снять с самого представления о гуманитарном знании покров иллюзорной ясности. Под гуманитарным знанием обыкновенно понимают совокупность так называемых «гуманитарных наук», т. е. определяют его через механическое противопоставление естественнонаучному знанию. Если же исходить не из внешней формы, а из самого содержания этого знания, то окажется, что оно посвящено выражению конкретно-исторической формы понимания человека и человечности. Гуманитарное знание включает в себе и выражает некоторый идеал, который можно терминологически определить как «гуманитас». Что скрывается за ценностным характером гуманитарного знания? Дело в том, что идеал «гуманитас» прежде всего утверждает разумность человека, которая возводится здесь в ранг высшей нравственной ценности. Фауст, Иван Карамазов и Андриан Леверкюн терпят катастрофу не потому, что подмочена их добродетель, а потому, что разум перестал служить добру — он вышел за его пределы как своей естественной стихии, вне которой разум изменяет себе и впадает в безумие.

В свое время Э. В. Ильенков в работе «Наука и гуманизм» упрекал Канта за то, что тот поставил решения разума в зависимость от приговора морали¹. Однако открытие Канта в том и

¹ См.: Ильенков Э. В. Наука и гуманизм // Искусство и коммунистический идеал. М., 1984. С. 195.

состояло, что чистый разум как таковой не существует в действительности. Разум не может не быть «практическим» разумом. «Практический» разум — это все тот же чистый разум, но уже понятый как проект совершенных человеческих отношений, в которых каждый человек проявляет себя как свободное существо, как суверенная личность.

Таков идеал «гуманитас», который в каждую конкретную эпоху развития культуры наполняется конкретным историческим содержанием и не может быть ничем подменен. Снижение категоричности этого идеала или полный отказ от нее неминуемо ведет к вырождению самой человеческой духовности, какие бы исторические реалии и идеологические лозунги не стояли в повестке дня. Гуманитарное знание в каждом витке своего исторического развития дает новую версию толкования «гуманитас» как своего высшего формального основоположения, которое, разумеется, не является в свою очередь чем-то внеисторическим.

Таким образом, само понятие «гуманитарное знание» несет в себе идею разума. Разум в своих бесчисленных воплощениях в сфере культуры и представляет собой то, что можно назвать рациональностью.

Рассматривая содержание понятия «рациональность», мы можем вычленить в нем несколько моментов. Прежде всего с марксистской точки зрения оно обозначает конструктивный характер человеческой деятельности, трудовой в первую очередь. Здесь рациональный момент заключается в целеполагании, в системе операций с объектом, и, наконец, в тех объективных законах, по которым мы изменяем действительность. С другой стороны, рациональная структура человеческого интеллекта — категории мышления, понятия, регулятивные схемы и пр. — воплощаются во всей совокупности объектов материальной культуры и многообразных знаково-символических формах. В понятие рациональность необходимо включить и совокупность социальных норм, регулирующих человеческие отношения и многообразные способы их применения (социальная технология). Такое описание рациональности имеет чисто аналитический характер. Можно без труда детализировать его и далее, вычленив различные аспекты его содержания. Из этого многообразия мы берем одну сторону рациональности, а именно — процесс опредмечивания рациональной структуры мышления (сознания) в культуре, отдавая себе отчет в том, что в его (процесса) основе лежат объективные законы действительности. Это чисто описательный подход. Теперь же его нужно конкретизировать относительно гуманитарного знания в развитом выше смысле, ибо речь идет не о культуре вообще, а только о гуманитарной культуре.

Итак, из многообразного содержания понятия рациональности мы выбираем один из существенных моментов — рациональные структуры мышления и процесс их опредмечивания. Учитывая все сказанное о природе гуманитарного знания, мы можем представить себе этот специальный смысл понятия рациональности как само-

деятельность разума, несущего в форме своих категорий и идей, а также в своем содержании, целостную, синкретическую картину мироздания и социума. Вопрос о типах рациональности в гуманитарном знании — это, таким образом, вопрос о типах самой рациональной деятельности. Поскольку речь идет о фундаментальных исторических версиях разума и заключенных в них фундаментальных мировоззренческих парадигмах, то вопрос, стоящий перед нами, расширяется до проблемы основных структурных характеристик истории культуры. Всякая попытка, в свете этого, свести гуманитарную культуру к каким-либо исходным схемам, «архетипам» и т. п. представлялась бы поэтому резонерской (тем более в небольшой статье). Тем не менее есть смысл и даже необходимость разобраться в основных подходах к проблеме, которые непосредственно усматриваются из существа дела (и которые широко представлены в историко-философских и историко-культурных исследованиях последнего времени).

Прежде всего представляется возможным определить общий тип рациональности, присущий гуманитарному знанию, через противопоставление его логико-методологических (или шире — эпистемологических) характеристик соответствующим характеристикам естественнонаучного знания. Это самостоятельная, важная и принципиальная проблема. Можно, однако, указать на ряд существующих здесь особенностей, доказывающих, что можно говорить об особом типе рациональности, присущем гуманитарному знанию. Это, прежде всего, иная форма **причинности**: если естествознание имеет дело с линейной (действующей) причинностью, то гуманитарное знание в большей степени оперирует сущностной причинностью (которую Спиноза именовал «имманентной»). Различие касается и самого **понимания истины**: истина, добываемая в науках естественных — это объективистски очищенное знание, в науках гуманитарных — это ценностно окрашенное знание. Стихией всей естественнонаучной методологии является **необходимость**, гуманитарной — обоснование **свободы** (необходимость, осуществленная через свободный выбор). Естествознание рассматривает объект извне, с точки зрения **внешних условий**, определяющих его существование (как выражался Хайдеггер, — онтический), гуманитарные науки — изнутри, с точки зрения его **сущностной автономии**, активности и целостности, которые определяют и тот специфический «мир», в котором живет данный объект². Можно, конечно, опровергать эти характеристики гуманитарного знания, можно заменять их другими, но вряд ли можно сомневаться в том, что такое сравнение может характеризовать особый гуманитарный способ мышления. Другое дело, что такое противопоставление нельзя абсолютизировать. Ведь естественные и гуманитарные науки всегда сосуществовали в рамках духовной культуры и испытывали сильное взаим-

² Для естествоиспытателя все объекты уравниваются между собой по своим бытийным характеристикам.

ное влияние. Например, мощный пласт механистических представлений в картезианстве, или влияние методов математического естествознания на замысел и содержание кантовского учения об аподиктическом знании. Вывести все эпистемологические особенности гуманитарного знания из простого противопоставления его естественнонаучному вряд ли возможно. В этом смысле можно говорить о типе рациональности, выявленном с точки зрения различия **методологических** средств, распространенных в гуманитарном познании.

С неменьшим основанием можно пытаться обнаружить типы рациональности в истории гносеологии. В этом случае перед нами ступени, где разум открывает перед нами свою глубину. Для каждой из ступеней существенной является определенная форма эпистемологического синтеза символических форм. На каждой из них осуществляется все более и более полная реализация в духовной культуре различных разумных форм мышления, а разум всякий раз по-новому воплощает себя в различных «кодах» и «шифрах» культуры. Это означает, что вместо конкретных форм познания мы имеем теперь дело с истолкованием сокровенного смысла рациональных форм культуры, реализуя тем самым свою свободу существования в культуре как специфическое проявление идеала «гуманитас».

Беспредпосылочная символизация, доведенная до своего логического конца, с необходимостью приводит нас к признанию существования неких запредельных (и по отношению к культуре в целом и к ее символическим фрагментам) основоположений — архетипов культуры, которые и определяют в действительности все ее строение, связь ее частей в нечто исторически уникальное. Эти архетипы по самой своей природе представляют собой нечто непосредственное и самосущее. Абсолютизация этого подхода безусловно приводит и к деформации истинной картины рациональных форм культуры.

Суть дела здесь, по-видимому, заключается в том, что в культуре, конечно, реализован некий изначальный схематизм, который, выражая со своей стороны активность культуры через определение ею всех форм эпистемологического синтеза, и сам в конечном счете произведен от рационального механизма познания. Надрассудочные структуры интеллекта не могут существовать и не существуют, как сказал бы Э. Гуссерль, вне **интерсубъективных** комплексов культуры и истории.

Безусловно, такой подход не может быть отвергнут как неконструктивный. Более того, он достаточно популярен, поскольку позволяет вычленить в историческом многообразии культур то общее, что выстраивает в определенном порядке культурно-исторический континуум. Но связь разума с культурой, воплощенная в определенной форме рациональности, остается таинством, не исчерпывающимся в конечных исторических формах культуры, в тех или иных замкнутых символических комплексах. В чем здесь дело? На наш взгляд, обращение к архетипам может омертвить

живой процесс производства нового знания. Предельное обобщение не позволяет понять рациональность как жизнь разума. Вместе с окостеневшим в формальных схемах интеллектом формализуется и собственно содержание идеала «гуманитас».

Ограниченность такого подхода, казалось бы, принуждает нас отказаться от него простым предпочтением противоположного, где отправным пунктом выступает история культуры во всем своем многообразии. Такой подход предполагает и более конкретное исследование типов гуманитарного знания. Реализация этого замысла, конечно, принесет субъективное удовлетворение самому исследователю, поскольку переживание истории становится в этом случае собственной жизнью индивидуального интеллекта. Искомые типы рациональности определяются тогда различием отношений к культуре, различными способами интерпретации ее ценностей.

Так, в истории могут быть выделены по различным основаниям определенные культурно-исторические периоды — например, формации, а в более узком смысле — такие эпохи как античность, эллинизм, средние века, Возрождение и т. д. Для каждого из них обнаруживаются характерные особенности, выражающиеся в типе историзма, в стиле мышления, в картине мира и т. п.

Исследование истории культуры с указанной точки зрения резюмируется в выделении различных внутрикультурных феноменов, которые противоположны архетипам по своей содержательной, конкретно-исторической определенности.

В каждой культурно-исторической эпохе можно найти характерные для нее, и только для нее, категории культуры, когнитивные стереотипы, идеологические парадигмы, концептуальные допущения и пр. Индивидуальная интеллектуальная деятельность, таким образом, определяется интересубъективными параметрами рациональности, заложенными в данной культурной эпохе, которые как совокупность возможностей самого существования в культуре так или иначе исчерпываются индивидом в процессе его духовной жизни. В этом случае, **при определенных условиях**, человек превращается в орудие императивов, заключенных в данном типе рациональности. Тогда сама его «человечность» может пассивно манифестироваться в различных более или менее внешних формах его духовной жизни. Познающий субъект, таким образом, превращается в агента внешних требований культуры. Трудность, однако, заключается в том, чтобы понять, как мыслящий субъект преодолевает императивные формы культуры и находит глубину не только за пределами своего «Я», но и «внутри» себя, лично осваивая идеал «гуманитас». Трудность — в понимании **способности** к преодолению человеком своей ограниченности, в понимании объективного **основания** такой способности.

Конечно, конкретное исследование истории культуры во множестве ее проявлений позволяет обнаружить внутри каждой эпохи своеобразный синтетический тип рациональности, который всякий раз по-новому оформляет как саму человеческую способность

к постижению всеобщности, так и собственно процедуру выхода к горизонтам новой рациональности. Но совокупность всех единичных «прорывов» в новый тип рациональности образует лишь фундамент для догадок относительно перспектив развития субъективной способности к осуществлению эпистемологического синтеза в новой форме. Этот фундамент может быть относительно развитым, включать в себя уже реализованные возможности духовного творчества в рамках данного типа культуры. Этот наличный тип культуры исчерпывающим образом характеризуется такими категориями, как «материализм — идеализм», «рационализм — эмпиризм», «классицизм — романтизм» и т. д. Здесь мы не можем получить ничего более оригинального для определения типов рациональности гуманитарного знания. Эпистемологические основания нового типа культуры лишь намечают перспективы развития, но не составляют поначалу движущую силу самого разума. В начале лишь суммируется, аккумулируется «право» на последствия, но актуализация этой силы, сама способность к ней остается своего рода «сакральной» стороной развития гуманитарного знания.

В итоге историко-культурного исследования типов рациональности, когда, казалось бы, сделано уже все, чтобы понять содержание рациональности, она вновь ускользает от определения. Конечно, пройдена уже большая часть пути и основные ориентиры в решении задачи уже выявлены. Но абстрактная всеобщность итоговых определений делает недостаточным выбор только такого типа исследования гуманитарного знания. Таким образом, попытка найти сначала архетип, увидев его затем в культуре, и попытка пристально исследовать культуру для выделения ее всеобщего имманентного содержания, смыкаются в признании пассивности познающего субъекта. Он в **обоих случаях** остается инструментом. В действительности же рациональность связана не столько с простой репродукцией культуры в рамках данного способа мышления, а с превращением вне-культурного, «природного» мира в мир культуры, с приобретением культурой нового содержания, т. е. с ее развитием и, следовательно, со становлением новых форм рациональной деятельности.

Возможно, более плодотворной может оказаться попытка исследовать тип рациональности в более широком мировоззренческом контексте. Например, в рамках глобального различия в истории гуманитарного знания двух этапов — классического и неклассического³.

Известно, что для классического этапа в силу определенных социально-экономических условий, в силу своеобразия развития каждой из сфер общественной жизни была характерна апология разума и надежда на силу рационалистически истолкованной

³ Этот замысел реализован, например, в работе: Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеал рациональности. Тбилиси, 1982.

гуманности. Но сам ход истории заставил отбросить иллюзии о соответствии развития реального гуманизма и теоретических о нем представлений, что с необратимостью привело в рамках современной буржуазной философии к отказу не только от классического понимания человечности (человеческого), но и от выражавшего его рационализма. Это обусловило поиск в «старой» рациональности того, что не приводило бы к антигуманизму, к вандализму, к всеобщему одичанию в условиях современной технологической цивилизации, которая, казалось бы, должна была привести к расцвету культуры. И все же такой поиск зачастую оборачивался лишь новыми всплесками иррационализма. Поэтому у исследователей неклассических форм рациональности и появляется основание видеть в современной буржуазной философии лишь изощренные, утонченные попытки оправдать эволюцию идеала «гуманитас» внутри процесса дегуманизации существования человека в буржуазном обществе.

Несомненно, что выделение неклассических этапов в развитии культуры определенного периода (неклассический этап, по-видимому, можно отыскать в каждой культурно-исторической эпохе) позволяет найти «излом», переломный момент в развитии одного типа рациональности, границу, за которой начинается деградация культуры. Но и здесь мы вновь наталкиваемся на ограниченность реализуемого подхода, позволяющего уловить угасание избранного типа рациональности, но не переход его в новый тип, в новое качество.

Очевидно, таким образом, что все названные подходы к истолкованию рациональности продуктивны и приводят к конструктивным результатам. Они, конечно, важны и необходимы. Но проблема не находит все же своего адекватного решения даже во всей совокупности этих подходов, не исчерпывается ими. Почему?

Во всех этих случаях мы исходили из анализа культуры как совокупности застывших следов, своеобразных «реликтов» мышления, в которых работа человеческого интеллекта всегда оставалась неуловимой и таинственной. Для того чтобы преодолеть данную границу, необходимо обратиться не только к истории, а и увидеть реальную культурную ситуацию.

В чем, на наш взгляд, выражаются особенности этой ситуации сегодня? Прежде всего в том, что рациональность превратилась в процесс бесконечной рационализации материально-продуктивной деятельности, в результате чего происходит гипертрофирование ее овеществленных форм.

Такая концентрация мощи человеческого интеллекта в совокупности технических средств и непонимание опасности образовавшегося в обществе гуманитарного вакуума может приводить к произвольным манипуляциям с идеалом «гуманитас». При этом общественным силам, узурпирующим толкование этого идеала, может казаться, что рациональность нашла свое законченное воплощение во вне человека и совпадает со всей мощью материальной культуры.

Это порождает иллюзию исчезновения рациональности. Хотя в действительности речь идет об исчезновении старого смысла рациональности. С другой стороны, начинает казаться, что рациональность как таковая начинает терять всякий смысл, что образ разума, витавший перед взорами великих мыслителей прошлого, безнадежно устарел. Отсюда и проистекает напряженный поиск в современной философской мысли новой рациональности. Дегуманизация бытия современного человека оборачивается и ностальгией по рациональным ценностям культуры. Напряженность ожидания новой «спасительной» доктрины связана и с постоянством срывов в иррационализм. Да и сам вопрос о типах рациональности возникает от того, что мы не находим в себе уверенности в основаниях разума, не в состоянии обосновать его разумную волю.

Достижение подлинного отношения человека к культуре как совокупности его собственных способностей, его собственному духовному богатству задает новый смысл рациональности гуманитарного знания. «Чем иным является богатство, — писал К. Маркс, — как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествующего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу»⁴. Нам думается, что можно представить интеллект, который оперировал бы не категориями и понятиями, а чем-то большим — быть может, и целыми культурно-историческими эпохами. Этот в принципе синтетический интеллект вбирал бы в себя все свое историческое прошлое и был бы актуально мыслящим сознанием. Такой феномен не существовал и не мог существовать прежде. Его возникновение может быть осмыслено только в рамках коммунистической перспективы общественного развития⁵, где культура раскрывается как подлинное человеческое богатство.

В этом смысле необходимо сделать, казалось бы, парадоксальный вывод, что не следует искать особые типы рациональности. Потому что всякий тип может существовать и существует как момент в составе целого — исторически реализующего себя совокупного человеческого интеллекта, который, конечно же, не может быть конечным образом реализован усилиями какого бы то ни было субъекта (понятно, что здесь имеется в виду не только отдельный человек, но скорее — коллективный субъект, персонифицированный в данном индивидуальном действии). Поэтому и традиционная гносеология в этом случае должна быть переосмыслена как рациональная культурология.

Но это одновременно означает и то, что речь идет о становлении нового типа рациональности, такого, который не существовал

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 1. С. 476.

⁵ Здесь уместно привести известную ленинскую формулу: «... пролетарская культура=коммунизм» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 299).

прежде. И само становление того, что мы сегодня называем «новым мышлением», оказывается выявлением возможностей и разума и гуманности в человеческой деятельности. Это «новое мышление» уже принадлежит к такому синтетическому типу рациональности, в котором все предшествующие моменты синтезированы в новом единстве. Центральными пунктами программы новой рациональности становятся уже не определения старого субъекта познания и его диалектики (картезианско-кантовского «Я»), а поиски эпистемологической определенности нового коллективного субъекта с присущей только ему диалектикой.

В этом случае рациональность—это уже не опредмечивающийся в индивидуальной деятельности интеллект. На передний план выходит способность к распредмечиванию, способность к актуализации всего богатства прежней культуры, в которой, собственно, и сохраняется жизнь разума — интерпретирующего, истолковывающего, понимающего.

А. И. ЛЕВИНА
Куйбышевский университет

Проектирование как инструмент рационализации практики

В ходе обсуждения проблемы рациональности в литературе убедительно показано, что рациональность является характеристикой всякой деятельности, а отнюдь не только научной. Более того, в конечном счете рациональность задается не сферой науки, а сферой практической деятельности, прежде всего трудовой, являющейся, по выражению Т. И. Ойзермана, «парадигмой всего рационального»¹. В целом ряде работ, посвященных проблеме рациональности, выявлена ограниченность чисто нормативного понимания рациональности и вообще понимания ее с точки зрения имманентных характеристик деятельности вне социального контекста.

Мысль о том, что «процессы рациональности, осуществляющиеся во всех областях общественной жизни во взаимосвязи с исторически формирующимися идеалами и нормами рациональности, являются производными от человеческих потребностей и внутренних источников человеческого развития»², о конкретно-историческом характере рациональности, о необходимости анализа рациональности самих потребностей и целей наиболее рельефно и непосредственно «работает» именно при анализе рациональности прак-

¹ Ойзерман Т. И. Рациональное и иррациональное // Вopr. философии. 1977. № 2. С. 85.

² Касавин И. Т. О социальном содержании понятия «рациональность» // Филос. науки. 1985. № 6. С. 66.

тики. Рассмотрение же практики (как в конечном счете и всякой деятельности) вне ее социального контекста позволяет охарактеризовать с позиций рациональности лишь отдельные фрагменты общественной практики при решении частных задач. К тому же при этом оказывается невозможным разграничить противоположные социальные действия (например, революцию и контрреволюцию).

Несмотря на наличие целого спектра типов и форм рациональности, выделяемых по различным основаниям³, а также множества аспектов самого понятия «рациональность», одним из существенных оснований для оценки любой (в том числе и практической) деятельности как рациональной является убежденность в том, что как сама деятельность, так и ее результат в достаточной мере обоснованы и представляют собой оптимальный из возможных вариантов. Причем речь идет не просто об единстве цели и средств деятельности, но и о содержательном анализе и сознательном выборе самих целей, выражающих определенные социальные потребности. При этом, конечно, осознается тот факт, что социальные потребности и цели не только многообразны, но и могут противоречить друг другу. Так, требование экономичности производства может противоречить требованию его экологичности. В качестве критерия оценки социальных потребностей и целей обычно в той или иной форме предлагается критерий социального прогресса. Этот критерий, безусловно, позволяет выстроить определенную иерархию целей и потребностей с точки зрения их оценки на «рациональность» и вносит дополнительные содержательные моменты в анализ рациональности практики. Естественно при этом, что оценка рациональности различных форм общественной практики с позиций критерия социального прогресса предполагает не только содержательный анализ целей деятельности, но и ее средств и их взаимосвязи.

Однако проблема рациональности практики заключается не только и не столько в разработке критериев для ее оценки, но и прежде всего в поисках форм ее рационализации. Практическая же деятельность, так же, как и ее результат, всегда целостна и конкретна. Следовательно, рационализация конкретных форм практики требует не просто учета иерархии социальных целей, что само по себе является сложной задачей в каждом конкретном случае и на каждом конкретном этапе общественного развития, но и нахождения вполне определенной формы их взаимосвязи, меры их согласованности. То есть определенная взаимосвязь социальных потребностей и целей должна быть «снята» в конкретных моделях практической деятельности и ее результатов. С учетом того, что формы практической деятельности постоянно усложняются, а число факторов взаимосвязей и последствий, которые должны быть учтены для рациональной организации общественной практики, возрастает, рациональность практики в современном обществе не может быть обеспечена стихийно, а требует предварительной специализирован-

³ Касавин И. Т. О социальном содержании понятия «рациональность». С. 66.

ной деятельности, в которой оптимальным образом согласовались бы самые различные, а зачастую и противоречивые социальные потребности, цели и нормы.

Такой деятельностью является проектирующая деятельность, становление которой в последние десятилетия происходит настолько бурно, что на сегодняшний день проектирование стало не менее важным социальным институтом, чем наука, и не менее массовой деятельностью, чем научная.

В процессе проектирования происходит не только «увязка» разнообразных социальных целей, но и определяются конкретные формы взаимосвязи целей и находящихся в распоряжении общества средств. Речь идет не только о практических возможностях общества, например, уровне развития производства, но и о новейших достижениях науки, ценностях культуры. Проектирование играет особую связующую роль в системе общественного воспроизводства. Именно в сфере проектирования происходит трансформация системы социальных потребностей и целей, научных и инженерных достижений, ценностей культуры, практических возможностей общества в конкретные модели желаемых для общества результатов и практической деятельности, направленной на их достижение. Следовательно, именно сфера проектирования является одним из существеннейших инструментов рационализации практики.

Сказанное выше не означает, что проектировочная деятельность не может вносить элементы нерационального или даже иррационального в практику. На XXVII съезде КПСС справедливо подвергались критике многочисленные ошибки проектировщиков, когда «в проекты включаются заведомо отсталые технические решения»⁴, вследствие чего проекты устаревают, еще не будучи реализованными. Сегодняшняя практика проектирования пока отстает от уровня, необходимого для решения задач, стоящих перед нашим обществом. В силу различных причин (несовершенство научного обслуживания и проектирования, неверное отражение социальных потребностей в проектном задании, использование устаревших методологических принципов и норм и т. д.) социальный институт проектирования не всегда способствует рационализации практики.

В задачи данной статьи не входит анализ норм и принципов рациональности собственно проектирования. Мы ограничиваемся рассмотрением влияния проектирования на практику. Отметим лишь, что необходимым условием как рациональности самого проектирования, так и рационализации практики через проектирование является высокий научный уровень проектировочных решений. Проектирование является важнейшим звеном и обязательным этапом на пути от науки к практике. Вопреки до сих пор распро-

⁴ Об основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года: Доклад Председателя Совета Министров СССР тов. Рыжкова Н. И. на XXVII съезде КПСС // Правда. 1986. 4 марта.

страненным упрощенным представлениям о том, что результаты фундаментальных и прикладных научных исследований «естественно» воплощаются в новой технике, технологии, производстве в целом (и еще шире — практике в целом)⁵, на пути от науки к практике имеется целый ряд промежуточных звеньев. Открытие и изучение плазмы не ведет «естественно» к термоядерному реактору, между изучением атомного ядра и созданием атомной энергетики — огромное расстояние. Прежде всего именно проектирование в различных его формах является тем звеном, через которое осуществляется рационализирующее влияние науки на практику. Необходимо отметить также, что через проектирование осуществляется взаимное влияние науки и практики, сближение и взаимодействие рациональности науки и практики.

Однако при разработке конкретных приемов ориентация на новейшие научные достижения может столкнуться с определенными трудностями, например, отсутствием ряда условий, недостаточной зрелостью самой практики для реализации таких проектов. Проект же всегда ориентирован на практическую реализацию. С другой стороны, создание проектов исключительно под уже сложившиеся условия ведет к их быстрому старению. Рациональность организуемой проектом практики в таком случае быстро становится нерациональностью, обнаруживает в процессе развития свою крайнюю ограниченность. Выход из этой ситуации, на наш взгляд, в поддержании определенной дихотомии функций проектирования. Среди различных методологических принципов современного проектирования и требований к нему, достаточно активно обсуждаемых в литературе⁶, этот пока не получил должного освещения.

Представляется, что социальный институт проектирования должен быть ориентирован (в определенной степени так оно и есть) на выполнение двух функций: непосредственно-практической и ценностно-ориентирующей. Если интересный проект, опирающийся как на новейшие достижения науки и культуры, так и на перспективы самой практики и тенденции развития социальных потребностей, не принят к реализации или даже вообще не может быть реализован в имеющихся условиях, это не означает, что он не имеет самостоятельного значения и должен быть оценен как «плохой» и нерациональный. Точно так же было бы ошибочно автоматически зачислять в «хорошие» и рациональные те проекты, под реализацию которых имеются все необходимые условия.

Следует согласиться с К. М. Кантором в том, что для культуры (добавим — и для практики) «наличие нереализованных проектов

⁵ См., напр.: Зотов А. Ф. Диалектика развития науки // Вопр. философии. 1976. № 1. С. 114, 115.

⁶ Фундаментальный в этом отношении характер носит работа: Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании: Теория и методология. М., 1975.

не менее важно, чем реализованных»⁷. Такие проекты, с одной стороны, утверждают в общественном сознании определенные «нормы» будущего, а с другой, — стимулируют творческую активность проектировщиков. Преодоление исторической ограниченности рациональности форм практической деятельности, выход из ситуаций проблематизации рациональности осуществляется не за счет следования сложившимся стандартам, а за счет их нарушения, не при условии следования лишь имеющимся средствам, а за счет их развития. Становление новых форм рациональности практики, преодоление ситуаций периодического нарастания элементов нерациональности или даже иррациональности облегчается при наличии спектра вариантов проектов, выполняющих поначалу преимущественно ценностно-ориентирующую функцию. Наличие такого спектра обогащает арсенал проектировочных решений, позволяет не только организовать сегодняшние формы практики, но и быть готовыми к изменению ее форм, быстро и гибко реагировать на изменившиеся социальные потребности и условия.

По нашему убеждению, ценностно-ориентирующие функции проектирования будут усиливаться. Эта тенденция обусловлена, с одной стороны, продолжающимся бурным становлением и развитием социального института проектирования, развертыванием его собственных возможностей и механизмов, а с другой стороны, необходимостью постоянного совершенствования форм рационализации общественной практики. Определенная дихотомия практической и ценностно-ориентирующей направленности проектирования (хотя и неравноправная, при доминировании практической) является дополнительным стимулом развития как самого проектирования, так и практики («подтягивание» практики, поиск и разработка средств, которые позволили бы реализовать наиболее интересные, перспективные проекты).

Рассматривая становление и развитие проектирования как необходимое условие и важнейший инструмент рационализации практики, необходимо отметить тенденцию современного проектирования ко все большей глобальности и проникновению в другие виды деятельности.

Эта тенденция проявляется прежде всего в том, что объектами проектирования становятся все более сложные системы (в том числе и системы деятельности). При этом круг объектов проектирования и соответственно видов проектирования постоянно расширяется. Наряду с традиционными объектами появляются нетрадиционные, такие, как предметная среда, экономическая среда, стратегия поведения (формы, отрасли), культурная деятельность, система «человек-машина» и т. д. Формируются такие виды проектирования, как системное, дизайн, социальное, инженерно-психологическое. Возникает стремление и необходимость рассматривать

⁷ Кантор К. М. Социально-философское объяснение проектных возможностей дизайна // Вопр. философии. 1981. № 11. С. 94.

отдельные виды проектирования во взаимосвязи как звенья единого механизма. Более того, ряд авторов считает, что проективность вообще характерна для современного мышления и современной культуры⁸.

Другим проявлением названной тенденции является появление перспективного проектирования, когда создается несколько скорректированных между собой проектов, каждый из которых создает реализацию проектируемого объекта по отношению к различным моментам будущего.

Проектирование сегодня проникает не только в сферу производства, но и также в сферы управления, обучения, науки и т. д. Так, например, в настоящее время как прикладные, так и фундаментальные научные исследования зачастую проводятся и планируются для обеспечения различного рода перспективных проектов и комплексных программ. Примером этого может служить перспективный проект развития национальной энергетики в США «Независимость», проекты сложных систем связи и т. д., требующие развертывания целой системы научных исследований, обеспечивающих возможность детализации и реализации этих проектов. Представляется, что сегодня вполне можно говорить о нарушении традиционной линейной схемы «фундаментальные исследования — прикладные исследования — проектные разработки».

Конечно, отчасти эти процессы в проектировании связаны с имманентным развитием его возможностей и развитием науки, улучшением научного «обслуживания» проектирования и т. д. Но в решающей мере это связано с усложнением форм практической деятельности и потребностями ее рационализации. Происходящие в современном, прежде всего социалистическом, обществе процессы усиления взаимосвязи между отдельными видами, формами, актами деятельности, например, между техническим, экономическим и социальным творчеством, деятельностью по развитию технического и личностного факторов производства, производственной и внепроизводственной сферами деятельности, все острее очерчивают поиск форм рационализации деятельности, прежде всего практической. Это в свою очередь ставит все новые задачи перед проектированием и обуславливает происходящие в нем изменения. Представляется, что по мере возрастания целостности социалистического общества (а такая тенденция отмечена в новой редакции Программы КПСС) будет, с одной стороны, возрастать внимание к проблемам проектирования и методологии проектирования, а с другой, — будет усиливаться влияние социального института проектирования на разнообразные процессы рационализации общественной практики. Это обстоятельство значительно повышает ответственность проектировщиков перед обществом за рациональность или нерациональность результатов своего труда.

⁸ См.: Сидоренко В. Ф. Генезис проектной культуры // Вopr. философии. 1984. № 10.

По своему месту в системе общественного воспроизводства проектирование призвано во все возрастающих масштабах ограничивать элементы стихийности в человеческой деятельности, прежде всего ведущих к ее неблагоприятным стихийным последствиям. Полностью преодолеть стихийные последствия человеческой деятельности невозможно в силу исторической ограниченности рациональности форм практической деятельности. Развитие социалистического общества сопровождается ростом элементов сознательности в человеческой деятельности, но, с другой стороны, усложнение форм деятельности и укрепление взаимосвязей между ними постоянно порождает возможность для возникновения непредвиденных стихийных последствий общественной практики. Одна из задач проектирования — максимально учитывать возможные последствия деятельности и находить оптимальные варианты, разрабатывать оптимальные модели желаемых для общества результатов и ведущих к ним путей.

Как уже отмечалось в начале статьи, рациональность деятельности предполагает выбор наилучшего из возможных вариантов. Однако возможности построения различных вариантов деятельности на практике с целью их анализа и выбора оптимального из них по крайней мере очень ограничены, а зачастую и невозможны. Деятельность по разработке, оценке и выбору различных вариантов, желаемых для общества результатов и ведущих к ним путей должна носить чисто семиотический характер. Такой особой, специализированной деятельностью является проектирующая деятельность. Будучи направленным на разработку моделей объектов и способов их создания, удовлетворяющих определенные социальные потребности, проектирование носит вариативный характер, так как любая социальная потребность, а тем более их система, может быть реализована с помощью ряда альтернативных средств. В результате процесса проектирования осуществляется сознательный выбор одного из «проработанных» вариантов. В простых формах практики анализ возможных вариантов и выбор одного из них осуществляется самим субъектом практики, часто интуитивно. По мере усложнения форм практической деятельности, усложнения социальных целей и задач, усиления элементов сознательности и плановости в развитии общества, а также роста практических возможностей общества и его научного потенциала, проектирующая деятельность все в большей степени приобретает характер самостоятельной специализированной деятельности и оформляется в особый социальный институт.

С нашей точки зрения, вариативность является основой творчества в проектировании, его фундаментальной чертой. Именно в способности разрабатывать различные варианты моделей и выбирать оптимальный из них — суть проектного творчества, а отнюдь не в получении нового знания об объекте, как иногда полагают. При этом мы, безусловно, не отрицаем ни гносеологических функций проектирования, ни того, что в процессе проектирования про-

исходит своеобразная организация и трансформация знаний, ни возможности в процессе проектирования получить новое знание (как «побочный» продукт проектирования).

Причем вариативность проявляется на любом этапе процесса проектирования, начиная с этапа постановки целей и формулировки проектировочных задач и кончая разработкой окончательного проекта. Вариативность характерна для любого вида проектирования независимо от того, связана проектировочная задача с созданием качественно новых объектов или носит оптимизирующий характер.

Уже на первом этапе проектирования возможны различные варианты подхода к решению проектировочной задачи в зависимости от доминанты в осознании социальных потребностей и целей проектирования. В рамках различных подходов формируется и различное «смысловое поле» проектировочной задачи.

Затем процесс решения проектировочной задачи можно представить как проблему заполнения «черного ящика», когда заданы вход (опорные теоретические представления проектировщика, включающие не только знания и опыт, но и некоторые мировоззренческие представления о мире, человеке и обществе, а также категориальной парадигме проектирования) и выход (система требований к объекту проектирования).

Возможность различных вариантов заполнения «черного ящика», необходимость поиска оптимального варианта требует определенных эвристических средств закрепления промежуточных результатов деятельности проектировщиков. Таким средством является исходная проблемная модель, на которой (а их может создаваться несколько) «проигрываются» различные варианты проектов.

Дальнейший процесс проектирования предполагает доведение первоначальной проблемной модели до статуса продуктивной модели. А это в свою очередь требует решения двух задач: во-первых, проблемная модель должна быть доработана до уровня, допускающего реализацию; во-вторых, собственно оптимизацию. Проблемная модель — это еще своего рода эскиз будущего объекта. Чтобы стать продуктивной моделью, она должна быть дополнена множеством конкретных проектировочных решений, без которых ее воплощение невозможно. Причем одна и та же проблемная модель может быть воплощена во множество продуктивных, которые должны быть проанализированы с точки зрения специальности.

Все эти шаги в процессе проектирования связаны с разработкой и выбором различных вариантов проектировочных решений. После ряда шагов проектировщику все же приходится останавливаться на определенном варианте, который оценивается проектировщиками как наиболее рациональный с точки зрения достижения обществом желаемых практических результатов. При этом мы не касаемся одной существенной проблемы, требующей самостоятельного анализа.

Таким образом, важнейшим условием рационализации форм общественной практики является развитие и совершенствование практической деятельности. Проектирование — необходимый этап и инструмент рационализации практики.

А. А. МАКСИМОВ, В. В. НИКОЛИН
Уральский университет

Проблема рациональности общественного производства в условиях социализма

Задачи перестройки нашего общества остро ставят вопросы по теоретическому осмыслению глубинных основ и противоречий развития всех сфер — политических, экономических, духовных — социализма как системы. Сейчас становится очевидно, что взгляды, не так давно господствовавшие в обществоведении, о жесткой детерминации направленности развития социалистической системы устарели, и общественное знание все более приходит к выводу об альтернативности развития социализма при сохранении некоторых одних и тех же субстанциональных оснований. Это с необходимостью ставит перед субъектом перестройки проблему выбора альтернатив, нахождения критерия, позволяющего выделить наиболее соответствующий путь сущностным закономерностям социализма. Очевидно, что проблема рациональности вообще и проблема рациональности общественного производства в частности приобретает актуальное значение.

Мировое развитие социальных систем продвинулось настолько, что классический капитализм с его отношениями свободной конкуренции канул в прошлое. Сейчас не только в социалистических системах хозяйства, но и в капиталистических доминирует положение, когда государственно-политические структуры активно взаимодействуют с экономическими структурами и сам факт существования и функционирования системы общественного производства без взаимодействия с такими структурами невозможен даже в абстракции. При всей общности данной тенденции и субстанциональные основания социализма, и задача перестройки социалистического общества требуют специального анализа проблемы рациональности социалистического производства.

Еще более очевидной станет отмеченная выше проблема, если мы обратимся к дискуссиям по социально-экономическим проблемам. Как указывает К. Микулинский в социально-экономических взглядах, еще присутствует представление, когда противопоставляются политические требования эффективности хозяйствования экономическим, где трактуют политику как средство борьбы против коммерческого подхода, против соблюдения критерия эквивалент-

ности в обмене деятельностью между отраслями, предприятиями, работниками¹.

Не следует думать, что такой философско-социологический анализ рациональности общественного производства даст конкретный критерий эффективности в конкретном случае, но то, что он позволит синтезировать два аспекта проблемы — гуманистический и экономический, несомненно.

В рамках философского рассмотрения проблема рациональности имеет давние традиции и наработанные как историко-философские, так и теоретические основания. В то же время в экономической литературе, не говоря о проблеме, само понятие рациональности употребляется интуитивно. Чаще всего оно сводится к таким понятиям, как рентабельность, эффективность, оптимальность и т. д. Тем самым сущностную характеристику общественного производства сводят к той или иной его определенной стороне, что затрудняет выяснение глубинных закономерностей социализма. Несомненно, что понимание рациональности в такой односторонней форме дает возможность выявить некоторые противоречия социалистического общества, такие, как противоречия производства и управления, производства и потребления. Но речь должна идти, когда мы говорим о рациональности в ее категориальной форме, о сущностных закономерностях социалистического производства в их развитии, а не о внешних, пусть на данном этапе и занимающих важное место, противоречиях.

В современном научном познании проблема рациональности в общеметодологическом плане ставится как проблема противопоставления научной рациональности другим ее формам. Важной задачей здесь является рассмотрение оснований рациональности, нахождение того общего, что позволяет объединить различные формы мышления (коль скоро чаще всего рациональное относится к мышлению) и деятельности общим признаком и придать им статус рациональности. Нам представляется справедливым утверждение о том, что проблема рациональности относится в первую очередь к практической деятельности человека². Более того, как подчеркивает Т. И. Ойзерман, труд как целесообразная и целенаправляющая деятельность человека, опосредуя его мышление, является парадигмой рационального³. В таком случае материальное производство выступает определяющей формой рациональной организации людей, «основные особенности которого относятся и к другим

¹ Возможна ли экономическая реформа без перестройки в политике? (За круглым столом Института экономики АН СССР и журнала «Вопросы экономики») // *Вопр. экономики*. 1988. № 6. С. 3.

² См.: Богомолов А. С. Диалектика и рациональность // *Вопр. философии*. 1978. № 7. С. 101.

³ См.: Ойзерман Т. И. Рациональное и иррациональное // *Вопр. философии*. 1979. № 8. С. 95.

видам разумной деятельности»⁴. Из того факта, что мы связываем понятия рациональности, материального производства и формы человеческой деятельности, вытекает ряд важных положений. Первое — сама рациональность как одна из форм деятельности исторически обусловлена и модифицирует свое содержание со сменой общественно-экономических формаций. Второе — само понятие рациональности является внутренне противоречивым как в силу противоречий производства как развивающейся системы, так и в силу противоречий объективного и субъективного в системе общественного производства.

Любое производство имеет черты или определения «общие всем ступеням производства, которые фиксируются мышлением как всеобщие; однако так называемые всеобщие условия всякого производства суть не что иное как эти абстрактные моменты...»⁵, видимо, и рациональность как всеобщая характеристика производства имеет такие всеобщие абстрактные моменты, вытекающие из определений деятельности. В качестве таких моментов, общих всем историческим фазам производства, можно выделить соответствие целей, средств и результатов деятельности, поскольку только в таком случае производство приобретает характер целеполагания, осмысленности, осознанности, т. е. к нему приложим предикат рациональности. Но эти абстрактные моменты рациональности производства таковы, что с их помощью нельзя понять ни одной действительной ступени производства. Для анализа исторической модификации рациональности производства или оценки деятельности людей в данной ее форме как разумной необходим содержательный анализ производства с точки зрения целей, средств, результата. Так, можно указать, что в условиях классического капитализма на основе фабричного производства цель — достижение прибавочной стоимости — пришла в противоречие с субстанциональными основаниями деятельности и как результат вся деятельность капиталистической системы в тот период оказалась иррациональной. М. Н. Мамардашвили, характеризуя движение капиталистического способа производства в противоречии рациональности — иррациональности, образно сравнивает его с лучом прозрачности, каким агент экономического действия ориентируется во всей системе хозяйствования, по способности его охватить все точки производства не по степени, а в принципе⁶. Следует сказать, что аналогичное противоречие, основанное, правда, на других функциональных основаниях, присутствует и в социалистической системе хозяйства.

Характеризуя проблему рациональности социалистического общественного производства, определяющее значение следует придать целям и фундаментальным характеристикам способа производства. Действительно, еще не так давно считалось, что в условиях обще-

⁴ См.: Там же.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 1. С. 24.

⁶ См.: Мамардашвили М. Н. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси, 1984. С. 56.

ственной собственности на средства производства и плановом характере процесса организации производства проблема его рациональности либо вообще не ставится, либо ставится как частная. Действительность уже достаточно очевидно показала, что ориентация материального производства на достаточно абстрактные цели с теоретической точки зрения практически оборачивается ориентацией производственной деятельности на цели превращенные, что приводит всю деятельность материального производства к иррациональности. Примеров тому множество. Классики марксизма подчеркивали, что общественная собственность на **условия производства** и сознательная регуляция и организация производства всего лишь предпосылка, которая предпосылкой и останется, если в качестве цели не будет выступать производство человека и производство формы общения⁷. Только с началом такого развития можно говорить о рациональности производства в полном смысле этого слова. В политэкономических категориях движение к данной форме рациональности выражается как противоречие между целью непосредственного производства и целью развития субъекта труда. Все другие моменты формы общественного производства производны от этого противоречия и, следовательно, более непосредственны.

Противоречие целей непосредственного производства и субъекта труда проявляется через движение категорий совокупного рабочего и конкретного рабочего. Со стороны совокупного рабочего производственная деятельность выступает как производство, со стороны конкретного рабочего — как труд. Следует признать, что производительная деятельность с развитием общественного производства в условиях социализма, когда целью непосредственного производства являлось накопление абстрактного труда в его натурально-вещной форме (которое в свою очередь внешне выражалось в превращенной количественной форме: объемы, тонны, гектары), приобретала характер производства ради производства, а со стороны конкретного рабочего труд приобретал все более формальный характер, являлся внешним по отношению к индивиду, что выражалось в бегстве от труда. Иррациональность такого положения осознана сегодня всеми. Но важно выделить возможные тенденции развития общественного производства, позволяющие разрешить данное противоречие.

В условиях социализма со стороны процесса труда можно выделить две тенденции: во-первых, это путь всемерной автоматизации производства, когда на уровень его развития все большее влияние оказывает не необходимое рабочее время, а уровень развития науки и степень ее применения в производстве. Наука в данном случае оказывается мощным средством рационализации производства, существенной характеристикой данного процесса. Наряду с указанной выше тенденцией действует и другая, внешне противоположная ей, когда возрастает роль живого труда и человек ста-

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 26.

новится главной производительной силой и главным богатством. Тогда повышение культуры в широком смысле слова наряду с тем, что это является социальной задачей социализма, начинает выступать также и практической необходимостью производства. Однако, если рассматривать производство непосредственно, отмеченная выше тенденция существует двояко: с одной стороны, это противоположность специализации конкретного рабочего с универсальным развитием совокупного, а с другой, — развитие совокупного рабочего через универсальное развитие конкретного рабочего, говоря философским языком, через гармоническое развитие личности. Рассмотрим отмеченное противоречие подробнее.

Специализация конкретного рабочего тесно связана с углублением разделения труда, массовостью производства и есть существенный момент автоматизации как физического, так и умственного труда. На протяжении XVIII—XIX вв. происходило преимущественно сужение относительной доли физического труда и возрастала доля умственного труда (рост числа бухгалтеров, контролеров, счетчиков). Развитие вычислительной техники автоматизирует преимущественно умственный труд, поэтому когда мы говорим о вытеснении работника из сферы непосредственного труда в сферу контроля и управления, надо учитывать, что работник вытесняется и из сферы умственного труда. Специализированный труд более производителен и тем самым увеличивает долю свободного времени, что является мерой развития общества. Но одновременно специализация является технологической основой автоматизации труда.

Отмеченный процесс ставит остро проблему соотношения свободного и рабочего времени, поскольку интенсификация труда и увеличение свободного рабочего времени определяют отношение работника к непосредственному труду. Если интенсивность труда повышается, то интерес работника к данному труду, а вместе с ним и активность его снижаются. Утрачивается значение работника как субъекта труда. Внешне удлинение свободного времени и интенсификация рабочего кажутся взаимоисключающими. В таком случае освобождение труда выступает как «освобождение от труда». Но это чисто внешне. В действительности в условиях перестройки системы общественного производства происходит и перестройка самого процесса труда. В этом случае труд со стороны конкретного рабочего станет носить творческий в своей тенденции характер или явится повышением свободы рабочего времени. Освобождение труда в этом случае выступит как «освобождение для труда».

До настоящего времени увеличение свободного времени индивида, т. е. в жизни «для себя», сопровождалось интенсификацией рабочего времени в сфере жизни индивида «для общества». А так как возрастающая интенсификация требовала возрастания периода восстановления, то это выливалось в появление дефицита свободного времени и снижение активности работника в рабочее время. «Освобождение человека для труда» может вести к повышению

творческой активности работника, делая его труд более интересным и повышая качество и производительность труда. Повышение интенсивности труда исходит от самого работника, который по собственной инициативе занимается интересным трудом в свое свободное время. Таким образом, работник становится активным преобразователем процесса труда и уничтожает несовместимость свободного и рабочего времени.

Наиболее ярко эта тенденция проявляется в духовном производстве (что является предпосылкой отождествления научного труда со всеобщим). Научный труд как момент духовного производства содержит не просто созидательную способность труда, но и требует непосредственного, активного участия конкретного работника в творческой деятельности. Действительное развитие труда здесь неразрывно связано с действительным развитием конкретного ученого со стороны его творческих способностей. Но какова экономическая возможность развития процесса труда в таком направлении?

В современном производстве применение научных достижений часто становится орудием капитала против рабочего, да и против ученого⁸, когда труд приобретает полуавтоматический, конвейерный характер. В этом случае труд рационализируется, но с точки зрения субъекта труда он теряет свой рациональный смысл. В связи с этим необходимо ускорять автоматизацию для более быстрой перестройки технологического базиса рационализированного труда, одновременно расширяя поле рациональности труда. Расширение этого поля рациональности труда одновременно станет источником качественного преобразования как непосредственного труда, так и труда по производству и управлению. Рациональность труда в этом случае не может быть сведена к поиску варианта, при котором затраты труда минимальны, а с необходимостью включает в себя и оценку качественного содержания труда. Возможны варианты, когда затраты труда оказываются «неоптимально» большими, но от этого выигрывает и общество и работник.

Итак, если в рамках тенденции «освобождения от труда» развитие человека выступает средством, то в «освобождении для труда» — целью развития общественного производства. При этом в определении рациональности труда на первый план выдвигается способ соединения свободного и рабочего времени, осуществление действительного освобождения работника для творческого труда. Мерой же его рациональности является становление труда в качестве первой жизненной необходимости.

Наряду с указанными характеристиками процесса труда в условиях социализма происходит дальнейшее развитие противоречия производительного и непроизводительного труда. Развитие данного противоречия непосредственно связано с диалектикой цели и

⁸ Мотрошилова Н. В. Наука и ученые в условиях современного капитализма. М., 1976. С. 152.

средств общественного производства и, следовательно, с конкретной формой рациональности производства. Можно утверждать, что форма данного противоречия и способ его разрешения выражают меру развитости общественного производства и, значит, степень его гуманизации.

В политэкономической науке до настоящего времени понятие производительного труда связывалось с системой материального производства, а непроизводительного — за пределами такового. В основе такого подхода находятся методологически неверно понятые положения К. Маркса о производительном труде и непроизводительном. Действительно, К. Маркс указывал, что в условиях капиталистического способа производства производительный труд — это в основном труд, производящий прибавочную стоимость, а поскольку она выражалась преимущественно в товаре, т. е. в главном образом в форме вещи, то доминировало материальное производство⁹. Но отсюда совсем не следует, что с развитием общественного производства соотношение материальной, вещной формы и не вещных форм производства будет неизменным. Проблема соединения экономических и социальных аспектов общественного производства доказывает это положение непосредственно.

В какой-то мере положение о производительном труде только в сфере материального производства действительно отражало положение дел, поскольку в 30—50-х гг. производство человека как цель социалистического способа производства носило больше декларативный, формальный характер, тогда как реально цели производства и сам характер его развития носили вещную форму. Но в настоящее время такая форма общественного производства пришла в противоречие с субстанциональными основаниями бытия человека и как биологического, и как социального существа. В политической экономике данная проблема выражается как задача изменения воспроизводственных функций общественного производства, а следовательно, изменения целей и структуры его организации. Классики марксизма неоднократно отмечали, что система общественного производства всегда есть единство двух моментов: производства вещи и производства человека. Реальная практика еще раз со всей остротой доказывает нам это положение, когда мы видим, что социальные аспекты производства — это столь же производительные элементы, сколь и материальные вещественные его аспекты. Тем самым труд учителя, матери, воспитывающей детей, является производительным трудом, поскольку здесь осуществляется непосредственное производство человека как главной производительной силы.

Тем самым понимание рациональности общественного производства должно содержать системные характеристики, отражающие интегральные социально-экономические закономерности, а не просто технологические, экономические связи агентов производства.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26, ч.1. С. 156.

Движение отмеченных выше противоречий подводит еще к одной важной особенности производства, развитие которой будет влиять на разрешение противоречия между целью непосредственного производства и целью развития субъекта труда, а тем самым и на развитие рациональности социалистического производства. Такой особенностью является взаимосвязь организационных структур общества, характер такой взаимосвязи.

На XIX партийной конференции с особой остротой был поставлен вопрос о дальнейшем развитии демократических начал нашего общества. Это требование относится не только к политической, социальной сфере, но и в первую очередь к производственно-экономической. История развития социальных систем показала, что демократизация как форма развития социальных структур возможна лишь в одном случае — экономической самостоятельности субъекта производства, — и только в этом случае возможно движение к совпадению цели непосредственного производства и субъекта труда. Такое движение в общественном производстве выражается через расширение социальной основы субъекта общественного производства, что в политэкономических категориях выражается как возрастание роли человеческого фактора. Со стороны социальной структуры отмеченные процессы выступают как процессы смены формы собственности, где государственная форма собственности в ее специфическом ведомственном виде меняется на специфическую коллективную форму собственности. В основе коллективной формы собственности находится многообразие ее проявлений как условие ее существования. С этой точки зрения сущностные характеристики хозрасчета как формы организации социалистического производства еще требуют своего анализа. Но нам бы хотелось отметить другую сторону проблемы. Понимание рациональности общественного производства как совпадения целей непосредственного производства и цели развития субъекта труда с необходимостью обуславливает процессуальный характер рациональности. Тогда в качестве существенного вопроса является вопрос о формах такого движения или о формах рациональности.

На наш взгляд, в системе общественной организации одной из главных проблем является проблема соотношения рынка, государства и «гражданского общества». Во времена, когда данная проблема перед общественным сознанием не стояла, рациональное в его приложении к общественной организации отождествлялось с централизованным регулированием, а иррациональное — со стихийностью. Но стоящая перед обществом проблема требует изменения понимания рациональности общественного производства, где воспроизводство человека должно выступать в качестве определяющего положения.

О критериях рационального характера идеологического процесса в условиях социализма

Поскольку массовое сознание — часть идеологического процесса, то от его состояния, качественного своеобразия зависит спосеб разрешения диалектического противоречия между идеологией и массовым сознанием¹.

Массовое сознание — наиболее изменчивая, подвижная, быстро реагирующая на реалии жизни сторона противоречия. Законы, по которым оно развивается, обладают спецификой в сравнении с законами развития идеологии. В частности, и на массовое сознание, и на идеологию оказывает влияние их предшествующее состояние, так называемая «социальная память». Но механизмы, степень, характер влияния предшествующих этапов на настоящий — различны.

Качественные сдвиги в обществе отражаются в массовом сознании; можно выделить то новое, что появилось в нем за последние десятилетия, а затем подвергнуть это «суду» рациональности, приняв к этому новому мерку рационального. То же можно проделать и со второй стороной противоречия — идеологией.

Выполнив такие операции, мы сможем сделать вывод: соответствуют ли друг другу со стороны своей рациональности явления, обусловленные одними и теми же фактами объективной действительности, т.е. имеющие одно основание, базу, но относящиеся к разным сторонам противоречия. Каков характер взаимодействия между этими образованиями в массовом сознании и соответствующими им — в идеологии?

Обратимся к идеологии. С каким же качественным «багажом» пришла идеология к перестройке? Какова была парадигма идеологической деятельности в рамках идеологического процесса?

Под парадигмой идеологической деятельности мы понимаем совокупность осознанных или неосознанных предпосылок, действующих в каждом из моментов идеологического процесса, преломляющихся специфическим образом в каждой из форм общественного сознания, которая может нести идеологическую нагрузку. Эти предпосылки идеологической деятельности — своего рода система стереотипов, существующая в общественном и индивидуальном сознаниях и обращенная к различным сторонам и элементам идеологического процесса.

При этом ключевым моментом в идеологической деятельности мы считаем контрастное, без полутонов, метафизическое противопоставление двух общественных систем: социализма и капитализма.

¹ Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966. С. 169.

Одна из причин возникновения концепции двух изолированных систем, миров, согласно которой в одном все со знаком «плюс», а в другом — «минус», заключается в том, «... что действительно великие революции рождаются из противоречий между старым, между направленным на разработку старого и абстрактным стремлением к новому, которое должно уже быть так ново, чтобы ни одного грана старины в нем не было»².

Соответствующий характер носило противопоставление человека социалистического общества человеку буржуазного. Оно не является научной констатацией. К. Маркс заметил в отношении противопоставления буржуазного индивида феодальному, что «... эта иллюзия была до сих пор свойственна каждой эпохе»³. Представляется, что она не чужда эпохе, начатой Октябрьской революцией.

Человек социалистического общества рассматривался, виделся как заключающий в себе с необходимостью сущностные черты этого общества. «Именно поэтому социально и исторически необходимое (а в моральной форме выражения этой необходимости — должное) выступает для этого индивида как его же собственный, «естественный» или разумный, но все равно частный интерес»⁴. И хотя эти слова относятся к пониманию человека в философии французского просвещения, нам видятся здесь общие моменты, поскольку в идеологической реальности действительно была снята на долгое время проблема согласования общественных и личных интересов.

В рамках статьи невозможно подробно остановиться на становлении существенных моментов парадигмы идеологической деятельности. Представляется безусловным, что этот процесс тесно связан с политической борьбой 20—30-х гг. Важной вехой этой борьбы был, как известно, XIV съезд партии.

Выступавшая на съезде Н. К. Крупская видела беду в идеализации нашего строя⁵, опасность — в переоценке достигнутого: «... В докладе тов. Молотова... было то же увлечение, иллюзии, как и у тов. Бухарина: он видит «желаемое и ожидаемое как бы в настоящем»⁶. Увы, дальнейшее развитие нашего общества было тесно связано с этой иллюзией, назовем ее иллюзией совпадения должного и сущего. Укоренилась она и во всех фазах идеологического процесса, стала звеном парадигмы идеологической деятельности на долгие годы. И только на июньском (1983) Пленуме ЦК КПСС прозвучало, что «... речь идет и о том, чтобы не толковать развитость, зрелость советского общества как его полное совершенство, не идеализировать достигнутое»⁷.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 401.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. ч. 1. С. 17—18.

⁴ Дробницкий О. Г. Понятие морали. М., 1978. С. 55.

⁵ См.: XIV съезд ВКП(б). 18—31 дек. 1925 г. М.; Л., 1926. С. 162—163.

⁶ Там же. С. 163.

⁷ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г. // Вопр. философии. 1983. № 7. С. 21.

Продолжавшееся в 20—30-х гг. сосредоточение огромной власти в руках одного человека, следовавшие один за другим разгромы оппозиций и уклонов формировали реальную парадигму идеологической деятельности, которая все более отходила от идеальной, марксистско-ленинской. Адекватность тех или других теоретических построений объективной действительности проверялась не практикой, а выяснением политической направленности их авторов. Теории и концепции, исходившие от лиц, имевших малейшее отношение к оппозиции, считались в лучшем случае ошибочными. Это разительно отличалось от методологии В. И. Ленина, который «... к изучению действительности ...подходил всегда с этой величайшей честностью, умел смотреть правде в глаза и он умел учиться у врага. Если враг правильно оценивал какое-нибудь явление, В. И. не смотрел на то, что оценка исходит от врага, он пользовался ею, чтобы найти правильный подход к факту»⁸.

Одной из детерминант выдвижения идеологии (теории) на первый план и надления ее абсолютной автономностью по отношению к общественному бытию было отражение массовым сознанием (в том числе идеологов) происходившего в стране сознательного построения нового общества. При этом все, что намечалось — выполнялось или создавалась видимость выполнения. Объективная видимость была такова, что действительность приводилась в соответствие с идеологией, теорией, что не только свидетельствовало об адекватности ее объективной действительности, но и создавало известную почву для фетишистских настроений. Именно об этом и говорила, в частности, Н. К. Крупская на XIV съезде партии, но возобладала, как известно, другая точка зрения. Эта детерминанта и «абстрактнейшее стремление к новому», подкрепленные политическим авторитетом носителей этого стремления, задавали широкие рамки для порождения оптимистических представлений о безграничных возможностях идеологии, и, более широко, о возможностях рационального знания в практической деятельности.

Поскольку в идеологической реальности, принимаемой идеологами за истинное отражение объективной действительности (и поэтому за нее саму), созданы социалистические отношения, а в жизни достаточно еще лиц, демонстрирующих асоциальное, несоциалистическое поведение, то этот факт, это противоречие нужно как-то объяснить. Заметим, что идеологи полны уважения к продукту своего труда, поскольку они имеют дело с общим, а сам процесс становления существенного в идеологической реальности происходит в форме приращения рационального знания. Установочные, прецедентные суждения и оценки поступают в этой форме с верхних этажей организационных структур. Следует вывод, что лица с отклоняющимся поведением не «включены» еще в социалистические отношения. Поэтому их необходимо «окружить сетью

⁸ Крупская Н. К. Воспитание молодежи в ленинском духе // Мол. гвардия. 1925. С. 167.

кружков» и т. п., чтобы они, подвергнутые рациональному прояснению со стороны «воспитателей», начали идти в ногу со всеми. Но жизнь сложнее всяких схем. Это ясно и идеологам. Следует не упускать из виду, что есть еще пережитки прошлого, необходимо бдительно охранять незамутненную чистоту идеологии от «ташторного влияния Запада».

Становится понятным декларируемое не одно десятилетие хроническое отставание сознания от бытия, если мы обратим внимание на то, что «бытие» для ряда идеологов есть бытие идеологической реальности. В обстановке, когда направляющие, этапные мысли исходят от политического вождя, наделенного безграничной властью над миллионами носителей массового сознания, оно не только с необходимостью должно «отставать» (в отражающем этот процесс сознании идеологов), но и с не меньшей необходимостью стать «обыденным», должно быть лишено многих качеств, присущих «нормальному» человеческому сознанию. Происходящее в теории разделение на «воспитателей» и «воспитуемых», на активное начало и пассивное — идеологическое отражение практики функционирования идеологического процесса в определенных конкретно-исторических условиях.

Таковыми нам видятся некоторые существенные черты формирования концепции человека — своего рода «человека идеологического», «человека рационального» — в реальной парадигме идеологической деятельности.

Из иллюзии совпадения должного и сущего и определенного образа субъекта потребления духовных продуктов следует известный образ субъектов идеологической деятельности с характерной концепцией совпадения в их лице идеальной и реальной парадигм⁹. Такой взгляд на субъектов идеологической деятельности приходит «... неизбежно... к тому, что делит общество на две части, одна из которых возвышается над обществом»¹⁰.

Философы-профессионалы выражают озабоченность по поводу «крена» в сторону рационального. А. П. Бугаев в рецензии на второе издание книги Н. Б. Биккенина «Социалистическая идеология» пишет: «... Несколько односторонними нам кажутся некоторые оценки автором общественной психологии как достаточно зыбкого мира эмоций, настроений, более податливого на внешние воздействия, чем теоретическое осознание... Ведь именно социально сформированные и направленные чувства и воля позволяют человеку не только выстоять, но и преодолеть ситуации, не поддающиеся

⁹ «Воспитатель, однако, всегда выступает в роли «как бы имеющего» все те качества, которые он стремится привить тем, кого он воспитывает. Но последние обычно диагностируют подлинные качества воспитателя. И если обнаруживается несоответствие, его авторитет оказывается под вопросом», — выступал Д. И. Дубровский в ходе обсуждения «Проблем коммунистического воспитания и развития личности на современном этапе» в журнале «Вопросы философии» (1985. № 6 С. 33).

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 3.

контролю разума и не укладывающиеся ни в одну логическую схему»¹¹.

Е. В. Шорохова высказывает мнение, что «... сегодня в воспитании порой проявляется господство рационального начала над чувствами. Но вряд ли целесообразно это преобладание культивировать в современных условиях»¹².

В статье А. И. Титаренко «Роль чувств — в морали, принципа сенсуализма — в этике» предпринимается безуспешная, на наш взгляд, попытка критически пересмотреть отжившие стереотипы. Речь идет, по сути дела, о преодолении конкретизировавшейся в рамках этики концепции личности — «человек идеологический», «человек рациональный».

Наряду с «борьбой за чувства» одним из направлений переосмысления реальной парадигмы выступает критика негативного отношения к общественной психологии (и обыденному сознанию) как к чему-то обреченному на постоянный инфантилизм, не могущему «быть», «состояться» без рационального прояснения.

«Представляется, что ... трактовка, сводящая результаты идеологической деятельности к знанию, фактам сознания, — пишет Н. Б. Биккенин, — исходит из недооценки «практического сознания» и сводит суть проблемы к подтягиванию так называемого «обыденного» сознания до уровня научного»¹³. На защиту общественной психологии встает А. К. Уледов: «... Нет оснований считать общественную психологию, выражающую отношение социальных субъектов к явлениям действительности, менее «зрелой» областью общественного сознания, чем идеология, дающая знание о таких явлениях»¹⁴.

Процесс «реабилитации» обыденного сознания происходит не без трудностей и подвергнутые критике позиции воспроизводятся с настойчивостью, которая не должна нас удивлять, потому что анализ обыденного сознания с гносеологической точки зрения, как пишет Н. Н. Козлова, сразу ставит его в положение, когда «...обыденное сознание несомненно проигрывает по сравнению с теоретическими познавательными формами...»¹⁵. А именно такой точки зрения придерживаются В. И. Дубинин и Л. Г. Гуслякова.

Поначалу авторы настроены категорично: «В любом случае обыденное сознание не поднимается до уровня выделения противоречий и познания сущности явлений»¹⁶. Но все-таки книга носит назва-

¹¹ Буева А. П. Рецензия // Вопр. философии. 1985. № 8. С. 164. Рец. на кн.: Социалистическая идеология. М., 1983.

¹² Шорохова Е. В. Выступление на «Круглом столе» по проблемам коммунистического воспитания и развития личности на современном этапе // Вопр. философии. 1985. № 6. С. 31.

¹³ Биккенин Н. Б. Социалистическая идеология. М., 1983. С. 179.

¹⁴ Уледов А. К. Общественная психология и идеология. М., 1985. С. 39.

¹⁵ Козлова Н. Н. К анализу обыденного сознания // Филос. науки. 1984. № 4. С. 27.

¹⁶ Дубинин В. И., Гуслякова Л. Г. Динамика обыденного сознания. М., 1985. С. 11.

ние «Динамика обыденного сознания», а потому последнее не застывает в своем развитии на уровне патологии, а движется. Куда? Разумеется, «...положительным направлением можно назвать приближение обыденного сознания к сознанию научному...»¹⁷.

Чтобы облегчить обыденному сознанию нелегкий путь к сверкающим вершинам рационального знания, В. И. Дубинин и Л. Г. Гусякова строят лесенку «уровней обыденного сознания», по которой оно может «...почти вплотную приближаться к научному знанию»¹⁸. В процессе этой работы авторы делятся с нами небезынтересным жизненным наблюдением: «...Человек, не получивший специального образования, может прекрасно чувствовать красоту природы, преклоняться перед подлинными произведениями искусства»¹⁹. Смягчается и былой ригоризм по отношению к обыденному сознанию, но при условии, что чем более систематизировано обыденное сознание, тем чаще оно не просто фиксирует факты, но и проникает в сущность явлений²⁰.

Проясняет позицию авторов то, как они понимают роль и функции обыденного сознания, исследование механизмов распространения которого «...позволит определить факторы «нейтрализации», «блокирования» пережитков прошлого в сознании советских людей, пути перевода обыденных знаний на уровень научного знания»²¹.

Концепции личности — «человек рациональный» — соответствуют методы, приемы воздействия на нее в идеологическом процессе. Они делятся на два типа: социалистические (это убеждение, разъяснение, обращение к сознанию, разрушение стереотипов)²² и империалистические (внушение, обращение к подсознательному, создание стереотипов)²³.

Не останавливаясь на других направлениях переосмысления реальной парадигмы идеологической деятельности, заметим, что успех этого процесса тесно связан с развернувшейся демократизацией нашего общества. Обратим внимание на массовое сознание.

Годы, когда в развитии общества возобладали негативные тенденции, поставили нас перед необходимостью нелегкого морального выбора. Конечно, с какой бы силой жизнь ни давила на человека, он способен поступать и вопреки существующим обстоятельствам. Но свободой воли в моральном поступке человек обладает постольку, поскольку он «выбрал» в себя определенное культурно-духовное достояние, выработанное человеческим обществом исторически²⁴. Ну, а если не выбрал человек в себя определенной дозы духовности, культуры? Вследствие, например, «белых пятен» в его памяти?

¹⁷ Там же. С. 86.

¹⁸ Там же. С. 87.

¹⁹ Там же. С. 87—88.

²⁰ См.: Там же. С. 91.

²¹ Там же. С. 97.

²² Войтасек А. Психология политической пропаганды. М., 1981. С. 48, 121.

²³ Там же. С. 41, 57.

²⁴ См.: Дробницкий О. Г. Понятие морали.

Памяти, в которой должны фиксироваться не только успехи, но и неудачи. Могут ли быть здоровыми, недеформированными, мыслящими рационально отдельный человек с его индивидуальной психикой и общество в целом с его массовым сознанием, если у них нет памяти или она урезана, сокращена?

К условиям духовной (идеологической) среды, при которых возможно приобщение личности к «богатствам, выработанным человечеством», относится знание фактов прошлого, без которого для личности невозможно судить обо всем свободно, со знанием дела, с убеждением в правоте своей позиции. Только «...при наличии условий разрешение задач становится «долгом», «воля» становится свободной»²⁵. Если нет условий, то нет и свободы воли, место знания занимает вера, личностью манипулируют.

Существенную черту, сложившуюся в массовом сознании за последние тридцать лет, можно выразить так: авторитет умер, да здравствует авторитет! Умерла в массовом сознании одна «парадигма» авторитета и ощущается потребность в личностях, олицетворяющих новую «парадигму», которая, если присмотреться, не такая уж новая. «В конечном счете внушать людям можно только то, что в общем соответствует направлению их потребностей и интересов, их убеждений и воли, а значит, сам авторитет порождается коллективом, общностью и психологически индуцированными»²⁶. Игнорировать, не учитывать это новое в массовом сознании субъекту идеологической деятельности, не рискуя потерять доверие, невозможно.

Другим существенным моментом в массовом сознании является уже не прощание с прошлым, а расставание с мечтой о ближайшем будущем, в котором нашему поколению суждено было жить. Не будем говорить о той связи, которая существует между этими элементами, о детерминации в какой-то мере одного другим. Важно то, что массовое сознание, привыкшее к быстрому продвижению вперед, к «кавалерийской атаке» на новые рубежи и свершения, довольно-таки неожиданно оказалось в положении, когда многое необходимо совершенствовать и углублять. Во всяком случае, все мы вынуждены были под давлением неопровержимой реальности перестраиваться. Ломка стереотипов массового сознания, жившего идеей нашего технического первенства, — процесс болезненный. Он не обходится без определенных издержек, когда одни ищут причины отставания в отсутствии «хозяина», подразумевая иногда под этим частную собственность на средства производства, другие — в пресловутом русском характере. Чем круче поворот государственного корабля, тем больше пены, скопившейся на «глубине» за время спокойного эволюционного развития, поднимается на поверхность.

²⁵ Грамши А. Избранные произведения: В 3 т. Т. 3. М., 1959. С. 101.

²⁶ Першиев Б. Ф. Социальная психология и история. С. 147.

Точную интегральную характеристику взаимодействия массового сознания и идеологии дал М. С. Горбачев, выступая на совещании в ЦК КПСС. Генеральный секретарь привел слова рабочего, сказанные ему во время посещения одного из заводов. Рабочий выразил озабоченность, как бы, мол, движение по пути интенсификации не начало топтаться на стадии эксперимента. Как бы, мол, «они» не утопили живое дело в возне с экспериментированием, а быстрее продвигались вперед²⁷. И, думается, вот это разделение в массовом сознании на «мы» и «они» и является одним из существенных условий, в которых осуществляется идеологический процесс. Этот итог предшествующего развития не может быть оценен положительно. Но его верная оценка и учет, в том числе и в идеологической деятельности, создают предпосылки для преодоления негативной тенденции.

Разрешение противоречия заключается, в согласии с законами диалектики, в его снятии, в преодолении с сохранением. Преодолевается рассогласование, расхождение в массовом сознании на «мы» и «они», а сохраняется способность массового сознания оценивать, с фактами в руках проверять действительное положение дел, в результате чего и возникает либо чувство единого «мы», либо ощущение «мы» и «они».

Как образовались «ножницы» между массовым сознанием и идеологией? Какое звено оставалось на месте, а какое «отошло»?

Представляется, что негибкой, консервативной стороной в этом процессе был совокупный субъект идеологической деятельности. Его методы и стиль работы, которые сложились в 30-е гг., оставались на протяжении десятилетий неизменными. Между тем подвижная сторона — массовое сознание — сильно изменилась за это время. Можно сказать, что идеологический процесс развивался «экстенсивно».

Поэтому разрешение противоречия выступает как «подтягивание» отстающей стороны до уровня ушедшей вперед, как борьба с парадностью, славословием, идеализацией общественных отношений. Но могут ли быть образцом, идеалом все черты, особенности массового сознания? Нет. Достаточно много еще людей мыслят по такой схеме: «Индивидуум, даже если он сам ничего не делает, надеется, что именно благодаря весьма широкой распространенности таких взглядов коллективный организм неизбежно остается в бездействии. ... Любой индивидуум, видя, что, несмотря на его бездействие, постоянно что-то происходит, склоняется к мысли, что именно вне зависимости от отдельных индивидуумов существует нечто фантазмогорическое, существует абстракция коллективного организма, своего рода самостоятельное божество...»²⁸.

²⁷ Доклад товарища М. С. Горбачева на совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса, 11 июня 1985 г. // Коммунист. 1985. № 9. С. 27.

²⁸ Грамши А. Избранные произведения: В 3 т. С. 257.

Это возможно при условии, когда еще далеко не преобразован весь строй жизни человечества на рациональных, научных основах. По этой причине в нашей стране не всегда получаем в итоге своих действий (в экономике, других сферах жизни) те результаты, которые планировали, ждали. Все это задает, детерминирует своеобразный уровень массового сознания.

Не затрагивая других вопросов, без которых невозможен желательный сдвиг в массовом сознании, обратимся к идеологическому процессу. Мы не можем абстрагироваться от того факта, что идеологическая деятельность осуществляется индивидами, работающими в системе учреждений, построенной по иерархическому принципу. Нужно посмотреть, а не нуждается ли эта система, ее элементы в существенной перестройке с целью оптимизации, повышения эффективности действия всего аппарата? Возможно, по образцу реформы механизма управления народным хозяйством и здесь необходимо расширить права и повысить ответственность низовых единиц аппарата? Дать им своего рода право на идеологическую инициативу.

Практика перестройки социалистического общества объективно нуждается в правдивой, объективной науке. Объективность осуществляется через субъектов. И если субъекты поставлены в такое объективное положение, что объективность, «пройдя» через их сознание, не может найти себе выхода или превращается в субъективность, то такое положение должно быть изменено.

Итак, в идеологическом процессе мы отметили ряд моментов, которые считаем нерациональными: это образ субъекта идеологического процесса, концепция личности — потребителя продуктов идеологического процесса, соответствующие ей методы, приемы воздействия на личность. Преодоление этих моментов способствовало бы, на наш взгляд, повышению уровня, степени рациональности продуктов идеологического процесса, сделало бы идеологический процесс более эффективным.

Вместе с тем мы старались показать, что критерии рационального зависят от качественного состояния массового сознания. Новизна массового сознания определяется, во-первых, сменой «парадигмы» авторитета и, во-вторых, пересмотром взглядов на этапы и сроки становления коммунистической формации. Следует подчеркнуть, что одним из важных условий повышения рациональности идеологического процесса, условием осуществления свободы воли личности является более полное и адекватное отражение предшествующих этапов развития их; анализ в идеологическом процессе с целью предотвращения обострения противоречий между идеологией и массовым сознанием.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. Проблема рациональности науки и практики:

Философские аспекты

Ким В. В., Милыева С. Ю. Наука и вненаучные формы рациональности (к проблеме генезиса рациональности)	3
Сагатовский В. Н. Рациональное и иррациональное в деятельности	13
Неганов Ф. М., Трубицын А. П. Социально-практическая природа рациональности	22
Нарский И. С. Своеобразие рациональной аргументации в марксистской философии	32
Скоробогатский В. В., Фан И. Б. Рациональное в структуре ценностного отношения	39
Трубина Е. Г. Рациональность форм общественного сознания как проблема марксистской философии и методологии науки	47

Раздел II. Рациональность науки и практики:

Сущность и исторические формы

Брянник Н. В., Дуплинская Ю. М. Исторические формы рациональности науки и их взаимосвязь с практикой	58
Мирошников Ю. И. Рациональность различных уровней общественного сознания	72
Кемеров В. Е., Неуймин К. В. Развитие системного подхода и этапы научной рациональности	90
Вороно С. В., Железняк В. Н. Типы рациональности в гуманитарном знании	98
Левина Л. И. Проектирование как инструмент рационализации практики	106
Максимов А. А., Николин В. В. Проблема рациональности общественного производства в условиях социализма	114
Кононов В. А. О критериях рационального характера идеологического процесса в условиях социализма	122

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ НАУКИ И ПРАКТИКИ: ЗАКОНОМЕРНОСТИ СБЛИЖЕНИЯ

Редактор Т. С. Непряхина
Технический редактор Э. А. Максимова
Корректор В. В. Шапина

Темплан 1989, поз. 45

Сдано в набор 16.06.89. Подписано в печать 01.11.89.

Формат 60 x 90 1/16. Бумага типографская № 3.

Печать высокая. Уч.-изд. л. 8. Усл. печ. л. 8,25.

Тираж 800 экз. Заказ 552. Цена 40 коп.

Уральский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет им. А. М. Горького. Свердловск, пр. Ленина, 51.

Типолаборатория УрГУ. Свердловск, пр. Ленина, 51.